

БЛУЖДАЮЩИЙ КОСТЕР

ИРИНА АНДРИАНОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Андрианова

Блуждающий костер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70093957

SelfPub; 2023

Аннотация

Во время ночевки в лыжном походе туристы замечают недалеко от лагеря одинокий костер. Утром от него не остается и следа, зато каждую ночь он появляется снова, следуя за группой от стоянки к стоянке. Но самое странное происходит с теми, кто решает подойти к нему поближе: они возвращаются немного другими людьми...

Содержание

Неудачный поход	4
Тьма	38
Исчезнувший лагерь	68
Таинственные соседи	118
Амнезия	169
Ночной разговор	216
Эпилог	270
Примечания	284

Ирина Андрианова

Блуждающий костер

Неудачный поход

Туристы шли по лыжне вплотную друг к другу. Каждый едва не наступал на лыжи переднего – но не потому, что так уж сильно торопился. Пока не дошла его очередь первому тропить глубокий снег, каждый хотел насладиться легкостью скольжения по накатанной колее. Последний напирал на предпоследнего, предпоследний – на третьего с конца и так далее, пока вся колонна не упиралась в первого. А тот упирался в бесконечную снежную целину, которую еще предстояло превратить в гладкую лыжню. И предстояло ни кому-нибудь, а именно ему, первому. Один за другим тропильщики сменялись. Раскрасневшись, тяжело дыша, они отходили в сторону, предвкушая заслуженный отдых и пропуская вперед группу с новым первым во главе – тем, кто еще минуту назад был вторым. Легкомысленная надежда, утешавшая его еще секунду назад («а может, еще не прямо сейчас?») за эту секунду успевала смениться суровой обреченностью. За первым тянулся третий – теперь уже второй, потом четвертый, который стал третьим, и далее по порядку. Все они до поры до времени старались не думать о грядущем

– о неподъемных пластах белого снега, которые вскоре придется выворачивать лыжами, как плугом. Каждый пытался представить себе, что его очередь тропить никогда не наступит («а вдруг?»). Но она настаивала. Рано или поздно последний рюкзак спереди, отделявший очередника от непаханого снега, сходил в сторону, и он оставался один на один со своей судьбой. Володя, руководитель похода, хрипло кричал из-за спин «Смена!». Это означало конец страданий для одного и начало – для другого. После этого возгласа представительницы женской части группы с тропы немедленно, мысленно благодаря доброго и чуткого Володю; мужская же часть, которой по долгу чести полагалось бороться до конца, делала еще несколько десятков вымученных шагов. Впрочем, они давались легче, чем вначале, потому что страдалец знал: финал близок. Количество этих бонусных шагов, по негласной традиции, определял ближайший сменщик. Именно он должен был, решив, что товарищ достойно выступил, негромко сказать сзади: «Данил... Ты ладно уже, хва...» Тогда Данил получал право на окончательное освобождение. И он не просто отходил в сторону, а гордо валился набок в снег, как загнанная лошадь, испуская в морозный воздух пар от своего разгоряченного тела. Проходящая мимо вереница товарищей награждала героя уважительными взглядами. Силы, которые нужно было потратить на последующее вылезание из снега, не имели значения перед возможностью хотя бы минутку полежать без движения, и никто

из «лосей» – молодых парней, обуруваемых здоровым спортивным тщеславием – не собирался себе в этом отказывать. Володя смотрел на мужские игры сквозь пальцы. Он делал вид, что не заметил задержки со сменой – если, конечно, это не начинало отражаться на качестве хода. Тогда он строго прикрикивал сзади: «Харэ самоутверждаться – скорость падает», и тогда смена происходила мгновенно. А группа проходила уже не мимо не отдыхающего триумфатора (как было бы, имей он чувство меры), а пристыженного неудачника. Все его предыдущие заслуги в тропежке сразу обнулялись (во всяком случае, в его представлении). Он вставал позади команды с мрачным видом, и всю передышку до следующего сольного выхода нервничал, толкая лыжи соседа; ему хотелось поскорее взять реванш за ошибку.

Женя не ведала этих тонкостей. Она безо всякого азарта отрабатывала свои сто женских шагов (для мужчин норма была в два раза больше) и, довольная, вставала назад отдыхать. Нередко во время ее тропежки задолго до спасительного «Смена!» сзади слышались выразительные вздохи и ворчливое «Может, женщин от тропежки освободим? А то до ночи идти будем». Подобные реплики принадлежали обычно Димычу – самому суровому из «лосей». Не то чтобы он имел что-то против женщин. Вовсе нет – он вообще их не замечал, всецело поглощенный испытанием собственной плоти. Правда, когда они досадно мешались в этом его занятии, он с трудом себя сдерживал. Всякий раз, когда Женя, Катя или

Яна, робко улыбаясь, просили по вечерам в лагере дать им немножко попилить (дело в том, что, пока шатер не был поставлен, а печка не растоплена, работа пильщика была чуть ли не единственным спасением от жуткого холода – ведь согревающая тропежка была доступна только днем), он делал строгую гримасу и отвечивал, что развлекаться они будут потом, а сейчас нужно максимально быстро заготовить дрова. «Вы же не хотите холодную ночевку?» – добавлял он, нахмутив брови. И продолжал пилить с остервенением, несоответствующим его щуплому телу. Димыч был так худ, что даже узкий капроновый костюм болтался на нем, как на вешалке, не обозначая форм тела. Однако же он всегда стремился атаковать пилой самую толстую сушину – особенно, если перед тем Володя задумчиво чесал подбородок и говорил, что она, конечно, хороша, но сумеют ли парни ее спилить? И тут же Димыч, проваливаясь в снег по колено, неуклюже бросался к сухому сосновому стволу с двуручной пилой в руках. За ним, хотя и без особого энтузиазма, следовал Генка – высокий красавец-брюнет. Сил у него было побольше, чем у Димыча, но он не имел обыкновения выкладываться до полусмерти, поэтому в негласном «лосином» соревновании они шли корпус к корпусу, лыжа к лыже. Димыч добирал самоотверженностью. Когда отпиленная сушина, покачнувшись от навалившихся тел и рук, с глухим стуком валялась в снег, он первым хватал топор и принимался обрубать сучья. Когда дерево уже было разделано на куски, он,

не раздумывая (хотя, на самом деле, раздумывая и тщательно выбрав), подсаживался под самый длинный и толстый из них. Пошатываясь на тонких ногах, скривившись от натуги (он надеялся, что никто этого не видит), Димыч поднимал бревно и тащил его к лагерю: там его предстояло пилить на мелкие кусочки, а затем колоть топором. Генка не без тайного удовольствия брал бревно поменьше. Еще меньшие куски вдвоем поднимали Женя и Катя. С напряженными лицами, отдуваясь, они тащили их следом за мужчинами, мелко семеня по уже протоптанной колее.

– Ну куда вы лезете? – недовольно вздыхал Гена, заметив их старания. – Мы сами перетаскаем... Уфф...

– Шатер идите лучше ставьте! – сипло слышался голос Димыча.

– Да там пока Володя шатер-то не достал... Он в лес убежал. Видать, терпел долго, хе-хе... Так что ж нам, теперь стоять и мерзнуть? Лучше мы вам поможем, – по очереди говорили девушки, пытаясь хихиканьем смягчить сердца суровых воинов.

Но на Генку это не действовало, а Димыч только сильнее раздражался.

– Охх... – выдавливал он, и в этом охе была не усталость, а с трудом сдерживаемое недоумение: зачем эти бабы вообще пошли в поход? Зачем они тут нужны? Здесь место для него, Димыча, закаляющего свой дух и упражняющего тело; ну, отчасти еще для Генки, Петьки и Данилыча. (Они, конечно,

сильные мужики, но до Димыча им далеко). Здесь место для Володи: хоть он и старый (целых тридцать три года), но руководитель хороший, водит грамотно. Вот с ними со всеми можно было бы действительно интересный маршрут пройти. Если бы не эти... э-э... не женщины. Тропить как следует не могут; вес нормальный нести не могут. Все время стонут, ноют. Жалуются, что им холодно. (Димыч героически ходил по лагерю в одной капроновой ветровке, хотя все давно одели теплые куртки). Но если им так плохо, зачем рвались в поход?

Ему было невдомек, что женщины хотят в поход, чтобы быть рядом с такими, как он – сильными и brutальными. А если повезет, то и выйти за такого замуж. Он был честный и простодушный, и не понимал женских мечтаний. Старшекурсник с физфака, он сам ходил в походы всего год, а до этого был классическим ботаником-домоседом. И теперь за короткое время стремился наверстать то, что его товарищи достигли за несколько лет (строго говоря, они ничего особенного не достигли, но он этого не знал). Если была возможность, он всегда шел впереди, и пытался сам вести группу по спутниковому джепезу. В свой рюкзак он забирал самое тяжелое – печку и котлы. Он взял бы и шатер, но тот был размером с пол-рюкзака и уже никак не помещался. Оставшийся свободный объем заполняли два тощих мешочка – почти негреющий димычев спальник и сверток с теплой одеждой. Куртку-пуховку он для экономии веса заменил синтепоно-

вой жилеткой. Отчасти поэтому Димыч узурпировал на стоянках всю тяжелую работу: ему, как и девчонкам, было мучительно холодно, но ни за что бы в этом не сознался. В шатре он безропотно согласился на самое худшее место – вдали от печки, около заиндевевшей капроновой стенки. Он пытался уверить себя, что уставшее тело уснет, несмотря ни на что; увы, эта надежда не оправдалась. Он спал урывками и постоянно просыпался, дрожа от озноба. По-настоящему согреться ему удавалось только во время ночного дежурства у печки, когда приходила его очередь. Но тут возникала другая проблема: разморенный теплом и измученный бессонницей, он сразу засыпал, как был, скорчившись на неудобном чурбачке, и пробуждался, лишь когда печка прогорала и озябшие товарищи начинали шевелиться и постанывать во сне. Тогда он вскакивал и, посылая себя в душе отборнейшим матом, начинал лихорадочно разводить огонь. К счастью, он обычно успевал вернуть тепло в шатер до того, как кто-нибудь просыпался; передав пост у горячей печки новому дежурному, он опять залезал в свой спальник-«простынку» и продолжал до утра воевать с природой. Еще и по этой причине его лицо было все время темным и мрачным. В лесу он косился на закутанных по уши бездельниц-девчонок, слушал их уютное, согретое хихиканье и вопрошал про себя, как возможна такая несправедливость. Что они сделали для того, чтобы им было хорошо, тогда как ему – плохо? В течение похода он еще ни разу не улыбнулся, и только коротко,

по-мужски (как казалось ему), хмыкал на чужие шутки. Ему было очень тяжело, но он считал, что должен выдержать эту пытку до конца. Вот все закончится, тогда и посмеемся, говорил он себе.

Другие товарищи мужского пола не были склонны к самоистязаниям, но невольно подхватили заданный Димычем образ сильного немногословного самца. Необходимой его компонентой было холодно-пренебрежительное отношение к девушкам, отчего последние очень страдали. Если поначалу в глубине души каждая из них и впрямь надеялась привести из похода кого-нибудь из парней в качестве мужа, то через пару дней мечты редуцировались до здорового минимума: они мечтали просто о дружеском тепле. Увы, бедняжки не получали даже его. Красивый сильный Генка, аспирант с исторического факультета, любил фортификационные сооружения XVIII века гораздо сильнее, чем женщин. Их округлившиеся в восхищении глаза, когда вечерами у костра он рассказывал о способах взятия крепостей (рассказывал, конечно, не им, а братьям-мужчинам), не могли смягчить его сердца; если он и был тщеславен, то славы искал не у них. Попытки задавать ему трогательно-наивные вопросы детски-тоненьким голоском (то, что обычно действует безотказно!) и вовсе вызвали в нем отвращение: он брезгливо морщился и делал вид, что не услышал. Данила (в миру – программист, в лесу – ремонтник) на привалах не интересовался ничем, кроме починки лыжных креплений. Благо, ра-

боты у него хватало. И его тоже было не купить ни наивно-стью («ой, а что это ты такое делаешь?»), ни лестью («слушай, как у тебя круто получается!»). То, что у него круто получается, он знал и сам. Ну а Петя, самый молодой участник группы – он учился на первом курсе химфака – круглые сутки занят был тем, что обожал авторитетных старших товарищей, и тоже совершенно не замечал дам. Он ходил за мужиками хвостиком, неловко пытался помочь, смотрел в рот – но, в отличие от девушек, его ухаживания воспринимались благосклонно, так как укладывались в традиции самцовой иерархии. Единственным, кто замечал присутствие несчастных брошенных женщин, был руководитель похода Володя. Как минимум, по долгу службы: все три были вписаны в его маршрутную книжку, и он обязан был привести их назад без серьезных повреждений. Поэтому примерно раз в день он спрашивал то у одной, то у другой, как у них дела и все ли в порядке; получив утвердительный ответ (что было правдой, ведь их страдания не входили в область рационального), он с облегчением забывал о женском вопросе до следующего раза. Он был добродушный, но простоватый и толстокожий; уловить носящуюся в воздухе скорбь, если на словах было сказано, что все хорошо, он не был способен, а читать по лицам мешали толстые стекла очков. Про себя Володя был уверен, что группа ему попалась хорошая: мужики сильные, шустрые, не ленивые. Разве уж очень вперед лезут, как бы не надорвались. Но на это есть он, руководитель. А вообще –

все даже лучше, чем он надеялся. «Девчонки, хорошо идем, по графику! Того гляди, и «тройку» пройдем!» – хихикал он, победно оглядывая слабую часть своей группы. Девушки в ответ мычали и кисло улыбались, а ему было невдомек, что успешное прохождение зимнего маршрута третьей категории сложности – в действительности самое последнее, что их интересовало.

Словом, с этой группой им не повезло. Особенно не повезло Жене – она оказалась в сложном походе всего второй раз в жизни. Яна и Катя, хоть и были ей ровесницами, но ходили со школы, и имели опыт разных компаний, удачных и неудачных. То, что в этот раз им попались, по их мнению, смурные козлы, которые нормально ни на один вопрос ответить не могут, не способно было разочаровать их в туризме как таковом. В сущности, это ведь скорее проблемы козлов, потому что они, Яна и Катя, с такими больше в жизни никуда не пойдут. А вот Женя была разочарована и глубоко страдала. Она еще верила в мифическое походное братство, где, как в советских комсомольских фильмах, все сияют глазами и похлопывают друг друга по плечу. Дружба, взаимовыручка, песни у костра хором, веселые девчата, красивые и сильные парни (естественно, поголовно влюбленные в нее) – вот как она представляла себе походы, вот чего ждала. Предыдущая ее группа не вполне соответствовал идеалу, но еще сильнее заставила поверить, что он достижим: год назад ее взял с собой дядя-турист, и она оказалась в компа-

нии уже пожилых девчат и парней. Они хлопали друг друга по плечу, пели архаичные походные песни и без остановки вспоминали счастливые старые времена, где все было то же самое, только еще лучше, потому что все были молоды и влюблены друг в друга. И Женя, конечно, поверила. Поверила в то, что ей тоже суждено стать героиней ожившего черно-белого фильма, где парни будут героически провешивать веревки на перевал, чтобы осторожно провести по ним своих девчат. А потом, у костра, будут петь песни и внимательно смотреть им в глаза. Точнее, они будут краснеть и робко отворачиваться, потому что смущение перед женщиной – наивернейший признак влюбленного сильного мужчины. И вот она оказалась в походе, где, казалось, все наличествовало для осуществления ее мечты: много молодых мужчин и не очень много женщин. Но ее здесь в лучшем случае не замечали, а в худшем – презирали. И она не могла понять, за что. То есть, конечно, она кругом делала одни промахи, что верно, то верно; но она точно знала, что старается не хуже тех комсомолок из черно-белых фильмов. А ведь их усилий вполне хватало, чтобы их любили и уважали. Что же не так в ней? Почему на любой скромный (а главное, необходимый) вопрос Димыч лишь выразительно вздыхает, словно Женя продемонстрировала верх невежества и бестактности? Почему Генка делает вид, что не слышит, и нужно бежать за ним, чтобы он, наконец, нехотя обернулся? Почему Данила не делает вид, а действительно не слышит, занятый своими идиот-

скими отвертками и плоскогубцами, а Петя вдобавок еще и ничего не видит, всецело поглощенный выслуживанием перед этими тремя непробиваемыми дубами? И почему Володя искренне уверен, что все его участники только и думают, как бы взять указанные в маршрутной книжке шесть перевалов и две вершины, и больше никого ничего не интересует? Пожалуй, если бы она бы оказалась на положении аутсайдера одна, ее самооценка обрушилась ниже самого глубокого дна. Но, по счастью, Катя и Яна тоже были отвергнутыми, и они утешали ее бодрыми шутками. За неимением других вариантов три женских одиночества крепко сошлись, и совместно противостояли холоду и бесприютности мужского мира. Они вместе ставили и застилали шатер (тем паче, что это было штатным женским занятием, самым неприятным из всех лагерных обязанностей), вместе готовили ужин (даже если была чужая очередь дежурить), и по лыжне старались идти друг за другом, инстинктивно ища поддержки товарок по несчастью.

– Блин, ну Димка и злыдень, – вполголоса говорила Катя, убедившись, что позади никого нет, а петин рюкзак покачивается метрах в трех впереди. – Уже и не знает, к чему придраться. И тропим мы не так, и ходим не так.

Димыч только что сменил ее на тропежке, причем сменил не без унижения, отправив в отставку раньше времени: ему казалось, что она тормозит группу. Володя шел в середине и был не в курсе того, что творилось впереди. Возможно, Ка-

тя и впрямь притормаживала, потому что день клонился к вечеру и после сегодняшнего тяжелого перевала все устали. Но даже если так, за ради чего придирается к мелочам, когда все равно скоро стоянка?

– Ага, вот обязательно надо повыпендриваться... Уфф... Типа он самый сильный. Вот и тропил бы за всех! – поддакнула Женя, которая, хоть и сменилась перед Катей, но еще не успела отдышаться: такой глубокий был снег.

– На ворону похож. Нос длинный, спина сутулая, да еще и очки. – Катя зацокала языком и, хотя Женя шла впереди и не могла ее видеть, она воочию представила любимую катину гримаску, изображающую Димыча.

Они с Яной дружно хмыкнули.

– Может, он потому такой и злой, что некрасивый? – решила Женя развить тему.

– Ну вот Генка красивый, и что? Такой же злой, – отозвалась Яна.

– Да и Данила, и Петька. Словно душа у них ампутирована, ей-богу. Надо же, чтобы такие вместе собрались! Наказание прямо.

– Вот для меня, например, поход – это, прежде всего, общение. Ну, и красота вся эта вокруг, конечно, – мечтательно рассуждала Женя. – А эти как будто пошли, чтобы рекорды спортивные ставить...

– Ну и ставили бы сами по себе, без нас. А раз уж так получилось, что в группе есть и другие люди... у которых,

положим, другие задачи, так надо ж с этим считаться!

– Мы тоже кое-что полезное делаем. Шатер им каждый вечер ставим, пенки укладываем, пока они своей так называемой мужской работой занимаются, – добавила Яна. – Может, мы тоже не прочь попилить, согреться. Да кто ж нам даст? Свалили на нас все самое беспонтовое, да еще и дедовщину устроили!

Идущий впереди Петя остановился. Яна едва успела затормозить, чтобы не наступить ему на задники лыж; мужики этого не любили и недовольно огрызались. Свою гневную фразу Яна заканчивала уже шепотом, обернувшись к подругам. Оказалось, заминка была связана с очередной сменной. Вскоре вереница снова поползла вперед, и нагнала сошедшего с лыжни Димыча. Он стоял, согнувшись пополам и опершись впалой грудью о высокие лыжные палки; огромный рюкзак лежал на нем почти горизонтально, как каменный свод на плечах у атланта. Скрытое под ним щуплое тело хозяина сотрясало от учащенного дыхания; во все стороны валил пар. Жене невольно пришло в голову, что вот она – цена легкого скольжения, которым она наслаждалась последние несколько минут. Димыч, должно быть, выложился до полусмерти, чтобы удержать хорошую скорость. Она чуть было не пожалела его, но вовремя опомнилась: уж он-то не стал бы жалеть ее ни при каких обстоятельствах. Да и вряд ли сам нуждался в жалости. Пропустив группу, атлант крикнул, медленно выпрямил спину и, подшагнув боком, встал

на лыжню. Теперь он шел позади Кати, вкушая плоды своего труда: впереди было еще целых пятнадцать минут блаженства, когда не надо тропить.

– Короче, в следующий раз с нами иди, – шептала Яна, оборачиваясь к Жене через плечо. «С нами» означало с их старой компанией подросткового клуба «Луч», с которой они с Катей ходили с детства. – У нас народ душевный. Сто лет с ними хожу, все друзья, все классно.

– Ага. И девчонки, и парни. Не то, что эти, – подтвердила Катя, боязливо оглядываясь назад – не слышит ли Димыч?

Но он не услышал бы, даже если бы она говорила в голос. Насладиться передышкой была важнее, чем прислушиваться к бессмысленному женскому гомону. Он смаковал каждое свободное движение, каждую секунду, прожитую без вязкой снежной целины, которую он только что вспахивал, точно плугом. Димыч так запыхался, что у него запотели очки; он остановился, оттянул резинку, которая удерживала дужки от падения, и принялся неловко тереть мутные стекла грязной тканью рукавицы. За это время рюкзак Кати, покачиваясь на ходу, удалился на несколько метров. Пришлось напрячься, чтобы догнать его; но даже это лишнее усилие было ничто в сравнении со свободой от тропежки.

– Чего стоим, кого ждем? – крикнул он, догнав процессию и заметив, что она замедлилась.

Это относилось, понятно, не к Кате: ее скорость всецело зависела от Жени, женина – от Яны и так далее. Так как груп-

па шла плотно, без разрывов, очевидно было, что заминка случилась впереди, у нового тропильщика. Димыч не то что хотел кого-то обвинить, или чересчур любил командовать: нет, его искренне огорчало, если группа шла медленно. Он чувствовал себя ее частью, и всей душой мечтал, чтобы эта неповоротливая гусеница ползла по лыжне быстрее. Но девчонки, уже привыкшие к особенностям его характера, восприняли это на свой счет.

– Блин, ждем, когда ты сдохнешь, – сердито прошипела Катя на ухо Жене; та в ответ тихонько прыснула.

– И чего нейдется-то? Не хватило тропежки, что ли, еще хочется? – в свою очередь, пробурчала под нос Яна.

Вступать в открытую конфронтацию они не решались – тем более, что формально Димыч ничего грубого не сказал. Приходилось вновь и вновь сглатывать обиду на то, что долгожданный поход оказался не похож на идеальные представления о нем. Но теперь Жене было легче: девчонки зажгли ей свет надежды, рассказав про новую прекрасную группу, к которой она сможет присоединиться. Надо лишь вытерпеть до конца эту «тройку» и вернуться домой.

– Кать, а ты меня с ними познакомишь? Со своими ребятами, из «Луча»? – с надеждой обернулась она к подружке, хотя была уверена, что получит утвердительный ответ.

– Да само собой. Мы, может, летом на Кавказ пойдём. Я руководителю про тебя скажу.

– Вау!

Про Кавказ было еще ничего не решено, но Кате хотелось утешить Женю и утешиться самой. А в то, что она без проблем сумеет ввести новенькую в свою компанию, она сейчас была вполне уверена. На фоне бесконечных несправедливостей, которые им приходилось терпеть, светлое будущее совместного похода на Кавказ казалось законной наградой для всех. На миг обе представили себе залитые солнцем южные горы: внизу – зеленые, вверху – голубовато-снежные. По тропинке среди этих гор весело шагала группа: сильные парни, веселые девчонки. Совсем не то, что тут. Видение быстро промелькнуло перед глазами Кати, и подольше задержалось у Жени: ей захотелось повнимательнее рассмотреть парней. Особенно того, высокого, со смеющимися глазами и черными кудрями. Вот-вот сейчас он посмотрит на нее, и взгляд его сразу станет серьезным и внимательным... Да-да, конечно, так и будет! Надо только добраться до Кавказа. А там наступит солнце, дружба, любовь, счастье! Надо только немного потерпеть, и тогда... Женя улыбнулась в шарф и вздохнула; видение исчезло. Слева вдалеке по-прежнему тянулся каменистый край отрога, по которому они спускались в долину. Он был холодным и недружелюбным. Точно такой же отрог справа уже скрылся за лесом. Небо еще голубело, но золотисто-розовые отсветы на пологом хребте напоминали, что вечер близок. Солнце уже исчезло за стеной из тощих северных елей; лишь между макушек их еще пробивалось слабое зарево, быстро растворявшееся в голубизне. При та-

ком свете, как уже знала по опыту Женя, до стоянки оставалось не более часа. Во всяком случае, к этому обычно стремился руководитель. Иначе потом пришлось бы искать место в полной темноте. Но на сей раз Женю ждало новое разочарование: группа все шла и шла, как будто забыв о ночлеге. Девушки проклинали Володю, но он был совершенно не причем. Хотя они спустились далеко в лес, уклон местности по-прежнему был крутоват для шатра. Володя и сам уже начинал нервничать, однако не командовал остановки. Женя успела еще дважды оказаться впереди, протропить свою норму и встать назад; дважды с пыхтением пристраивалась сзади Катя. Все ниже нагибался, отдыхая на палках, усталый Димыч. Парни стали молчаливее обычного, и уныло топали, тои дело с надеждой оглядывались по сторонам.

Невидимое солнце, до последнего державшееся за кромку леса, не выдержало и отпустило ее. Сразу, резко – или так показалось Жене? – на тропу упали сумерки. Между елей сгустились сначала синие, а потом и черные тени. Белый снег поголубел, но это была невеселая голубизна уходящего дня; лес словно высасывал ее у неба, постепенно превращая в темноту. Вместе со светом ушло и обманчивое дневное тепло. Казалось, без солнца мороз осмелел и выполз на тропу из чащи, где он прежде прятался. Он нагло протягивал свои синие пальцы к слабой человеческой коже, и уже невозможно было, как прежде, согреться движением: холод проникал всюду. Теперь Женя радовалась, что группа большая, что

они идут плотно, как связанные звенья цепочки, и что позади есть Димыч, Генка и Данила, а спереди – Володя и Петья. Вообще-то она жутко боялась леса. Этот страх на время отступал только днем, на марше. Чтобы прогнать страх, она принялась, как обычно, играть с собой в странную игру: представляла, будто из леса со всех сторон и вправду надвигается что-то неведомое. Однако это нечто словно упиралось в невидимый заслон, который окружал группу. Женя была уверена, что большая компания людей, которые не боятся лесного ужаса (она полагала, что никто, кроме нее, не боится), силой своей мысли способна прогнать его. Воображение будоражило нервы, и Женя уже почти верила в свою выдумку; но одновременно с тем рациональная часть ее души начинала громко сопротивляться: ты что, совсем с ума сошла? Так они и шли вдвоем: одна боялась, другая успокаивала, но обе были единодушны в том, что цепочку лыжников ни в коем случае нельзя разрывать. Стоит отстать от соседа хотя бы на метр – и прозрачная защита исчезнет. И Женя невольно ускоряла шаг, наступая на лыжи Яны, которая, вопреки обыкновению, в ответ не ворчала себе под нос; ибо она и сама то и дело набегала на лыжи Володи, а он – на петины. Группа инстинктивно пыталась стать еще плотней, превратиться в одно большое существо, противостоящее холоду и тьме, и уже никто не обращал внимания на нарушение личных границ. Лишь Димыч иногда вздыхал позади «Геныч, ну блин же!..» Женя поражалась его бесчувственности, но вме-

сте с тем и радовалась ей: ведь невосприимчивость к страху и есть главное оружие, которое охраняет группу.

Наконец, когда надежд на комфортную ночевку почти не осталось (Женя в какой-то момент была готова поверить, что они будут шагать всю ночь) Володя гаркнул «сушина!». Группа мгновенно встрепенулась, ища глазами эту спасительное дерево, которое обещало подарить им ночной сон. Тотчас мимо девчонок пробежал, вспахивая новую колею, Димыч; он будто забыл об усталости. За ним размашисто прошагали Генка с Данилой. Генка на ходу задел Женю палкой, но даже не обернулся. Они спешил к новой точке приложения своих молодецких сил, и не замечал рядом столь ничтожного утолщения пространства, как женская часть коллектива. И вновь, хотя об этом было уже передумано-переговорено, Женя с досадой сказала про себя, что какой же надо быть ледяной колодой, чтобы не замечать женщин!

– Не очень-то тут ровно, конечно...

– Придется лопатой подкапывать...

– Вот если б еще километрик приспуститься! – слышались обсуждения среди елей.

– Вот уж не надо! – одними губами произнесла Катя, выразительно поглядев на подруг.

– Пусть как хотят, а я больше никуда не пойду! – гневно заявила Яна; однако же, она сделала это так тихо, что точно не могла быть услышанной.

К счастью, реализовывать свою угрозу ей не пришлось.

Послышался хруст ломаемых веток и деловитые переговоры: «Костер тут будет... Шатер – там... Петька, гони топор...» Димыч, презрев комфорт и не набросив даже жилетки, отстегнул пилу и ринулся в темный строй еловых стволов – туда, где Володя заметил сухую ель. За ним направился Генка. Он, в отличие от товарища, успел открыть клапан рюкзака и вытащить пуховую куртку.

– А где шатер-то ставить? – буркнула Катя, облачившись в свою пуховку.

Девушки уже начали зябнуть. А ведь предстояла еще пара часов медленной и холодной процедуры натягивания шатра! Они с завистью поглядывали в темноту леса, откуда доносилось повизгивание пилы и бодрые мужские голоса. Вот где был источник тепла – им, увы, недоступный.

– Да вот тут, где вы сидите, – ответил Володя, ковыляя мимо с лопатой. Он утопал по колено при каждом шаге.

Посреди предполагаемой площадки валялись брошенные рюкзаки Димыча и Генки. Женя и Яна взяли их за ляжки и поволокли прочь, на ходу проклиная эгоизм их хозяев.

– Эй, там у меня фонарь! За клапан не хватать! – строго крикнул Димыч, внезапно возникнув из-за деревьев.

– Вот сам бы и перетаскивал... Мы, между прочим, для всех шатер ставим, а не для себя, – попробовала возмутиться Женя, но вышло жалко и неубедительно.

Димыч снова выразительно вздохнул, показывая всю меру своего недоумения от подобной тупости и лени, и, забрав

рюкзак, сам отнес его в сторону под сосну. Открыв клапан, он достал фонарь, придирчиво его осмотрел (очевидно, с фонарем все было в порядке), после чего включил и кое-как водрузил на голову.

– Ребят, нам вообще-то кол под шатер нужен... Шатер-то на что ставить? – напомнила Яна.

– Блин, сейчас... Не все же сразу! – раздраженно отозвался Димыч.

Он убежал к дровосекам, а девчонки тем временем принялись утрамбовывать площадку – медленно топтать по кругу на лыжах, как лошади, привязанные к коловороту.

– Хоть бы одно доброе слово сказал, – высказала общую мысль Катя.

– Как же, жди! Он на это не способен.

– Эх, скорей бы уж все закончилось!

Незаметно стемнело, и вокруг вместо людей задвигались фонари. Каждый из них что-то говорил знакомым голосом. Слева голос Володи, запыхавшись, поучал, как лучше привязать костровой трос. Другой фонарь что-то отвечал ему голосом Пети. Вот между ними вспыхнул крошечный оранжевый огонек, сразу скрывшийся в облаке дыма. Слава Богу, зажгли костер! Значит, будет тепло. Но увы – не сейчас и не для девчонок. Они, как проклятые, должны околевать на своем посту, потому что этим убудочным мужикам, которые греются сейчас с лопатами, у костра или на пилежке, недосуг вспомнить о них и принести, наконец, шест для шат-

ра. Им-то что – им же хорошо... Разве нужно о других думать?..

Женя, стиснув зубы, с наслаждением проклинала мужское бездушие, как вдруг темноту прорезал вопль Димыча.

– В сторону, бл...ь!! – заорал он.

Девчонки, не сговариваясь, прыгнули в разные стороны. Тотчас наверху что-то качнулось, беззвучно пролетело мимо и через секунду крона сосны со стуком и хрустом упала в паре метров от шатровой площадки.

– Никого там не пришибло? – послышался неуверенный голос Данилы.

– Никого... Но предупреждать же надо! – Катя, отряхиваясь, вылезала из снега, куда она со страху шлепнулась.

– Пацаны, вы там это... поосторожнее, а то поголовья не досчитаемся! – строго крикнул Володя.

От фонарей пильщиков послышалось что-то невразумительное, а потом снова завизжала пила: началась разделка убитой сосны. Женская команда, так и не дождавшись доставки центрального шеста для шатра – обычно под него обтесывали молодую сосенку – начала привязывать боковые оттяжки. Дело шло медленно, потому что требовалась точность, а замерзшие руки и ноги двигались с трудом. Женя в который раз жаловалась подругам, что у них, на самом-то деле, самая тяжелая работа, а парни под видом «сурового мужского труда» забрали себе самую легкую и приятную.

– Нет, я понимаю, конечно, что свалить дерево – это сила

нужна и все такое... Но они же нам даже попробовать не дают! Вот лучше шатер бы ставили, я бы на них посмотрела...

– Говорю же я – дедовщина у нас, – вздыхала Яна.

Шатер худо-бедно был привязан. Без центрального шеста – в группе его называли фикусом – шатер походил на большой плоский стол, покрытый туго натянутой скатертью. Место, где упала сушина, уже полностью скрыла тьма. Там суетились три фонарика, очевидно забыв про шатровую команду.

– А чё мы мерзнем-то? Собаки, что ли? – не выдержала Катя. – Пойдемте к костру погреемся. Они там развлекаются, а мы ждать должны.

– И правда. Мы им что, рабыни?

Девчонки несмело потянулись к костру – в глубине души они боялись, что злые мужики накинутся на них за то, что они оставили пост. Хотя греться в процессе работы, в общем-то, не возбранялось, и даже суровая димычева компания иногда позволяла себе минутную передышку, девушки не удивились бы, если бы именно им это вменили в вину. Но опасения оказались напрасны: костром заведовал добродушный и не видящий дальше своего носа Володя, а при нем на подхвате трудился услужливый Петя.

– Змерзли, маугли? – захихикал руководитель. – Располагайтесь, не стесняйтесь!

Он уже успел расслабиться и отогреться, удобно устроившись у огня на пенковом коврикe, и оттого пришел в бла-

годушное настроение. Облокотившись о ствол сосны, он сидел, как в кресле, и раздумчиво изучал перемотанные скотчем продукты для ужина – большой плотный шарик гречневой крупы, шарик поменьше (увы!) сушеного мяса, кирпичики сахара, сухарей и печенек. Закладывать крупу в котел было рано – снег еще не полностью растаял, и в вытопленной воде плавали прозрачные его комочки – однако Володя счел, что после тяжелого, полного волнений дня он имеет право немножко «потупить». А так как он был человеком справедливым, то не отказывал в таком праве и другим. Если, конечно, дело не простаивало.

– Петро, снега в большой котел подкинь! – окликнул он напарника.

Петя, смутившись, что отвлекся, кинулся набирать в сторонке чистого снега.

– Ты знаешь что? Иди-ка лучше к мужикам, дров притащи. У них, небось, уже наколото, – изрек Володя немного погодя, прислушавшись к звукам за деревьями. Там, кроме пилы, теперь стучал и топор. – А мне тут девчонки помогут. Верно, девчонки?

От тепла и уюта он совсем разнежился; в сощуренных глазах мелькнули масляные искорки. Он вспомнил, что в походе присутствуют дамы, а значит ему, как старшему по званию, положено хитро подмигивать, растягивая вкусное слово «девчо-о-онки». Катя ухмыльнулась и взяла у Пети поварешку, чтобы зачерпывать снег. Женя и Яна, пока что

необремененные обязанностями, присели у костра на корточки, протягивая к огню отсыревшие рукавицы. Замерзшие руки сладостно пили тепло, перекачивая его дальше в тело, а с ним вместе – и надежду на комфортный сытый вечер. Не доходило покамест только до окоченевших ног: они были слишком плотно изолированы от костра ботинками, а сверху еще и бахилами. Растопить их могло лишь движение, а его пока не предвиделось. Но все равно Женя придвинулась к огню и замерла, блаженно зажмурившись: дорога была каждая секунда тепла.

– Рукавицы не прожги, хе-хе!

– Не прожгу, они мокрые.

– Ты знаешь, что в походе вещь бывает только в двух агрегатных состояниях – либо мокрая, либо горелая? Переходной стадии не дано! – принялся шутить Володя.

– Бл...ь, а кто шатер ставит?! – раздался из темноты грубый окрик Димыча. Следом что-то глухо стукнуло о снег. Должно быть, он принес давно просимый фикус.

– Вот бли-ин... – пробормотала Яна.

Девчонки сразу отскочили от костра, как застигнутые врасплох воришки.

– Дима, мы ждали-ждали, пока вы фикус принесете, замерзли уже... Решили вот пойти погреться... – тоненько проговорила Женя, то ли обижаясь, то ли оправдываясь.

– Вот козел, – чуть слышно отозвалась Катя.

– Ну, девчонки, дело превышает всего! Вот поставите – то-

гда и погреемся, – степенно произнес Володя.

Женя взглянула на него почти с ненавистью и зябко пожежилась. Но делать было нечего. Шатровая команда, не успев как следует напиться тепла, но уже осужденная за тунеядство, поплелась обратно в холодную темноту. Фонарик Димыча уже удалялся; выговорившись, он забыл и о шесте, и о шатре, и о презренных лентяйках, и спешил туда, где, как он был уверен, позарез была нужна его помощь – на импровизированной пилораме. Сейчас пила молчала, а это определенно был непорядок.

Девушки понуро обступили шатер. Голубоватые, не способные согреть лучики фонариков осветили натянутую ткань и брошенный рядом фикус. Это неуютье еще предстоит превратить в теплый гостеприимный домик, и сделать это нужно именно им – трем замерзшим существам в толстых пуховках, уродующих их фигуры и давно уже не греющих. Жене казалось, что ее окоченевшие ноги утратили форму и превратились в культы, как у старых пиратов в треуголках. Она еле держалась на них в глубоком снегу, и еще медленней двигалась. Она немного завидовала Кате: та, хоть и злилась не меньше ее, была покрепче и не так чувствовала холод. Она быстро закидала в шатер попавшиеся под руку коврики и, переползая с одного на другой, чтобы не наделать в снегу ям, полезла ставить шест.

– Вот знаете, д-девчонки... – заговорила Женя, когда катин зад скрылся во входной «трубе», и шатер осветился из-

нутри ее фонариком, – я вот что думаю... У нас тут х-холод собачий и все такое прочее... Но, правда, он бы переносился легче, если бы... если бы были т-теплыми сердца тех, кто рядом с нами! – Она обдумывала эту фразу целый день, и произнесла бы ее без запинки, кабы не мороз: но язык плохо слушался. – А так как их с-сердца холодные, как лед... то, в общем, нам еще холоднее!

Яна, не ожидавшая такого высокопарного выступления, удивленно посмотрела на подругу, но тут же согласно закивала.

– Какие уж там сердца. Суки они, и все тут, – резюмировала из шатра Катя. Она не была сторонницей громких фраз.

– Скорей бы с вами на Кавказ! – заискивающе напомнила Женя; она боялась, как бы Катя не забыла о своем обещании.

Катя промычала что-то неразборчивое: она с трудом пыталась поставить шест вертикально. Яна полезла помогать ей. А Женя, чья помощь не требовалась, засмотрелась на край хребта, возвышавшийся вдали над лесом. Небо над ним было чуть-чуть светлей, и он вырисовывался на ее фоне темной громадой. Казалось, это он был источником холода и ночи, которые стискивали ее уставшее тело. Но вместе с тем он был удивительно красив. Далекие снежные заносы в складках скал еще хранили остатки розово-оранжевых отсветов, хоть и непонятно было, откуда они освещались. Жене снова захотелось представить Кавказ. Силой воображения она зажгла над хребтом жаркое солнце, расстелила у его подно-

зия луга с изумрудной травой, рассыпала разноцветные цветы, пустила журчать ручей с кристально-прозрачной водой. И снова по тропинке зашагала группа ее мечты – красивые девушки, сильные и добрые парни. И снова один – черноволосый и кареглазый – прямо на ходу оглянулся и улыбнулся ей. Сразу стало теплей вокруг, и не так уже болели замерзшие ноги в ботинках и пальцы в рукавицах.

Раздался скрип материи вперемешку со стоном – это девушки подняли-таки фикус. Крыша шатра медленно потянулась кверху и застыла острым конусом, как волшебный горный пик. Удача окрылила бедных «шатровых»: они засуетились, заползали, шумно задышали. Вскоре пол шатра был кое-как покрыт заиндевевшим капроном (чтобы распрямить замерзшие складки, Женя каталась по нему всем телом), а поверх улеглись коврики. На фикусе, в самом высоком месте шатра повис зажженный фонарик. В отличие от печки, он не грел, но девушкам сразу стало уютнее: это был залог будущего вечернего тепла, которое – они теперь знали – обязательно придет сюда. Пока Женя и Яна прикапывали стенки шатра снегом, Катя отправилась на «пилораму» и жалостно попросила парней собрать печку. Девушкам эту работу не доверяли, да они и сами вряд ли бы справились. На сей раз долго ждать не пришлось: Данила, молчаливый, как статуя, уселся в угол под отверстием для печной трубы и деловито забренчал металлическими деталями.

– Э-гм... Похоже, нам тут уже делать нечего, ты сам спра-

вишься... Может, мы тогда к костру пойдём? – робко спросила Катя.

Данила не отвечал – то ли не видел смысла в ответе (что часто за ним водилось), то ли действительно был увлечен работой (что тоже бывало часто). Переглянувшись, девчонки одна за другой поползли по пенкам к выходу. Но не успела Катя высунуть нос из выхода-трубы, как снаружи решительно заскрипел снег под чьими-то бахилами.

– Дрова принимайте, – сухо произнес голос Генки, и тотчас в разверстый вход со звонким ледяным стуком посыпались колотые поленья.

– Бл...ь... – глухо выдавила Катя, едва успев отшатнуться.

Дровопад мгновенно завалил вход. Несколько поленьев ударили по печке. Данила молча, не глядя, поднял их и швырнул в сторону, попав в девчонок.

– Катюш, ты чего это? – робко заметила Женя, имея в виду, что дамам не пристало нецензурно выражаться не при каких обстоятельствах; впрочем, в душе она понимала Катю.

– Да заколеба... Ладно, давай раскладывать, – смирилась Катя. Все равно выход на свободу, к желанному костру был перекрыт.

Женя ползком аккуратно обошла печника слева – она очень боялась ненароком задеть его и вызвать гнев – а Катя пристроилась справа, и принялась перекидывать подружке дрова. Женя, как могла быстро, складывала поленицу. Вроде бы ей стало легче, чем полчаса назад – поставленный

шатер и почти готовая печка давали ощутимую надежду на счастье – но теперь на нее внезапно навалилась холодовая сонливость. Женя боролась с собой, чтобы не прилечь на коврик «всего только на минуточку». Яна, которая осталась без работы и бесцельно мерзла за спиной у Данилы, рискнула предложить самой развести огонь. Данила, как и следовало ожидать, ответил невозмутимым молчанием – не потому, что хотел оскорбить, а потому что был на сто процентов уверен, что сделает это лучше и быстрее, и не видел смысла в доказывании своих доводов. Но Яна, которая искала даже не занятия, а душевного тепла, конечно же, оскорбилась. Презрительно фыркнув, чтобы услышали подруги, она села в уголок, обняв руками колени. Тем временем в глубине печки забрезжил крошечный оранжевый огонек. Яна невольно уставилась на него. Он расширялся, расползлся по кучке из щепок, сложенных умелым истопником. И вот уже огонь зашумел, теснясь в маленькой камере и просясь наружу.

– Слава Богу, – прошептала Женя одними губами, переглянувшись с Катей.

– Вы чё там, спите, что ли? – раздался скрипучий голос Димыча. – Кто дрова разбирать будет?

Никто не успел сообразить, что на это ответить, потому что снова зазвенели-застучали поленья, и в шатер сыпалась очередная порция дров.

– Осторожно – печка работает, – только и сказал Данила.

– Народ! Через пять минут будут «миски-на-базу», го-

товьтесь! – послышался володин крик от костра.

Словосочетание «миски-на-базу» означало призыв сдавать посуду для раскладывания ужина. Но сейчас доступ к раздаче был усложнен завалом из дров. Кроме того, неразумно было есть около костра, в то время как в печи впустую переводилось топливо. Только это экономическое соображение руководило Данилой, когда он вступил в переговоры с Володей из своего дровяного плена. Соображения комфорта были ему, понятно, чужды. Однако девушки, затаив дыхание, ждали мудрого решения руководителя. Ужин в теплом (да, уже начинавшем согреваться!) шатре был сейчас вершиной их мечтаний. Напротив, вылезать из шатра на мороз лишь ради того, чтобы поесть, казалось несусветной, жестокой глупостью. И Бог над ними смилостивился.

– А нас тут забаррикадировали! – отозвался Данила. – Девчонки чё-то с поленницей тормозят. Может, чем мы к котлу, так лучше котел к нам? А то печка напрасно работает.

Женя впервые не обиделась и не посоветовала Даниле (про себя, конечно) оторвать свою попу от пенки и помочь им разобрать дрова. Более того, сейчас было исключительно важно, чтобы завал разбирался как можно медленнее, чтобы шатер успел как следует нагреться, а Данила не передумал со своей прекрасной идеей.

– Эх, вот ведь читеры! Тепло им подавай, видите ли, – шуточно ворчал Володя. Ему у костра было тепло, и менять положение, да еще и перетаскивать котлы, не хотелось. – Вот

когда я молодой был, так наш руководитель, Иваныч, вообще запрещал в шатре есть. Даже завтракать на улицу выгонял. Мол, в походе мы или где? Должны быть у нас лишения или как? И ничего, никто не помер, хе-хе.

– А на х-хрена было печку раньше времени растапливать? – проскрипел Димыч, который всегда выступал за радикальное спартанство. – Вот б-будем укладываться – тогда и затопим.

– А может, вообще без печки? Зачем лишнюю тяжесть таскать? – шутливо отозвался Генка, но девушки вздрогнули – как бы не захотели «лоси» претворить шутку в жизнь.

– Хорошая ид-дея, – с трудом выдавил Димыч.

На самом деле он так замерз, что еле выговаривал слова. Но демонстративное презрение к уюту было для него делом чести.

– Ладно, мужики, давайте без фанатизма, – поспешно поворотил назад Володя. – Раз таскаем печку – значит, надо использовать. А то неспортивно получится. ...Эй, там, в шатре – у вас тепло уже?

– Тепло, тепло! – нестройным умоляющим дуэтом отозвались Катя и Женя.

– Котлы принять готовы?

– Готовы, готовы!!

Руки, перекладывающие поленья, замелькали, как в немом кино. Только бы успеть, и только бы они не передумали!

– Петька, неси котлы по одному. Ох, совратили нас бабы с пути истинного, хе-хе!

Мучения кончались, и наступала пора наслаждений. То, что еще час назад казалось чудом – тепло, еда, мягкий уютный спальник – на глазах становилось реальностью. И за это девушки разом простили своим спутникам все обиды, и настоящие, и мнимые.

Тьма

После ужина Женя с радостью бы немедленно завернулась в спальник и легла (благо, мыть котлы сегодня полагалось не ей), но предстояло преодолеть еще одно маленькое препятствие – впрочем, в сравнении с предыдущими это было ничто. Однако же, не сделай она этого, наслаждение вечера было бы отравлено. А главное, рано или поздно ей все равно предстояло на это решиться,. Короче, надо было встать, накинуть пуховку (шатер уже так нагрелся, что она сидела в одной кофте) и выйти перед сном по нужде. Половина товарищей уже сходили «в открытый космос» за той же надобностью, и теперь заслуженно нежились в теплых покрывалах. Женя же оттягивала мучительную минуту до конца – отчасти для того, чтобы собрать в мочевом пузыре максимум влаги, и дабы не пришлось к большой досаде вставать после еще раз; а отчасти оттого, что она боялась темноты. После того, как все товарищи перешли в шатер, пространство, защищенное от лесного мрака их храбростью (точнее, их неведением страха) сузилось до его пределов. Если прежде, в виду мелькавших фонариков, Женя спокойно отходила из зоны лагеря метров на десять-пятнадцать (ну, положим, не спокойно, но все же отходила), то теперь она изумлялась и завидовала себе давешней. Уйти во тьму, потерять связь со спасительным шатром теперь казалось немислимым. Ночь и холод, прежде

отогнанные туристами за дальние ели, вернулись и обступили шатер. Лагерь принадлежал им, да еще тому неведомому, что приходило вместе с ними. «Как они все не боятся? Как могут спокойно болтать, смеяться, а главное – безо всякой задней мысли уходить чуть ли не самую чашу? – думала она. – Ну, мужики-то понятно, а ведь и девчонки тоже как будто ничего не замечают». Женя, хотя и понимала, что сама придумывает себе страхи, справиться с собой не могла. Днем от холода тряслось ее тело, а вечером и ночью в обогретом теле содрогалась душа. И ведь она знала, что утром с первыми лучами солнца морок развеется, и страшные, похожие на мертвых великанов ели весело заиграют искорками снега на могучих лапах, сейчас она была не в силах прогнать ужас перед ночным лесом. Потому что утром – да, ничего не будет, но сейчас, когда мир поглотила тьма, она верила и, больше того, знала, что в лесу *что-то есть*. Это что-то не имело формы и очертаний. У него даже не было каких-то специфических намерений относительно Жени – ну, например, схватить и съесть ее, как в фильмах-хоррорах, которых она до жути боялась. Это нечто просто *было*, и уже само его существование настолько противоречило человеческой, а в особенности ее, жениной, жизни, что одно соприкосновение с ним могло запросто ее уничтожить. Женя давно смирилась с тем, что она трусиха, и перестала страдать от стыда. Пусть другие ничего не видят и не понимают, но она, которой по несчастью это понимание дано, будет делать все, чтобы защитить

себя. Поэтому, презрев всякое стеснение, она не уходила по нужде далеко, а присаживалась метрах в трех от стенки шатра, чтобы, сделав дело, тут же, не успев натянуть штанов, опрометью кинуться назад и вкатиться под его спасительные своды, будто бы кто-то тянул ее наружу, а она сопротивлялась. Только так можно было удержать невидимую нить, что крепила ее к миру живых, и не дать мраку, обступившему хрупкий матерчатый домик со всех сторон, всосать ее в себя. Если бы она осмелилась представить, что именно сделает мрак, если она окажется в его власти (хотя она старалась об этом не думать), то глагол «всасывать» подходил лучше всего. Да, именно так – он всосет ее, всосет без остатка. Она исчезнет и для себя, и для всех остальных, оставив вместо себя один вечный ужас. Женя ежилась при мысли об этом, и радовалась, что соприкосновение с тьмой (когда она все-таки заставит себя отправиться в туалет) будет коротким.

Но хуже всего было то, что толстокожие ее товарищи принялись подливать масла в огонь. Володя, наевшись и побренчав перед сном на гитаре походных песенок, некстати наткнулся на тему лесных страшилок. А заметив благодарную реакцию публики, еще больше воодушевился.

– ...Короче, так до сих пор никто и не знает, что они там увидели. Или услышали, или почувствовали, – говорил он загробным шепотом, обводя взглядом свою притихшую паству. – Но факт в том, что все вдруг внезапно встали – неодетые, в чем были – каждый схватил нож, и...

– Зарезали друг друга? – пискнула Яна. Она попыталась усмехнуться, но у нее не вышло.

– Не-ет... – Володя сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. – Они разрезали каждый свою стенку шатра, и выползли в разные стороны. И так ползли, пока не замерзли. Их так и нашли – лежат себе, как лучи у звезды, метрах в пятидесяти от шатра. Синие, окоченевшие. А глаза – открытые, и в глазах – ужас. И у каждого в вытянутой руке – нож!

– Брр... И обязательно такое на ночь рассказывать? – поежилась Катя. Она ни на секунду не поверила в реальность этой истории, но все равно было как-то не по себе.

– Блин, это ж история про перевал Дятлова! Только все перепутано. Они не в разные стороны пошли, а в одну. Вниз, к лесу. И шатер их лавиной завалило. Там все банально было. – Димыч поднял голову, блеснув стеклами очков. Он зашивал рукавицу, и не стал бы отвлекаться на всякие глупости, но Володя уже слишком погрешил против здравого смысла.

– Какой там Дятлова! Про Дятлова я все знаю. И не лавина там была, а зэки беглые их зарезали, – обиделся Володя. – А это – другое. Это ж даже не на Урале, а на Кольском было. И никто особенно не афишировал, потому что... сверхсекретное оружие там испытывали! Психотропное. Может, звук какой-то был, на особой частоте, от которой в мозгу галлюцинации бывают. Короче, у них паника началась. Не сообра-

жали, что делают...

Димыч выразительно вздохнул, как вздыхал обыкновенно на непроходимую тупость женской части группы. Руководителя он уважал, и потому был весьма удивлен, услышав от него столь низкопробные рассуждения. «Что делать – Вован практик, а не теоретик», – заключил Димыч и снова склонился над руковицей.

– А вот почему они именно в разные стороны от центра пошли? – спросил Петя. – Получается, что источник страха был в центре шатра!

Все невольно посмотрели в середину шатра, где в этот момент стоял, согнувшись, Данила – он развешивал на сучках фикуса отсыревшие носки. Секунда – и все разразились смехом.

– У нас из центра шатра может быть не психотропная атака, а разве что газовая, – отсмеявшись, сказал Генка.

И правда – увешанный снизу доверху носками, ботинками, шапками и варежками фикус походил на новогоднюю елку. Потные испарения от сырых вещей клубились под потолком вперемешку с чадом от печки, и фонарь светил из-под конька мутным глазом. Правда, почувствовать вонь от носков мог бы разве только очень взыскательный нос: все запахи в шатре перемешались. А Жене они и вовсе казались приятными, потому что символизировали тепло и уют – в противовес морозу и страху улицы. «Это ж надо быть таким нечувствительным к холоду, чтобы обращать внимание на

вонь! – с завистью думала она. – Меня вот хоть всю обложите грязными носками – я буду только рада, потому что тепло». Правда, по прошлому походу она помнила, что после попадания в теплое сухое помещение – поезда или вокзала – приоритеты у туристов сразу смещаются. Как только проблема холода и сырости отступает, нос сразу ощущает неприятные запахи, и телу остро хочется помыться и одеться в чистое. Но сейчас эта перспектива казалась такой же туманной, как – иногда ей приходила в голову эта мысль – само существование где-то там, далеко, городов, поездов, дорог и прочего цивилизованного мира. Сейчас она была во власти леса, и было совсем неочевидно, что она сумеет отсюда выбраться. Это было неразумно, но сердце все равно сомневалось. Вот потому-то и нельзя уходить далеко от шатра. Эх, а выйти все-таки придется... Проклятый мочевого пузыря!

... – А может, они там что-то увидели... Например, ведьму! – не унимался Петя.

– Ага... У-у-у! – Данила выпучил глаза и растопырил пальцы.

Артистичность не была ему свойственна, поэтому публика рассмеялась, но не испугалась. Но у Жени, которой было довольно любого повода, чтобы раздуть огонь страха, по спине пробежал холодок.

«А что, если правда... Что, если действительно... Данила, у которого даже воображение-то, наверное, отсутствует, вдруг окажется существом из потустороннего мира? Поче-

му бы и нет?» Она понимала, что невольно реализует самый дешевый сюжетный ход мистической литературы, когда зло отыскивается в наименее подходящих для этого персонажах – детях-ангелочках, старушках-одуванчиках и тому подобных. А главное – она нарочно будоражит свой страх, чтобы испытать мазохистское удовольствие. Да-да, все тут ясно, можно не объяснять. Но... если она все понимает, почему же страх не уходит?

– Ребят, а давайте об этом не будем, а? – жалобно улыбнулась она. – Мне ж еще ночью дежурить. А я впечатлительная...

Но лишенные воображения товарищи, как водится, не увидели за ее улыбкой крика души, и довольно расхохотались. Особенно Володя, который радовался благодарной аудитории. Даже Димыч, погруженный в шитье, поднял стекла очков и отрывисто каркнул – это у него означало усмешку.

– Бедная Женечка! Она теперь, наверное, до утра не уснет.

– Какие мы все-таки сволочи – запугали на ночь глядя юное создание!

– Данил Егорыч, прячься живо в спальник! Женька тебя боится.

Нащупав родник эмоций, которых в походе остро не хватало, товарищи спешили испытать из него.

– Ты чё, реально боишься, а-ха-ха? – Катя ради такого случая перелезла на другую сторону баррикад.

– Не волнуйся, Женечка, ведьм не существует! – подал го-

лос уже лежащий в спальнике Генка. Все удивленно посмотрели на него: зачем было перекрывать ценный источник? Но по хитрому блеску генкиных глаз сразу догадались – не все так просто! И Генка не подкачал. – Никаких ведьм здесь нет. Здесь только нявки встречаются. – Он притворно зевнул.

– Какие нявки?

Возникла тишина. Слушатели ждали, какой сюрприз приготовит Генка.

– Да ты чё, правда не знаешь? Я думал, все про них знают.

Женя понимала, что ее ждет наивная, не стоящая выеденного яйца хитрость, и все же сердце против воли леденело от ужаса.

– А, нявки! Ну конечно. – Володя решил подхватить игру: его лицо приняло деланно-скудное выражение.

– Это даже ребенок знает, – поддакнула Катя.

Женя умоляюще переводила взгляд с одного на другого, ожидая, что маски притворства вот-вот прорвутся дружным смехом, но они держались крепко.

– Р-ребят, ну что вы несете... Перестаньте уже!

– Да ничего мы не несем. И ничего тут страшного нет. Когда поодиночке, нявки вообще неопасные. Они ж маленькие.

– Вот таку-усенькие!

– Только глазки, бывает, горят в темноте.

– Но они ж близко не подходят.

– Не подходят, если их мало. Но бывает иногда, что побольше собираются.

– Угу, они ж почкованием размножаются...

– Ага! Бывает, что весь лес – в их глазах! – вытарачив собственные глаза, утробным шепотом вторил Петя.

– Гм, не совсем. – Генка нахмурился оттого, что его задумку неверно поняли, и незаметно сделал Пете знак. – Вообще-то, когда их много становится, они под снег прячутся. И под снегом передвигаются. Быстро-быстро...

Женя побледнела, представив вокруг шатра, под толщей снега, бесчисленные полчища неведомых нявок. Друзья больше не мешали автору. Затаив дыхание, все ждали кульминации спектакля.

– Бывает, заметят шатер в лесу, окружат и... как понесутся со всех сторон!..

– Только глаза под снегом светятся! – не выдержал Петя.

–...и ка-ак выпрыгнут на поверхность!

– Вот та-ак!!

Это уже был экспромт Володи. Безудержно хохоча, он склонился над Женей и с криком «нявки, нявки!» принялся неловко щекотать ее. Умом она понимала, что это выглядит нелепо и совсем не страшно, но сердце охватила паника. Она заверещала, стала отбиваться руками и ногами, сбрасывая воображаемых нявок, которые – она знала это – были лишь корявыми пальцами Володи и примкнувшего к нему Пети. И все-таки она не могла остановиться. В одном измерении мира это были Володя и Петя, сыгравшие с нею глупую шутку, а в другом – настоящие, страшные нявки, несущиеся фрон-

том под снегом и нацеленные на одну лишь ее...

– Ну хватит, блин! Чё верещите-то?

Сиплый голос Димыча отрезвил и шутников, и их жертву. Володя сообразил, что сегодня он уже достаточно снисходил до народа, и пора включить начальственные интонации.

– Так, ладно, спать уже пора. Кто у нас сегодня первым дежурит? – принялся он распоряжаться, вмиг позабыв, что только что сам со счастливым лицом щекотал Женю.

У дальней стенки шатра молча поднялась лежавшая спина; руки стали энергично тереть заспанные глаза. Это был Данила. Он уже успел залезть в спальник и задремать, но, услышав сквозь сон о своих обязанностях, немедленно проснулся. Точнее, это сделало тело, а душе ничего не оставалось, как покорно следовать за своим вместилищем. Выбравшись и накинув пуховку, Данила устроился на маленьком чурбачке перед печкой, сразу сделавшись похожим на нахохлившегося воробья. Остальные – те, что еще не лежали по спальникам – начали поспешно укладываться.

– Сегодня дежури́м по полтора часа... Часы на сучке висят, – сонно проговорил Володя, переворачиваясь на бок.

У него была фантастическая способность мгновенно засыпать, едва корпус принимал горизонтальное положение, а голова касалась импровизированной подушки из свернутых вещей. Другие худо-бедно тоже так умели. Не умела лишь одна Женя. Впрочем, сейчас ей все равно не ложиться: между нею и подушкой лежало *то самое* важное дело, которое

она столь долго откладывала. Ну что же делать – пора! Женя решительно выбралась из вороха тряпок и полезла надевать бахилы прямо на носки. Ботинок не было: они висели среди гроздей одежды на «новогодней елке», служа залогом будущего тепла и сухости ее ног. Она ощутит это завтра утром, когда обует высохшие ботинки (правда, ощутит ненадолго, потому что ботинки быстро снова отсыреют). Снять ботинки и всунуть в них ноги означало бы отказаться от залога сухости, потому что в этом случае два часа просушки будут перечеркнуты (это было не совсем так, потому что за пять минут они бы не успели отсыреть, но Женя была пуглива и суеверна). Данила недовольно замычал, когда она случайно задела его, пробираясь к выходу. Он боролся со сном, и оттого был угрюм и мрачен.

– Для тех, кто будет ночью выходить... Большая просьба – отходите от шатра подальше! Задолбало уже утром ходить по ссаному снегу, – подал голос Димыч из своего угла.

Он говорил обобщенно – для него это было верхом деликатности – однако Женя была уверена, что мишенью скрытого упрека была именно она. Она вздрогнула, покраснела и порывисто дернула тесемку, которой был затянут вход. «Ну и сволочь же ты! – злобно подумала она. – Я ж не виновата, что тебе все нипочем, ты и в другой конец леса можешь пописать сходить. А мне, представь себе, страшно! Я не могу далеко уйти. Просто не могу...»

Ну, вот и «открытый космос». Мороз сразу вцепился ей

в лицо, но она отогнала его, как шаловливого котенка. Нагретое за несколько часов тело было надежным бастионом тепла, и уличный холод уже не пугал, как давеча – он даже приятно освежал. Понятно, что это ощущение продлилось бы недолго, но Женя и не собиралась его проверять. «Да пошел ты... ворона!» – улыбнулась она про себя, смакуя кличку, данную Димычу среди девчонок. Он и правда походил если не на ворону, то на какую-то большую костлявую птицу – длинный нос на небольшом лице, близко посаженные глаза за стеклами очков, маленький рот с тонкими губами, сутулая спина и висячие руки-крылья. Женя огляделась. Вокруг шатра оказалось не так жутко, как она думала, сидя внутри. Костер еще горел – должно быть, его хорошо подкормили впрок большими поленьями – и его оранжевые языки ошеловечивали снежную поляну, не подпуская к ней то, что таилось в глубине леса. Женя как можно беззаботней обошла шатер кругом (для этого пришлось нагибаться под туго натянутыми веревками) и, дойдя до места, где внутри помещалось обычно тело Данилы (сейчас оно сидело у печки), сделала три шага в сторону. Так как Данилы в данный момент отсутствовал, некому было услышать демаскирующие звуки, которые обычно сопровождают отправление малой нужды. «А вот и не страшно, вот и не боюсь», – подбадривала она себя, быстро стягивая штаны. Дежурный уже выключил фонарь, но шатер все равно озарялся изнутри слабым теплым светом. То была печка, а еще – плотно прижавшиеся друг

другу семь человек, которые, сами не ведая того, отгоняют от своего тонкого домика всякую лесную нечисть. Она потому и не смеет подойти близко, что живущие в шатре не верят в нее. В том-то и дело – сила неверия делает их непобедимыми! Она так велика, что ее хватит даже на того отщепенца, точнее, отщепенку, которая... во все это верит. Казалось бы, в ее точке пространства обороны нет. Но ведь она хитрая, она никуда не уйдет от спасительного источника неверия... Так думала Женя, сидя на корточках и не сводя глаз с шатра. Но сквозь бронированный строй ее мыслей уже просачивалось гаденькими змейками сомнение. Оно шептало: «Ты отошла от шатра. С каждой минутой, проведенной вне его границ, ты теряешь силу, что охраняет тебя. Смотри – темнота вокруг уже начала уплотняться. Да даже и не смотри – ты и так это чувствуешь. Спиной. Она оживает; лес, кроны елей, снег – они сливаются в одно гигантское черное существо, чья функция – поймать, схватить, всосать того, кто вышел из защитного круга».

Женя понимала, что сама себя пугает; что стоит ей сказать этому наваждению твердое «нет!» – и оно растворится. Но сказать не было сил. То неведомое и бесплотное, что рождалось в лесу и кормилось ее страхом, подвигалось все ближе. Женя уже была почти уверена, что замечает странное шевеление справа – там, где прежде была черная неподвижность и безмолвие. Не глазами, но душой она чувствовала – *это* вот-вот коснется ее. Не дожидаясь, а вскочила, на ходу

натягивая штаны, и в три прыжка оказалась перед входом. К счастью, она не завязывала его узлом, а лишь слегка стянула кулиску, чтобы оставить себе возможность для панического бегства. Распахнув ворот шатра, она нырнула внутрь, как пловец, вниз головой; казалось, стоит потерять секунду, и *что-то* сзади схватит ее за ноги.

– Блин, ты чё? – встрепнулся Данила, разбуженный жениным толчком. Он успел задремать.

– П-прости... – Женя поднялась на ноги, и тут же торопливо затянула ворот. – Споткнулась... Наверное, вход обледенел.

– Смотреть надо. Чуть в печку меня не пихнула!

На самом деле Данила был рад, что его разбудили – а то пришлось бы просыпаться от холода и ругани замерзших товарищей. Но вслух, конечно, он этого не сказал. А Жене сейчас и не требовалась учтивость. Она и без того была счастлива – что сбежала, что опять обманула темноту, и что теперь ей долго не придется выходить... Эх, вот бы не пришлось до утра! Но нет, это вряд ли: ведь впереди ее собственное дежурство, и коварный мочевой пузырь обязательно о себе напомнит. Но это – после, а сейчас... Она влезла в спальник, натянула его до подбородка, уютно понежилась головой об импровизированную подушку и – провалилась в блаженный сон.

...

Реальность вторглась в царство сна резко и грубо, разом

разрушив его чары. На самом деле рука Яны, потрогавшая ее за плечо, была вполне деликатна, но в такую минуту нельзя было думать о ней иначе, как с ненавистью.

– Дежурить пора, – услышала Женя шепот подруги.

Сколько в нем было счастливого предвкушения отдыха, заслуженного дежурным, что наконец-то передает свой пост! Но для Жени эти слова звучали приговором. Ей-то будущий отдых еще нужно заслужить. Полтора часа, блин! О, нет...

– Часы – на сучке, – повторила Яна передаваемую от одного к другому эстафету, и заворочалась в спальнике, чтобы острее ощутить свое наслаждение.

Женя заставила себя не проклинать в душе подругу нехорошими словами – в конце концов, та не виновата, что ее черед закончился, а женин только начался. Покачиваясь на нетвердых ногах, она подобралась к чурбаку и села. Под ноги были предусмотрительно положены поленья: можно было сидеть прямо в носках, не опасаясь за их драгоценную сухость. Похоже, Яна недавно набила печку дровами: они жарко разгорелись, окрасив стальной бок топки в красноватый цвет. С одной стороны, это хорошо – можно не думать о подкидывании минут пятнадцать. С другой – будет нечем себя занять, чтобы отогнать сон. Она протянула руку к основанию шеста и нащупала пакетик с книжкой, приготовленной для развлечения дежурных. «История государства российского» Карамзина. Блин, ну почему было не взять в поход что-нибудь повеселее? Тут от любой фразы хочется спать...

Впрочем, сама виновата: надо было запастись собственной книгой. А так приходится довольствоваться выбором Генки. И то спасибо, что хоть такая есть... «Сие известие о перво-бытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная...» Нет, это невозможно читать. Однако же вот Генка читает. Он все умеет – и читать умные неудобоваримые книги, и быстрее всех шагать в гору, и изящней всех скатываться со склонов. И холода он не чувствует, и сырость ему не почем. Короче, супермен, – Женя завистливо поморщилась. Но самое главное – раз он читает такие книги, значит, у него есть глубокая высокоразвитая душа. Но... почему же тогда эта душа не проявляется в общении с нею, с Женей? Она была бы рада пообщаться с нею – тем более, что эта душа была облачена в красивое мощное тело. Однако душа Генки раскрывалась только в компании с «Историей государства российского». Да еще, быть может, с товарищами мужского пола. Для женщин, а в особенности для Жени, она была скрыта толстой холодной броней. Но почему же, почему? Может, она недостаточно старается? Женя была еще в том наивном возрасте, когда внимание со стороны мужчин считается чуть ли не святой их обязанностью, а отсутствие такового – оскорблением. Должны были пройти годы, чтобы она поняла, что это внимание – дар Божий, штучное явление, за которое нужно Его благодарить, и уж точно не спесиво требовать. Возможно, если бы она преисполнилась своей буду-

щей мудрости прямо сейчас, то не стала бы злиться на бесчувственных товарищей, и ей бы сразу стало легче в этом холодном походе. Но она была тем, кем была, и поэтому лишь досадливо соображала, не упустила ли она чего. Может, ей следует вчитаться в эти корявые, нескладные строки двухсотлетней давности, чтобы потом, утром, поразить красавца-историка своими познаниями? Может, ее умные вопросы растопят лед его сердца? Да нет же, нет... Это она уже пыталась. На тщательно подготовленный вопрос Генка мало того, что не сразу оборачивался – он криво усмехался, как будто разом считывал ее тайные намерения, и буркал что-то односложное, лишь бы отвязаться. Ох... «Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным...» Не уж, хватит. Она открыла дверцу печки, закинула несколько поленьев и снова приняла прежнюю позу, сжавшись в комочек на маленьком чурбаке. Мочевой пузырь отчетливо говорил, что просто так отпустить ее в спальник он не намерен. Что ж, она была к этому готова. Хуже было другое: позади мочевого пузыря что-то тяжелое и плотное опускалось вниз, как бы сообщая: извини, но все не так просто. Просто пописать и сбежать не получится – нужно будет отойти подальше и посидеть подольше. Но почему, почему именно ночью?! – жалобно протестовала

она. Почему не утром, когда группа собирает рюкзаки и у всех довольно времени на интимные отправления? Тогда не страшно уйти далеко в лес: солнце выжигает своими лучами всякую память о ночных кошмарах. Почему же сейчас? Но злой комок внизу живота неумолимо разрастался, уплотнялся и опускался все ниже, пугая и грозя. Надежд не оставалось: он не даст ей уснуть без дани, которую она должна заплатить *тому*, что живет в лесу. «Ну, короче, – попыталась она заговорить с собой сухими интонациями Димыча, – мне на тебя плевать. Я знаю, что тебя нет. Я все это выдумала, чтобы мне было не скучно. А теперь мне надоело в это играть. Все, баста».

Она надеялась дотянуть до пробуждения следующего дежурного, смениться и лишь потом пойти в лес, чтобы его бодрствующее сознание защитило ее. Но наблюдения за предательским комком показывали, что он потребует выхода наружу в самое ближайшее время. «Что ж, делать нечего. Значит, сейчас!» Она посветила фонариком на экран электронных часов. До конца дежурства оставалось пятнадцать минут. В общем-то, это было удобно: она как раз успевала сделать свои дела, вернуться, и после уж честно будить Катю и ложиться спать. Программа на будущее – самая радужная. Надо лишь преодолеть маленькое препятствие. Да оно и не препятствие вовсе. Так, чушь и глупость. Она уже знает, как с этим быть.

Женя обула бахилы, закинула в печь еще пару поленьев

– впрок, хотя и надеялась, что ей не придется долго отсутствовать. Потом развязала узел входной трубы, распустила кулиску и, раздвинув ткань пошире, выставила на уличный снег сначала одну, а затем и вторую ногу. Выбравшись, она хотела затянуть вход, но подумала и решила оставить так. Авось, печка греет хорошо, и спящие не успеют почувствовать сквозняка. А ей, понятно, так будет спокойнее – путь в спасительный шатер открыт. «Но это, естественно, лишь ритуалы, которые помогают мне почувствовать уверенность, – рассуждала она, шагая по вытоптанной тропинке мимо горящего костра (ого, какие дрова сегодня хорошие! До сих пор не погас). – На самом деле мой разум совершенно спокоен. Он знает, что все эти страхи – лишь игра, которым воображение себя развлекает. Но, когда дело доходит до удовлетворения серьезных потребностей тела – вот, например, как сейчас, когда мне о-очень нужно сходить «по большому» – он смахивает эту шелуху, как пепел от костра». Свет фонарика упал на желтоватое пятнышко на снегу – это был след от предыдущего выхода Жени, «по маленькому». Вспомнив, как ворчал Димыч перед сном, она поспешно закопала его носком бахила. И тут же обрадовалась: раз она озабочена такими мелочами – значит, шелуха и впрямь разлетелась. «И ведь правда – ничего же такого нет! Вот я иду, иду, и совершенно не чувствую никакой тревоги. Вот «пилорама», где парни разделявали дрова. Все утыкано следами ног и усеяно опилками. Лес освоен людьми, а значит, здесь больше

нет места страху. Вся штука – только в отсутствии фотонов света. Сейчас их нет, а завтра утром будут. Но пространство-то от этого не поменяется, верно?» Женя чувствовала, что надо все время говорить, пусть и про себя. Человеческая речь, пусть даже звучащая у нее в голове, отгоняла прочь все нечеловеческое. Если подумать, то в мире почти не осталось укромного уголка, где природа может спастись от двуногих, пустилась она в философские размышления. Человек подчинил себе все, проник в самые заповедные края. Это, вообще-то, очень печально. Так может, надо дать природе возможность высказать себя хотя бы тоненьким писком этого первобытного – даже не страха, а так, декоративного страшка – и тем уважить умирающего? Нет, пожалуйста, я не против. Я должна тебя бояться? У-у-у, я очень боюсь. Я просто в панике. Ты довольна, природа? Ну вот и хорошо, и живи спокойно. Отдыхай, пока очередные толпы двуногих не пришли сюда, чтобы уничтожить тебя...

После пилорамы следов не было, и Жене пришлось тропить самой, погружаясь по колено в плотную, подмерзшую за вечер снежную толщу. Она подумала было присесть прямо тут, но решила, что наличие тропы может соблазнить и других выбрать это место своим туалетом. И, хотя на последствиях оно не будет написано, что они принадлежат именно Жене, одно воспоминание о брезгливом димычевом лице заставило ее продолжить путь. Еще наткнется, еще скажет что-нибудь. Фонарь освещал пологий подъем наверх. Ну да,

кажется, она еще при свете заметила, что за лагерем лежит длинный холм. На нем красиво кудрявились кроны сосен. Но сейчас она видела только шершавые стволы, искрившиеся заморозком в голубом электрическом луче. «Разве можно бояться того, что жалеешь? – продолжала витийствовать Женя. – А природа нынче достойна именно жалости. Ее вырubaют, застраивают, отравляют. Она – как лежачий больной. Вот, например, эти сосны, – она обвела вокруг себя фонариком, по очереди осветив строй стволов, – разве можно их бояться, если они, по сути, уже не жильцы? Ну, понятно, не сейчас, но лет через пятьдесят-сто земля у человечества совсем закончится, и оно доберется со своими стройками и бензопилами даже сюда». Женя дошла до вершины холма и решила, что теперь уж точно можно остановиться: свой долг приличия она выполнила. Она потопталась, устраивая удобное гнездышко, чтобы присесть. Внизу среди деревьев мелькнуло оранжевое пятнышко костра. «Ну надо же, лагерь-то совсем рядом, рукой подать! А я-то боялась, ха-ха! – постаралась она рассмеяться. – Тут все близко, все – как на ладони. Все простое и понятное. Наверное, так же видят лес Димыч и Генка. Потому и не боятся ничего. Они знают, что все это – просто совокупность веток, палок и снега. Фу, даже обидно, никакой тебе романтики...» Дело, ради которого она сюда пришла, требовало известного сосредоточения. Но внутренний голос подсказывал Жене, что нельзя делать пауз в монологе. Сквозь них может пролезть нечто из темноты,

в которое, как не храбрилась, Женя все-таки верила. «Ишь ты, как костер-то разгорелся, – удовлетворенно бормотала она. – Еще сильнее стал. Ага, ну и понятно, почему – ветер ведь поднялся». Действительно: над головой глухо, как далекий поезд, зашумели невидимые сосны. «Если так дальше пойдет, то утром костровому дежурному и огонь не надо будет разводить. На всем готовеньком кашу сварит. Халява!» Она невольно пыталась стилизовать манеру речи Димыча, Генки и Володи: казалось, что, притворившись ими, ей вернее удастся обмануть свой страх. «А что? Я – Димыч. Я думаю и чувствую, как он. И мне на все наплевать, кроме моих спортивных рекордов». Она старательно забросала отходы своей жизнедеятельности снегом – получился маленький белый холмик – и теперь с удовольствием протирала таким же снегом хорошо поработавший задний проход. Руки и попа коченели от холода, но Женя не чувствовала этого: борьба со страхом была важнее. «Хотя нет. Димыч – урод. Лучше я буду Генкой. Красивый, сильный, умный, начитанный. И даже творческий человек. Пишет там что-то по военной истории... Все, решено – превращаюсь в Генку. Вот когда он увидит, что я – не хуже его, вот тогда пожалеет, что вовремя не обратил внимания...» Она натянула штаны, и даже позволила себе роскошь потратить несколько секунд, чтобы заправить в них кофту. Обычно она такого никогда не делала, а стремглав бежала назад к шатру, чтобы оправляться уже внутри. Но сейчас ей нужно было показать себе, что страх

побежден. Она подчеркнута небрежно, даже лениво занесла ногу, чтобы (не в коем случае не спеша) двинуться вниз к лагерю, как вдруг... нога застыла в воздухе, а голова удивленно завертелась по сторонам, щупая фонарем снег. Перед ней не было следов! При том, что костер приветливо мигал из-за темных стволов – лагерь определенно был там. «Тэк-с, странно, – пробормотала она, еще не сообразив, как следует отозваться на это странное обстоятельство – паникой или димычевой усмешкой. – Следы замести не могло: поземки нет. Лагерь – там. Откуда же я...» Она повернулась спиной к костру, и фонарь тут же осветил результаты ее пребывания – снеговой холмик, могилу ее ночных испражнений, вытоптанную ямку перед ним, а дальше – цепочку следов, спускавшихся с холма. «Ага, ну вот, хорошо... Слава тебе Господи... Но нет, погоди! Как же так? Если костер – там, – она специально повернулась, чтобы убедиться в этом, – то почему же следы ведут в противоположную сторону?» Жар прилил к телу; она мгновенно вспотела, несмотря на мороз. «А может, я просто не заметила, и сделала круг? Я ведь могу, у меня географический кретинизм». Избитое смешное словечко вернуло ей присутствие духа. «Ну конечно же, Боже мой, конечно! Наверняка я просто заложила петлю по этому холму, а сама и не заметила. Эх, далеко тебе, Женька, до Димыча!» Она обошла снежную кучку и нерешительно двинулась по следам, высоко поднимая ноги: они утопали глубже, чем в первый раз. Цепочка следов вела в темноту. Ка-

залось, она сгущалась с каждым шагом. Пройдя метров десять, Женя убедилась, что никакой петли не предвидится: ровная нитка следов вела четко вниз, безо всяких поворотов. И это направление было абсолютно противоположным тому, где находился костер! Она остановилась и усилием воли приказала себе успокоиться. «Блин, ну ты чё? – она опять включила в себе грубоватого Димыча. – Испугалась, что ли? Да ты сама дура, закрутила следы, напетляла тут... Ну, понятно, обратно петлять неохота. Ну, уж если тебе так лениво – иди тогда напрямки к костру. Еще хорошо, что он горит. Скажи спасибо ветру!» Ей важно было уверить себя, что она вовсе не страшится идти по следам в холодную мглу; нет, ей просто лень делать лишний крюк. «Конечно, ты вот витала себе в облаках, думала о том, о сем, а сама незаметно петлю-то и заложила. Ну, срежь теперь по целине». Женя вернулась назад, к своему могильному холмику – слава Богу, хоть он был на месте – и, пыхтя, потропила по свежему снегу мигающему огоньку. «Знаешь, что – а ты выключи фонарик, – вдруг сказала она себе. – Снег-то светлый. Может, так скорее следы свои увидишь?» Непонятно было, отчего ей пришла в голову эта мысль; однако она послушно подняла руку в рукавице и нажала на кнопку налобного фонаря. Луч погас, воцарилась тьма. Стало тише, будто электрический свет привносил в пространство еще и звук. Лишь сосны по-прежнему шумели в вышине. Но здесь, среди стволов, ветер почти не ощущался. А вот огонь костра стал как

будто ярче. Она уже почти спустилась с холма на его уровень; отсюда он казался высоким, чуть ли не по пояс. Таким он был вечером, когда Володя готовил ужин. Но ведь этого не может быть! – беззвучно воскликнула Женя. – Каким бы ни был ветер, он не мог раздуть такое пламя. В нем нет дров, и некому их подкладывать. А может... может кому-то не спится, или этот кто-то замерз, проснулся и вышел реанимировать костер? Боже, а вдруг печка в мое отсутствие погасла?» Страх неизвестного на миг смешался с привычным – стыдом за свои промахи и боязнью гнева товарищей. Но это был лишь миг: Женя вспомнила, что перед выходом нарочно набила печку дровами, и они сразу хорошо разгорелись; да и ходила-то она всего ничего. Нет, печка не могла погаснуть. Но, может, кто-то замерз и с печкой – тот же Димыч, например, он ведь всегда мерзнет – и вышел к костру. Нет, это какой-то абсурд. Уж явно на улице холоднее, чем внутри... Женя заметила, что по мере приближения к лагерю она непроизвольно замедляла шаги. Непонятно, почему, но она старалась идти как можно тише, ничего не задевая, и то и дело пряталась за стволами толстых деревьев. «Что со мной такое? Там же шатер, костер, ребята!» – растерянно спрашивала себя она. «А ты в этом уверена?» – прозвучал внутри ее голос сомнения. «Ну, конечно!..» – пробормотала она в ответ, однако почему-то тут же остановилась. До костра оставалось метров пятьдесят, не более. Хотя его наполовину скрывали заснеженные еловые кроны, было видно, ка-

кой он большой. Шатра видно не было – да и не могло быть, для этого нужно было подойти вплотную к поляне. Но Женя не в силах была идти дальше. Она встала за косматой елью и, выглядывая меж веток, неподвижно смотрела на ярко-оранжевые языки пламени. Она уверяла себя, что ищет свои потерянные следы: «Гм, все-таки интересно, где я могла проходить, когда шла в лес... И с какой стороны я теперь подошла к лагерю?»

И вдруг ей стала ясна бессмысленность этих слов. Как будто на все ее прежде туманные ощущения – зрение, слух, даже мысли – навели фокус, и она увидела, услышала и поняла правду. Это – другой костер. Это – не их лагерь! Боже, но тогда чей же? И как два лагеря по обеим сторонам маленького холма могли за весь вечер не увидеть и не услышать друг друга? Вдруг, словно в продолжение вопроса, на фоне пламени мелькнула человеческая тень. Потом – еще одна. Женя затаила дыхание. Больше всего в этот момент ей хотелось стать безмолвной и незаметной, как дерево. Снова зашумели сосны, и вместе с порывом ветра до нее донеслось что-то, похожее на человеческую речь. Даже, кажется, смех... Она сжалась, не смея пошевелиться. «Что бы сделал на моем месте Димыч? А Генка? А Володя? – судорожно металась в голове мысль. – Может быть, они бы не задумываясь пошли к этому костру, размашисто шагая в глубоком снегу и издали крича приветствия?» «Может, они бы так и сделали», – ответила она сама себе, и с этими словами как можно тише, стараясь

оставаться под прикрытием ели, отступила на шаг назад. Потом – еще на шаг, еще и еще. Может, Димыч, Генка и Володя, а также Данила, Петя и все прочие пошли бы к этому костру. Но она, Женя – она это точно знала – должна сделать по-другому. И чем дальше она уходила от костра, не сводя с него глаз, тем больше росла в ней уверенность, что она поступает правильно. Она двигалась плавно, стараясь не выдать себя ни скрипом снега, ни шорохом веточки. Там, около костра, находится что-то *не то*. Что-то опасное. Женя забыла, что ей надо бояться темноты и леса. Теперь и темнота, и лес были ее друзьями, потому что помогали ей спрятаться от истинного – она это знала – источника страха. Он был там, около этого костра. Но чем больше она понимала, что находится вблизи самого страшного места в лесу, тем почему-то спокойней и ровней становились ее мысли. Вместо того, чтобы отдаться чувствам и со всех ног кинуться прочь, она напряглась, как дикий зверек. Инстинкты обострились; все они работали сейчас лишь на то, чтобы помочь своей хозяйке избежать беды. Они помогали ей ступать мягко и неслышно, как рысь, задним ходом попадая в свои собственные следы; при этом немислимым чутьем она угадывала, как лучше повернуться или нагнуться, чтобы для возможных наблюдателей ее силуэт слился с силуэтами деревьев. Женя ни на секунду не теряла из виду костер и внимательно прислушивалась к звукам. Лишь когда она поднялась на холм и дошла до своей снеговой кучки – то был первый плацдарм челове-

ческих владений в мире неведомого – напряжение немного отпустило. Но не настолько, чтобы дать место панике: инстинкт самосохранения безошибочно отсекал лишнее. Женя лишь на секунду приостановилась, чтобы подышать – при этом ее глаза, как приклеенные, продолжали следить за крошечным пятнышком костра – и, повернувшись, уже передом двинулась к своему лагерю. Теперь она точно знала, что он – там, в темноте леса; эта темнота больше не была для нее страшной. Немного приспустившись, она еще раз оглянулась назад – нет ли преследования? Но все было спокойно: костер исчез за перегибом, и его звуки потонули в шорохе деревьев. Только тогда она осмелилась прибавить шаг. Однако ни разу, даже добравшись до своего потухшего костровища, даже увидев впереди чуть розоватый изнутри шатер – ни разу она не перешла на бег. Подчеркнуто неторопливо забравшись в шатер, она аккуратно завязала ворот. Не снимая бахил, села у печки. В глубине шатра кто-то ворочался и бормотал во сне. Похоже, это был Генка. Ага, печка почти погасла. Женя все также спокойно (во всяком случае, так могло показаться с виду) взяла несколько поленьев и одно за другим забросила их в топку. Потом подумала, взяла валявшуюся поблизости пенковую сидуху и принялась старательно махать ею на дрова, раздувая пламя. Вскоре поленья обвили тоненькие язычки огня – такие же оранжевые, как давеча в лесу. Только теперь, увидев их, Женя вздрогнула. Но сразу же пришла в себя. Убедившись, что печка работает, она закрыла дверцу,

вздохнула и замерла, прислушиваясь к звукам леса. Ветер то усиливался, то затухал, и тогда ей чудилось, что она слышит далекий смех из-за холма. Но проходили минуты ожидания, и смех исчезал. Тогда Женя понимала, что это ветер шутит с ней. Сердцебиение успокаивалось, и она снова сидела, не шевелясь. Это оцепенение продлилось долго, и за это время она не пропустила в голову ни единой мысли о том, что только что видела. Сердце знало, что нужен отдых. В то же время все органы чувств ее были настороже, готовые встрепенуться при любом звуке.

Через час она осторожно коснулась рукой плеча Генки.

– Ген, пора дежурить.

Тело товарища, мерно вздымавшееся от дыхания, сначала замерло, а потом разом сбросило оковы сна. Протирая глаза, Генка согнул туловище пополам и сел.

– Часы – на сучке, – повторила Женя старый пароль.

В ее голосе не было слышно облегчения от того, что дежурство закончилось. Должно быть, Генка это заметил. Он сначала внимательно на нее посмотрел, а потом, сообразив что-то, удивленно поднял брови.

– А почему не Катя меня будит, а ты? Вы что, с ней поменялись?

– Нет. Я просто твоей книжкой зачиталась, и случайно два срока отдежурила.

Женя произнесла это без тени улыбки, залезая в спальник. Необычная интонация ее голоса заинтересовала Генку, и он

спросил:

– Чё, неужели Карамзин так зашел?

– Да. – Женя помолчала немного, раздумывая. – Если что будет не так, ты меня сразу разбуди.

Генка обернулся.

– А что должно быть не так?

– Ничего. Не знаю. Все, что угодно. Что-нибудь увидишь или услышишь – буди меня.

– Ты чего, нявок увидела? – усмехнулся Генка, вспомнив вечер.

Женя не сразу ответила.

– Увидела, – сказала она, повернувшись на другой бок.

Исчезнувший лагерь

Утро началось с досадливого пробуждения под бодрый («Ну и какого черта он такой бодрый?!») голос руководителя.

– Групп-па-по-дъем-мис-ки-на-ба-зу! – довольно проорал Володя, втащив в шатер дымящийся котел с кашей.

Редко кто из утренних дежурных не испытывает тайного злорадства, видя, как мучительно тяжело его товарищи сбрасывают теплые сладкие сны. Он уже пережил это мучение пару часов назад, а сейчас активен и свеж, и свысока посматривает на штабель обреченно шевелящихся коконов. Ну что, мол, много вы выиграли, что поспали на два часа дольше, а-ха-ха? Зато я испытал унижение пробуждением один, а вы неуклюже копошитесь, стонете и трете опухшие лица у меня на глазах. Что, плохо, да? А мне хорошо!

Володя, победно усевшись на чурбак, весело поглядывал на свою унылую утреннюю паству.

– Блин, а не рано еще? – прохрипел спросонья Генка.

– Чёт-ты больно быстро управился. Надо в следующий раз девчонок ставить, чтобы подольше готовили. А нам – побольше поспать. – Данила пытался шуткой скрыть свое недовольство.

– Атас, ребята! Солнце высоко, небо чистое, перевал виден. Давайте-ка быстренько, ноги в руки, поели, собрались

и пошли! «Нам природа снова шанс дае-ет», – выразительно пропел Володя, наслаждаясь превосходством первовставшего.

– О-ох...

– А нам точно туда надо? – попробовала пошутить Катя.

– Точно надо, – отрезал дребезжащий голос из димычева угла.

Димыч поднялся по первому зову руководителя, и сейчас ожесточенно натягивал на рейтузы капроновые штаны. Его лицо было черно от недосыпа, руки плохо слушались, но неколебимая душа снова была готова к дневным подвигам. Услышав этот голос, все затихли и стали поспешно собираться: он звучал как приговор, не подлежащий обжалованию.

– Какие у нас все-таки лоси собрались, – как бы невзначай уронила Яна, хмуро поглядев на Димыча.

– Каша остывает! Миски на базу! – заторопил Володя, постучав поварешкой изнутри по стенке котла. Ему, давно покинувшему мир сонных, трудно было сейчас сочувствовать чужому страданию. Нет – он, конечно, все понимает, но чего они так долго возятся?

– Лови! – Генка перебросил свой мешочек с посудой поближе к котлу.

– И мою.

Миски с разных сторон полетели к импровизированной кухонной зоне. Володя, улыбаясь, подбирал их и составлял полукругом – вот это уже хорошо, вот так по-нашенски!

– Сам бы жрал, да денег надо... Не ругайте повара, он готовит, как может! – в сотый раз повторял он свои нехитрые шутки, закидывая увесистые комки довольно неаппетитной массы по мискам.

Досада на его довольство и свою утреннюю немощь временно отвлекло Женю от ночных воспоминаний. Но, получив миску и водрузив ее на колени, она словно почувствовала порыв холодного ветра. Он принес с собой вчерашние картины. Сначала маленькое оранжевое пятнышко за деревьями, потом – большой костер и тени на его фоне. Она вздрогнула и чуть не уронила миску.

– Осторожно! – испугалась Яна. – Еду держи.

Группа увлеченно застучала ложками. Судя по молчанию, вкусовые качества каши были более чем средними.

– А чаю можно? – с полным ртом спросил Генка, с трудом пережевывая разбухшие зерна.

– Хе-хе, кашу чаем не испортишь! Кидай кружку.

«А может, ничего и не было? Может, мне это приснилось?» – с надеждой думала Женя. Хотя прежде таких подробных, неотличимых от реальности снов за ней не водилось. Она механически жевала кашу, не чувствуя вкуса. – «А что, если мне все-таки показалось, и это был наш костер?» – жалко взмолилась она, но тут же отсекала эту возможность, вспомнив зрелище погасших углей по возвращении в лагерь. Наш костер потух, а *тот* – еще как горел. Вариант, что она повредила в уме и видела галлюцинации,

был совсем грустным, и она запретила себе об этом думать. Но совсем не думать было нельзя. Подобно сверлу, мысль о костре свербила ее сердце. Невозможно было пошевелиться, не почувствовав ее холодного стального прикосновения.

– Женьк, ты чего, уснула? – послышался, словно сквозь туман, голос Кати. Женя с удивлением обнаружила в правой руке кружку с чаем, а в левой – овсяное печенье. Оказывается, все это время ее тело покорно выполняло заученные движения – отставляло одной рукой пустую миску, принимало другой наполненную кружку и сладости. В шатре стало больше движения: кто-то уже встал на ноги, смирившись с неизбежностью выхода, и завязывал ботинки. Кто-то, навалившись животом на скрутку спальника, скорбно прощался с ним до вечера, запихивая в тугий капроновый чехол. Опомнившись, Женя тоже принялась одеваться. Толкотня, спешка и боязнь, что ее отругают за нерасторопность, снова на время отодвинули пугающие думы. Но когда через полчаса суета немного схлынула, когда ее рюкзак уже законопослушно стоял торчком, выражая готовность выдвинуться по первому указанию – как только Димыч и Данила уложат свернутый шатер в саночки – мысли снова вернулись. Правда, теперь ей уже не было так страшно, как вчера. Ярко светило солнце, искрящийся снег слепил глаза. Перед этим мощным аргументом ночное видение как-то скукоживалось, становилось маленьким и безобидным – несмотря на то, что мозг пока не мог оспорить его реальность. К тому же, соображала

Женя, группа вот-вот должна стартовать, а следующая ночевка предстоит уже в другой долине, за перевалом. Все, что она видела сейчас – поляна, холм и *то*, что было за холмом, уходило из ее жизни безвозвратно. Вряд ли она когда-нибудь сюда вернется (тем более, что она ведь твердо решила переориентироваться на летний Кавказ). А значит, можно позволить себе немного пощекотать нервы и напоследок увидеть *то место*. То, где ей все это *привиделось*. Да даже если и не привиделось, что с того? Разве может какой-то костер, пусть даже самый таинственный, кого-то напугать среди бела дня? Тем более, что она ведь не собирается ходить туда в одиночку! У нее есть отличный способ взять туда еще две души, которые не верят во всякие глупости и своим неверием будут охранять от них ее, Женю.

– Девчонки, а вы в туалет не хотите? – игриво подмигнула она Кате и Яне, словно приглашая подруг поучаствовать во фривольной игре.

– Вообще-то надо бы... – замялась Яна. – А мы успеем?

– Володь, а можно мы, так сказать... в лесок на пять минут отлучимся? – несвойственным ей тоном обратилась Женя к руководителю. Нужно было во что бы то ни стало добиться его согласия.

– Вот девчонки, а! А раньше что, не могли? Обязательно вот именно сейчас пудрить носики? – для виду заворчал Володя, хотя по его улыбающимся глазам было видно, что он не против.

– Мы быстро! – обрадовалась Женя и первая заспешила в лес, чтобы не дать ему возможности передумать.

– Мы как – по-быстрому или... по-долгому? – спросила Яна, когда они миновали останки пилорамы.

– Мне бы по очень долгому, – хихикнула Женя, и девушки прыснули от смеха. – Я тут удобное место знаю – вчера вечером туда ходила.

– Ого, так далеко в темноте ходила? – проговорила Катя, поднимаясь на холм по набитым следам.

– Да я бы с удовольствием поближе присела, но ты же знаешь – если Димка на «мину» наткнется, такой скандал устроит...

– Угу!

– Может, здесь уже? – Яна оглянулась, поднявшись на холм. – А то он скандал устроит, что долго ходим.

– Скандал он в любом случае устроит, – выразительно улыбнулась Женя. Хотя на самом деле Димыч никогда не устраивал скандалов – в лучшем случае он говорил пару скупых холодных фраз и уходил – подруги понимающе хмыкнули. – Блин, отсюда лагерь видно. А значит и нас – оттуда, – соврала она. – Давайте-ка еще в ту сторону спустимся!

– Да кто сюда пойдет-то?

– Кто угодно. Сюда единственная протоптанная дорожка ведет. Какой-нибудь Петя сейчас обязательно припрется. За тем же, что и мы. А мне для моего дела нужен абсолютный покой, – она состроила шутливую гримаску.

– Ну ладно, пошли.

Они двинулись дальше по вчерашним жениным следам. Вскоре показалась вытоптанная площадка и снежный холмик – место ее ночного привала.

– Еще чуточку пройдем, – жалобно попросила Женя, видя, что ее подруги хотят остановиться здесь. – Сейчас же день, видимость хорошая. Я вечером во-он куда ходила – она показала цепочку своих следов. – Боюсь, с холма нас увидят, если что...

– Эдак мы сейчас до перевала доскочим!

– Да нет, все, уже близко. Зато так приятно расслабиться вдали от посторонних глаз, – Женя снова включила заманивающие интонации. – Для меня, можно сказать, самые приятные моменты похода – именно такие.

– Когда без штанов сидишь? – хихикнула Яна.

– Если этого похода – то да. Я уж тоже не знаю, куда от них ото всех спрятаться, – согласилась Катя.

Хотя было светло, Женя узнавала место. Ей казалось, что она помнит даже стволы, которые вчера один за другим вставали перед ней в луче фонаря. Впереди, за деревьями, полоскался сгусток солнца на снегу: видно, там была поляна. Женя готова была поклясться, что именно отсюда, за этими старыми елями видела вчера костер – если бы не следы. Они почему-то все не заканчивались, хотя Женя точно помнила, что повернула назад задолго до поляны.

– Нет, ты точно вчера на перевал бегала, – сказала Катя. –

Вы как хотите, а я прямо тут сяду.

– Н-ну, ладно. А я все-таки до своего места дойду...

Решимость уже оставила ее. Она бы с удовольствием бы составила компанию подругам, и больше никуда не ходила. Но теперь, когда цель была так близка, обидно было поворачивать назад. Не оглядываясь, она подняла ногу, подалась вперед и вставила ее в следующий след. Потом – в следующий. Позади слышался уютный щебет девчонок. Они шутили над тем, как запугал Женю Димыч: теперь она меньше, чем в двух километрах от лагеря, не писает. А впереди все ближе пододвигались две развесистые ели и солнечная пустота за ними. Женя почувствовала, что спина у нее взмокла. Она оглянулась назад – девчонки сидели на корточках в ямках, как птицы на гнездах, и весело скалились ей вслед. Ну, еще немножечко! Вот ведь уже и поляна. Метров десять осталось... Она остановилась. Нет, здесь что-то не то. Ночью она точно не подходила к поляне так близко! Она бы просто умерла со страху. Вот эти самые ноги – Женя посмотрела на свои бахилы, по самые завязки утонувшие в глубоких следах – просто отказались бы ей повиноваться. И, тем не менее – вот они, ее следы... Стоп! Ее осенило. словно солнце, плясавшее на поляне, вспыхнуло у нее в голове – да нет же, это *не ее* следы! Смотри, как широко они отстоят друг от друга – она отродясь не делала таких широких шагов. И их размер... Женя специально ступила в снег перед самым следом, провалившись выше колена, и заглянула в глубокую овальную

шахту. Это не ее нога, точно! Это был какой-то мужик. Значит... кто-то из наших ночью тоже ходил в эту сторону! Он дошел до конца ее следов, а потом почему-то пошел дальше. Но зачем? Ведь там... там был чужой костер! Получается, он ходил к костру? Он тоже его видел? Женя задумалась, тяжело переползая из одного следа в другой. Выходит, в этом костре не было ничего страшного? Может, это действительно была какая-то другая группа, которую они фантастическим образом не увидели и не услышали? Но... если какой-то наш мужик – Димыч, или Генка, или Володя – ходили к чужому костру, почему они не рассказали об этом? Или, может, они рассказывали, просто она проворонила? Женя остановилась, отдуваясь, у старой мохнатой ели, похожей на заснеженного медведя. За ней была поляна. Следы обходили густую крону и исчезали из виду. Нет, это невозможно. Она бы услышала. Зная Володю, можно быть уверенным, что он сделал бы эту новость основной темой разговоров не только на утро, но и на последующие два дня. Тогда, получается, этот кто-то, кто ходил сюда, никого здесь не встретил? Женя облегченно выдохнула. Ну конечно! Потому что не было никакого костра. Черт его знает, что и почему ей привиделось. Этот Володя, или Димыч, или Генка просто ходили... ну понятно, зачем они ходили, хе-хе. Димыч, небось, сам больше всего на свете боится оконфузиться. И потому конфузит других. Потому-то он и ушел по большой нужде черт-ти куда... Женя ухмыльнулась, представляя, что она сейчас увидит за елью.

Небрежно прикопанный холмик – думал, наверное, что в такую даль никто не зайдет – а рядом неэстетичные желтые и коричневые пятна... Фу. Она брезгливо поморщилась. Ну, разумеется, она не станет это разглядывать. Просто убедится, что так оно и есть, и...

Женя обогнула ель и замерла, похолодев. Перед ней действительно расстилалась большая прогалина. Должно быть, под снегом лежала болотинка, и потому место не зарастало деревьями. Здесь совершенно точно не было никакого костра – ни прошлой ночью, ни позапрошлой. Скорее всего, сюда не ступала нога человека с начала зимы. Пространство между деревьями было покрыто ровным, толстым, чуть волнистым снеговым ковром. Нигде не потревоженный, он беспечно поблескивал на солнце. Но и того, что Женя готова была здесь увидеть, тоже не было! На поляне не было вообще ни-че-го. Следы неизвестного ходока заканчивались так же, как остановилась сейчас она сама – правая нога чуть впереди, левая позади. Его бахилы прорезали снег, как блестящую сахарную пастилу, и не двинулись дальше. Напрасно Женя обшаривала глазами белизну вокруг следов – она была гладкой и нетронутой. Не отдавая себе отчета, она подобралась поближе и заглянула в снеговую шахту – как будто тот, кто оставил этот след, мог уйти через него под землю. Но на дне обоих следов были обычные смазанные отпечатки подошв, и ничего больше. Постояв с минуту в оцепенении, Женя медленно повернула назад.

«Он не пошел дальше... Но куда же он пропал? – стучал в мозгу вопрос, не находя ответа. – Он ведь не мог полететь! ...А может, он шел к костру – точнее, он так думал – а костра там не оказалось? То есть ему привиделся костер, как и мне. И тогда он повернул назад, и...» Несмотря на допущение галлюцинации, что само по себе было неприятно (впрочем, коллективная галлюцинация, пожалуй, не так страшна, как индивидуальная, решила Женя), этот вариант на первый взгляд годился, потому что многое объяснял. Но увы, разум не позволил насладиться им сполна. Ведь на снегу не было следов разворота! – робко заметил он. Да, действительно, не было... Разве что ночной ходок специально вытаскивал ноги акробатическими движениями, чтобы нигде не смазать снег. Теоретически это возможно... Но зачем?! Женя чувствовала себя, как человек, посреди солнечного дня оказавшийся перед входом в темную пещеру – такой безвыходной и страшной в своем абсурде казалась эта загадка. Странно было не только то, что некто из ее группы проделал ночью такой же путь, что и она, дошел до несуществующего костра и непонятно, как вернулся назад – странно и мучительно-тяжело было сознавать, что этот надлом реальности почему-то предложен именно ей, Жене, которая менее всех других способна его выдержать. «Он не поворачивал... Он не поворачивал...» – тупо бормотала она про себя, утопая в следах, как будто это соображение могло приблизить ее к разгадке. Вдруг нога зависла на полшаге: мозг озарила новая пугаю-

щая мысль. «А что, если он шел не от нас? Что если он шел... от них? От этого исчезнувшего костра?» Подумав так, она вдруг зашагала вперед с поспешностью, которой прежде не замечала за собой: она чуть не выпрыгивала из каждой снеговой шахты и перелетала в следующую. Она предпочла не задавать себе вопросов, вытекающих из этого предположения, а именно – как этот *он* возник из ниоткуда на поляне и, главное, куда *он* пошел, добравшись до их лагеря – потому что ответ был один, невыразимый и страшный. Сейчас Женя делала то, что сумела запретить себе ночью: она в панике бежала по лесу. Вот вытоптанное место с двумя стыдливymi холмиками. Здесь сидели девчонки; значит, они уже ушли. Но где же они, Боже! Женя была готова закричать, как вдруг впереди среди еловых лап мелькнула красная спина Кати.

– Девочки, погодите!! – истошно завопила она.

В один миг она доскакала до подруг и остановилась, задыхаясь.

– Ты чё это? – Яна удивлено вскинула брови.

– Ну как, расслабилась? – хихикнула Катя.

– А... Ага... Пойдемте скорее!

– Что, медведя увидала?

Женя не ответила и, обогнав обеих, первая побежала к стоянке. Слепя глаза, блестел свежий снег; по сторонам тропы дремали елочки, убеленные и закутанные по самую макушку. Своим сонным покоем они словно пытались уверить Женю, что все увиденное ею было суетным и неважным. «Ты

все равно ничего не разберешь, – как будто говорили они, подмигивая на солнце снежными искорками, – так лучше забудь обо всем, вставай на лыжню и наслаждайся». Но Женя так не могла. «Либо кто-то из наших улетел на небо, либо кто-то из *ихних* пришел к нам» – звучал рефрен в ее голове, не давая успокоиться. Начался спуск; спотыкаясь и падая, она скатилась к лагерю. Точнее, бывшему лагерю. На поляне оставались только Володя, Димыч и Петя. Вдали среди деревьев, куда уходила свежая лыжня, виднелись цветные пятна рюкзаков. Группа стартовала, не дождавшись девушек.

– Ну наконец-то! – раздраженно сказал Димыч.

– Блин, вы вообще о чем-нибудь думаете?! – рявкнул Володя, завидя Женю. – Мы что, тут из-за вас целый день должны торчать?

Женя, а за ней Катя и Яна пристыжено поспешили к своим рюкзакам и лыжам.

– Прости, пожалуйста. Просто мне... не очень хорошо было, – доверительным шепотом соврала Женя, пробегая мимо руководителя.

– Хм... Ну так бы сразу и сказала... – Володя сразу остыл. – А то сидим, околеваем уже... Щас-то все нормально? – участливо спросил он.

– Да-да, сейчас в порядке! – Женя торопливо одевала лыжи. – Слушай... А тут сейчас никто не проходил... чужой?

– Чего? Какой чужой?

– Вы что, кого-то видели? – заинтересовался Димыч.

– Ну, не то чтобы... Просто следы. – Женя старалась не смотреть мужчинам в глаза. То, что она видела, объяснить было невозможно, а вести на место и показывать – поздно.

– Лыжные?

– Н-нет, пешие.

– Ты ж говорила, что это твои следы, – удивленно отозвалась Катя.

Женя промолчала. Собеседники переглянулись и захихикали.

– Та-ак, кажется, у наших участников видения начинают-ся! Уже следы им чудятся, чужаки всякие. – Володя перешел на свой обычный благодушно-игривый тон.

– Горная болезнь, не иначе, – бросил через плечо Димыч.

Он уже выбежал на лыжню, чтобы поскорее догнать ушедших.

– Я же говорила, что будут голодные галлюцинации, – под-держала Яна. – А что ты хочешь – пятьсот грамм еды в день! И это – зимой. Еще не то начнется.

– Так точно никого постороннего не было? – тихо спроси-ла Женя, подойдя к Володе.

Ей не хотелось провоцировать новые шутки. Она надея-лась, что наедине руководитель сообщит ей тайну, которую стеснялся выдать при всех. Но она ошибалась.

– Блин, да не было тут никого! – расхохотался Володя. – Эй, медик! Внимательно за ней смотри. По-моему, тут ве-сеннее обострение, – он кивнул Кате. – Ну что, никого боль-

ше не забыли? Тогда ноги-в-руки, шагом-марш! Петька – ты пока замыкающий...

Мгновенно сменив веселое настроение на серьезное, он заскользил вслед за Димычем. Остальные вереницей потянулись за ним.

Воспоминание об утреннем и ночном происшествии не оставляло Женю целый день. Убедить себя, что ничего особенно не произошло, либо что она что-то не так поняла, больше не получалось. В лучшем случае оно временно заслонялось более сильными на данный момент эмоциями – тяжелым изнуряющим подъемом на перевал, холодным и острым, как тысячи игл, ветром на вершине и опасным, чреватым постоянными падениями, спуском. Боль, усталость, сиюминутный страх ненадолго перекрывали страх долгий и тягучий, что остался по ту сторону хребта. Но в действительности он никуда не исчез. И стоило подъему закончиться, ветру успокоиться, а крутой спусковой лыжне, наконец, выйти на спокойное мягкое скольжение, как вместе с выдохом облегчения возвращались давешние картины: оранжевые языки пламени за черными силуэтами деревьев, человеческая тень, мелькнувшая на их фоне, и в финале – два овальных провала-следа, удивленно застывших посреди белой целины. Объяснить и понять это было невозможно. Получалось лишь на время закрыть их, как ставят на паузу фильм, пообещав себе, что обязательно обдумаешь все позже, когда будут силы.

Группа шла медленно – в основном, конечно, из-за девчо-

нок. Сначала все три отстали на подъеме, вызвав недовольство Димыча. Потом, когда казавшаяся непроходимой ветровая седловина перевала была все-таки прорвана сбитой в комок группой, они застряли на спуске. Яна, которая «на гражданке» увлекалась горными лыжами, хотя бы пыталась ехать на скорости. Правда, она регулярно падала и тратила много времени на подъем. Женя, в отличие от нее, боялась падать. Она инстинктивно сбрасывала скорость, ставя лыжи «плугом», и подолгу, дрожа коленями, топталась на поворотах, заходя на очередной зигзаг покатою лыжни. Катя падала реже, чем Яна, и ехала немного быстрее, чем Женя, но все равно отставала. Володя, поджидая внизу, уже устал кричать и махать руками. Ясно было, что до зоны деревьев им сегодня не спуститься. Так и вышло. Зеленая щетка леса виднелась еще далеко на дне долины, когда Володя скомандовал искать место для шатра. Димыч, конечно, горячо возражал: ведь солнце не село! Перевал за их спиной сверкал оранжевым стеклом, обманчиво уверяя, что впереди еще много времени.

– Чё-т не хочется холодной ночевки, – поежился Генка, готовый поддержать Димыча, но не по идейным, а по чисто практическим соображениям.

Явных дров поблизости не наблюдалось. По склону на большом расстоянии друг от друга были разбросаны причудливые белые скульптуры из одиноких елей, обметанных снегом и прижатых к земле. Чуть ниже виднелось скопление

низкорослых березок, но искать среди них сушину было делом почти безнадежным.

– Смотри, – Володя вытянул вперед запястье с электронными часами. Хотя издали Димыч не мог видеть, что они показывали, было ясно: пришло время вставать на ночлег. – Что там впереди – непонятно. В отчетах по этому месту – какая-то путаница. Может, скалы. Или того хуже – ледопад. Что мы будем, ночью по нему ковыряться?

– Скажите спасибо нашим дамам, – хмыкнул Генка на девчонок. – Можно было и побыстрее ползти.

Девушки молчали, опустив головы. На сей раз обвинение было справедливым. Особенно хмурилась Катя: ей, как самой бывалой среди женской части группы, было неприлично тормозить.

– Может, оно и к лучшему, – неуверенно начала она. – Если бы мы быстрее шли, то сейчас уже были бы во-он на том склоне, – она показала вперед за перегиб, где видимость заканчивалась. – Еще застряли бы там.

– Ну да, конечно! Типа что ни делается, то к лучшему. Угу, угу, – язвительно усмехнулся Димыч.

– Короче, хватит болтать. Идите лучше снег топчите, – оборвал Володя, который тоже был недоволен девушками. – Вот туда. – Он показал палкой на относительно ровную площадку, очерченную полукольцом из елочек-снеговиков. – Там между ёлками и тросик натянуть можно. Если, конечно, найдем на костер сучков. А не найдем – так на газу будем

готовить. Сколько у нас газа, Данилыч?

– На ужин хватит. Но на завтрак – уже нет. Так что с утра придется сильно ногами шевелить, чтобы до леса добраться. Либо сырую крупу жевать.

Но опасения оказались напрасны. Когда шатровая команда с примкнувшим к ней Петей уже растягивала непрочное капроновое жилище на воткнутых в снег лыжах (деревьев не хватило), снизу, из березняка, донеслись довольные голоса Димыча и Генки. Им каким-то чудом удалось найти несколько сухих берез. Дров хватало и на костер, и даже на полночи работы печки. В связи с этим Володя принял суровое командирское решение: топить только в три первых дежурства (причем этими дежурными должны быть девушки, как главные виновницы внештатной ситуации), а потом спать в медленно остывающем шатре. Зато – уже без дежурств. Парни получали право отдыхать всю ночь. В шесть утра, когда поднимался утренний повар, он должен был за счет остатков дров реанимировать печку, и кормить народ в тепле. Прото, что питаться в шатре – это «не по-спортивному», Володя сегодня уже не вспоминал. На безлесом плато и без того было ветрено, а с наступлением темноты непогода обещала усилиться. План содержал только одно слабое звено. Получалось, что «наказанная» Женя должна была дежурить дважды, так как завтра утром была ее очередь готовить завтрак. Тут даже равнодушный Генка заметил, что это как-то не очень честно. Володя согласился и предложил вызвать-

ся добровольцам: кто их парней готов отдежурить ночью за утреннюю Женю? Сразу возникла тишина. Генка отвернулся, сделав вид, что не расслышал. Данила и вправду не слышал: он никогда не слушал того, что не касалось его лично. Петя, хоть и слышал, но считал, что этот лот его не касается, так он уже кашеварил накануне. Наконец, раздался голос Димыча.

– Так и так плохо сплю. Ладно уж, подежурю.

– Ну, вот и славненько! Тогда, получается, первой – Яна, потом Женька, а потом ты. Или ты первым хочешь?

Первое дежурство было привилегией, так как позволяло быстро выполнить свой долг и спокойно спать до утра – что куда лучше, чем быть разбуженным среди ночи. Димыч подумал, прилично ли ему, как мужику, выпрашивать себе послаблений, и решил, что неприлично.

– Бли-ин... Черт с вами, буду третьим.

Он направился к «пилораме», чтобы не было соблазна передумать. Но Володя окликнул его.

– Слышь, ты там это... Если сильно мерзнешь, то можем тебя в середину переложить! Теплей будет.

Димыч задумчиво остановился. Кодекс чести героя требовал отказаться от сочувственной помощи, но мысль о том, что в своем недоспальнике ему предстоит по-настоящему холодная ночь, сковала готовые сорваться с языка возражения. Он молчал и ждал, что преподнесет ему судьба.

– У тебя ж не спальник, а тряпочка. А ты с краю лежишь. –

Володя как будто только сейчас сообразил, что у Димыча тряпочка и что он лежит с краю.

– Э-э... Гм... Ну-у... – неопределенно замычал Димыч.

– И правда, ты ж не спишь почти. Я слышал, как ты всю ночь ворочался, – неожиданно пришел на помощь Генка.

– В конце концов, можно и спарку состегнуть, и вдвоем-втроем лечь, – предложила Яна.

Вообще-то она ни за что не стала бы заботиться о сохранности Димыча – тем более, что его самого чужая сохранность, как известно, меньше всего заботила, а непрошенное сочувствие он обычно холодно и резко пресекал, заставляя сочувствующего ощутить себя полным идиотом – но тут ее вмешательства требовал долг. В походе Яна исполняла должность доктора. Обычно ее обязанности сводились к выдаче по утрам витаминок, а по вечерам – пластыря для заклейки стертых пяток. Но сейчас, когда один из участников собирался в ближайшее время умереть от переохлаждения, она сочла нужным изречь формальный врачебный совет – который, она была уверена, Димыч не станет его исполнять. Однако пациент вместо обычной презрительной усмешки почему-то отмалчивался, словно ждал развития темы. Спарка, о которой шла речь, означала спальник на двоих или троих. В туристском обиходе существовали готовые спарки, обычно самодельные. Но володина группа предпочитала просто состегивать при необходимости одинарные спальники, чтобы иметь свободу маневра: если в шатре тепло, все наслаждаются

ся комфортом поодиночке, если прохладно – то теснятся и конфузятся дуэтом. Особенностью импровизированной, со-стегнутой (а если «молнии» спальников не походили друг к другу, то наскоро сшитой) спарки было то, что ее внутрен-ний объем оказывался гораздо больше, чем у готовой. Дво-им в ней было слишком свободно, а значит – холодно. При-ходилось залезать втроем, что еще более сковывало свободу движений. Особенно тому, кто оказывался в центре. Но се-годня, кажется, был как раз тот случай, когда можно было забыть об удобстве ради тепла. Услышав о спарке, Володя оживился.

– А что, может и впрямь?.. Димыч, а? Запихнем тебя под бочок... да вот хоть к девчонкам! – Володя оглянулся на де-вушек и выразительно хихикнул. Слово «девчонки» активи-ровали в нем походного ловеласа – роль, вообще-то совер-шенно ему не свойственную. Но он искренне считал, что она входит в необходимый пакет хорошего руководителя, и чест-но ее исполнял. Девушкам в таких случаях надлежало изоб-ражать крайнее смущение от его плоских шуток и неуклю-жих намеков; они тоже честно отрабатывали свою роль, зная, что так почему-то надо. – А-ха-ха, они тебя сра-азу согреют! Ну чё, девоньки, возьмете себе красивого молодца?

«Какого хрена?!» – воскликнула про себя Катя, снаружи кокетливо улыбаясь и опустив очи долу.

«Кто, бл..., меня за язык тянул?» – досадливо подумала Яна, тоже растягивая рот в улыбке.

Женя представила, как угловатый, вечно недовольный Димыч, сопя, залезает в спарку, где они с Катей (а может, с Яной) уже стыдливо вжались в стенки, растянув до предела ткань – лишь бы не соприкоснуться с его острыми локтями и твердыми, как камень, коленями, лишь бы не смутить его и от этого еще сильнее смутиться самим... Еще вчера эта картина вызвала бы в ней неприятные чувства. Но нынче так много других чувств отделяло ее беспечное вчера от неведомо-страшного сегодня, что, как не старалась, она не смогла отыскать в себе раздражения. Она лишь пожала плечами и пробормотала:

– Ну что ж, так и правда теплее будет, наверное...

Повернув голову, она посмотрела на покинутый перевал. Солнце почти село, и он уже перестал быть оранжево-стеклянным, а стал розово-фарфоровым, сдержанно мерцая на фоне загустевшего фиолетового неба. Со склона доносился далекий гул – ветер наверху крепчал. Иногда над седловиной взлетал прозрачный протуберанец метели, ложно казавшийся снизу маленьким и безобидным. Мужчины, с важным видом поглядывая на перевал, обменивались замечаниями, что, мол, вовремя они оттуда свалились. Женя же думала только об одном – надежно ли эта глянцевиная стена с крошечной выемкой-галочкой посередине защищает ее от *того*, что осталось по ту сторону? Иногда она представляла, как это нечто – в ее видениях оно не имело формы – скачет за группой в метельном тумане. Почему именно скачет? Навер-

ное, потому, что единственными материальными свидетельствами его существования были глубокие следы ног в утреннем снегу. Жене виделось, как цепочка этих следов бежит через перевал, спеша к стоянке. А то, что их оставляло, имело ту же призрачную природу, что и поземка над перевалом. Только *оно само* было темнее – совсем как тень на дне следа, в который заглядывала Женя.

– Ну, если и дамы не против, то дело решенное! – ухмыльнулся Володя. – Осталось только выбрать двух счастливиц из трех. Главное – не передеритесь, девчонки. – Девчонки явно не собирались драться за Димыча, поэтому счастливиц пришлось назначать. – Как я понимаю, Женечка, ты готова... – Он подмигнул Жене, которая почти не слышала его – она не сводила глаз с горы. – А еще кто? Ян, может, ты? Ты худенькая – как раз втроем поместитесь...

– Э-э, я бы, если можно, предпочла остаться в своем спальнике! – поспешно заговорила Яна. – Нет, конечно, если других вариантов нет...

Яна была обладательницей новенького, чудовищно дорогого, толстого и вместе с тем невероятно легкого пухового спальника. Ни у кого в группе такого не было. Она вполне могла позволить себе брезговать согревающей теснотой спарки. Жестоко было заставлять аристократа сливаться с народом, пусть он и первый опрометчиво заговорил о народном благе. Володя понимающе вздохнул.

– Ну, тогда Катюшка! Вот и разобрались.

Во время этого диалога Димыч не произнес ни слова, всем видом изображая смиренную готовность принять любое решение руководителя. Но в душе он торжествовал: холодная смерть на сегодня отменялась, и заменялась теплым спокойным сном в течение всей ночи, чего у него не было уже трое суток. Это было сказочно. И получалось, что всему виной – отставание девушек на спуске. Конечно, он был далек от того, чтобы поблагодарить их, пусть даже в душе. Но в этот вечер он почти не ворчал. То ли он совестился перед своими невольными спасительницами, то ли предвкушение ночи сообщало благодушное настроение, но в этот вечер участницам шатровой команды ни разу не пришлось украдкой переглядываться и строить гримасы, изображая противного Димыча.

С наступлением темноты, словно осмелев без хозяйского глаза солнца, метель совсем разбушевалась. С невидимого перевала доносились рев и вой. Страшно было представить, что происходит наверху. И, хотя сюда снежные порывы долетали в разреженном виде, оставаться у костра никому не хотелось. Решение ужинать в шатре было принято само собой. Горячие котлы внесли внутрь, вход завязали, и праздник тепла начался. Ветер громко хлопал стенками, бесполезно грозя и пугая; его старания только усиливали в маленьком капроновом домике ощущение уюта. Володя сперва хотел провести «разбор полетов», пожурив провинившихся девчонки, но подумав, махнул рукой и велел верному Пете расчех-

лить гитару. Его музыкальные способности были более чем скромными: пел он сипло и почти без интонации, загрубевшие от мороза пальцы плохо попадали по струнам. Но душам слушателей, изголодавшимся по гармоническим звукам, его песни казались верхом совершенства, и они, не дыша, внимали каждой ноте. Парни сидели и лежали, задумчиво прозревая в бесхитростных туристских песенках то, чего там не было, а именно – обещание каждому стать героем; а девушки, раздумываясь и тихо улыбаясь, впервые за много дней почувствовали проблеск идеального похода, с добрыми и радужными спутниками, о котором они мечтали.

Перебрав свой незатейливый репертуар про снега, вершины и суровую мужскую дружбу, руководитель замолчал, пытаясь вспомнить еще что-нибудь. Данила в это время с самым серьезным видом разливал по кружкам вечерние двадцать грамм (смешанные с водой, они превращались в пятьдесят). Володя, которому давно хотелось выпить, решил, что ночевка у них сегодня по спортивным меркам – почти аварийная, а значит, разрешается принять согревающее «в чисто медицинских целях».

– Доктор у нас не против? – лукаво посмотрел он на Яну.

– А если и против, это что-то изменит, ха-ха? – хмыкнула она.

Кружок «под лекарство» подле Данилы стояло только шесть: Женя и Яна отказались.

– Молодцы, девчонки, нам больше достанется! – приго-

варивал Генка, плотоядно следя за тоненькой прозрачной стружкой, льющейся из пластиковой бутылочки.

Воздух был наполнен благодушием. Всем было хорошо, и никто ни на кого не обижался.

– А может, вы и от колбасы откажетесь, а? – в шутку, но с затаенной надеждой на серьез спросил Данила.

– Правильно, нечего на непьющих закуску переводить! – подхватил Генка.

– Но-но-но! В таком случае в следующий раз доктор добро не даст! – Яна развежилась в непривычно теплой атмосфере, и осмелела.

– О, вспомнил! – Володя хлопнул ладонью по облупленной деке гитары, заклеенной по краю синей изолентой. – Попробую, только б слова не забыть.

Эта песня была незнакома Жене, и по всем статьям она была на порядок сильнее предыдущих. Речь в ней шла о странном глупом человеке, который вроде бы мечтает уехать путешествовать, но ему мешает безволие и боязнь изменить свою жизнь: «А я занят, я спецзаказом к земле прижат, и слою пыли на чемодане мои намерения лежат». А может, и нет никакого спецзаказа, а просто «держит дома меня холера, а может, дело, а может, лень». В тексте были запоминающиеся обороты, типа «зеленый поезд виляет задом, а я с моста на него плюю» [1], и они были вправлены в интересную мелодию, но при этом песня оставляла впечатление безысходности, с которой герой не силах справиться. И хотя

для сидящих в шатре эта проблема, вроде бы, не стояла: они между условным спецзаказом и условным поездом обычно выбирали последний (хотя бы потому, что спецзаказ никто и не предлагал), глаза слушателей подернулись легкой грустью. После завершающего аккорда повисло несколько секунд молчания – вернейший знак того, что песня задела за живое.

– Хорошо хоть, что у нас эта проблема не стоит! – выразил общее мнение Петя, шутливо оглядываясь на спартанскую обстановку.

– Я вот таких людей никогда не понимала. Ну что это значит – не уметь сделать решительный шаг? Неужели лучше сидеть в городе, в этом болоте? Понятно же, что в походе во сто раз лучше, – сказала Яна.

– Там не про поход речь идет. Он же про чемодан поет. А какой чемодан в походе? – отозвался Данила, дожевывая печенье.

– Это вообще метафора. Мол, человек не способен меняться, и так киснет всю жизнь, – разъяснил через плечо Генка, полулежа в спальнике. Он светил фонарем в свою книжку. – На самом деле таких людей полно. Это типичный офисный планктон. Причем чемоданы у них как раз не пылятся. Это только в советское время вариантов не было – или в поход иди, или дома сиди. А сейчас-то они по всему свету разъезжают. И у них все хорошо – отели, пляжи, спа-салоны...

– Фу, бе-е! – Володя красноречиво выразил свое отноше-

ние к образу респектабельного туриста.

– Скука смертная! И как они это выдерживают? – поддакнул Петя. – Это ж все одинаковое, глянцевающее, упакованное, как в супермаркете!

Критику консьюмеристского общества он считал долгом любого образованного человека.

– Ну почему одинаковое? Ты что, пробовал? – Генка насмешливо взглянул на него и, не получив ответа, продолжал: – Каждому – свое. Кто-то ловит кайф от походов, кто-то – от средневековых замков на Луаре, а кто-то – от коктейлей на пляже. Почему нет? Они ж тебе не мешают, верно?

– Коктейли, хе-хе?

– Они никому из нас не мешают, – вставил Димыч. – Но ценности нам эти непонятны, вот и все.

Он опять зашивал рукавицу – уже другую.

– Да самое обидное-то не это. Самое обидное то, что нормальные люди, походники, почему-то вот в таких вот в итоге и превращаются! – неожиданно горестно воскликнул Володя. – Вот взять хотя бы Сашку Петрова. В «пятерки» ведь ходил, в «шестерки»! В таких суровках бывал! А потом раз – и как отрезало. Теперь он такой чистенький, модный, передвигается только на машине и на самолете. Дайвинг, понимаешь, кайтинг, яхтинг... Тьфу. А ведь какой был мужик! Сколько вместе пройдено!

Он готов был прослезиться.

– А что такого? Небось, женился, а жена и говорит: хочу

рестораны и все такое. А про горы твои и рюкзаки забудь. Вот и свернула мужика, – пустился в рассуждения Данила.

– Правильно, во всем женщины виноваты! – заржал Петя, покуда не знавший близко ни одной женщины.

– Причем тут женщины? – нахмурился Генка. Ему было досадно за вульгарную трактовку своих слов, и он снова оторвался от книги. – Человек ведь не стоит на месте, он развивается. На каком-то этапе ему интересно одно, потом – другое. Нельзя утверждать, что комфортный туризм – назовем его так – это обязательно регресс в сравнении с туризмом, так сказать, рюкзачным. Это просто некий иной мир, и у него своя ценность... – Он заметил, как высокопарно говорит, и улыбнулся, как бы извиняясь. – В общем, мне кажется, есть какая-то ограниченность в том, что мы не принимаем чужой образ жизни только потому, что он нам не нравится, – осторожно закончил он.

– Может, я и ограниченный, но мне не нравится, что нормальных походников становится все меньше! – обиженно сказал Володя. – А и те, что есть – такие распальцованные... У них все по-западному: денег куры не клюют, их на вертолетах забрасывают, на джипах подвозят, у них все снаряжение – гортексы-хренексы. Блин, один костюм стоит больше, чем вся наша снаряга. А двадцать лет назад ведь ничего такого не было! Ходили во всем самошивном, палатки-«гробики» на стойках, спальники – по пять килограмм. И ничего ведь, ходили как-то! Но и люди, понимаешь, были другие! Душев-

ность какая-то во всем этом была... А не то, как теперь в американских фильмах: ты в порядке? Ну и я в порядке. И давай, полезли в постель...

Генка подавил змеившуюся на губах усмешку.

– Гм, ты смешиваешь сухое с горячим. Тебе что не нравится – американская свобода нравов, общество потребления или то, что люди стремятся ходить в походы с более качественным снаряжением?

– Да мне все не нравится! Потому что все это, по сути, одно и то же.

Володя не был силен в полемике, но искренне верил в свою правоту. Он чувствовал, что молодые обходят его в спорах, и оттого еще сильнее раздражался.

– Короче, тебе просто хочется, чтобы все было, «как раньше». Чтобы ходить в пудовых ботинках-вибрамах, спать в мокрых ватных спальниках, чтоб никаких подбросок-забросок, все только ножками, верно? И никаких чтоб культпоездов. Отпуск – исключительно в тайгу и в тундру. Только так куется настоящий мужской характер, да?

Вроде бы Генка доходчиво сформулировал то, что путано и сбивчиво пытался выразить его собеседник; но почему-то в его изложении эта мысль приобрела комический оттенок. Володя сердито сдвинул брови и открыл было рот, чтобы горячо заспорить, но тут из угла снова заскрипел голос Димыча.

– Народ! Может, теоретические дискуссии на завтра пере-

несем, а? Нам как бы рано вставать. Забыли, что мы из графика вышли?

Заход был умен; Генка, который уже сожалел о своей несдержанности, благодарно взглянул на товарища. Володя мгновенно вышел из роли поборника ортодоксальной старины и снова стал ответственным руководителем: лирика – по боку, главное – цель!

– Точно... Нам же еще спускаться неизвестно где. Стоянка-то наша внизу должна быть, а мы до нее еще и не дошли. Короче – завтра выход в семь, подъем дежурного – в пять. Все, мыться-бриться-стелиться!

Женя, услышав приговор, отнимавший у нее, как у кухонной дежурной, самый сладостный час утреннего сна, сначала привычно вздрогнула. Но тут же успокоилась. Ведь чем быстрее они встанут и чем дальше уйдут от *того* места, тем лучше! Весь вечер в ней медленно нарастала тревога: а вдруг, пока они тут сидят, *то самое* успеет догнать их? Она снова представила себе склон – пока не стемнело, он выделялся светлой голубизной на сапфирово-синем небе. Не зрение, но какое-то иное чувство помогло вообразить посреди него аморфное нечто, что спешит за группой, оставляя пустые следы... Ох. Будь ее воля, она, Женя, прямо сейчас побежала бы вниз, к лесу. Но, понятно, она готова бежать только с товарищами; в одиночестве ужас растерзал бы ее. Поэтому, глубоко вздохнув, она постаралась уверить себя, что за ночь *нечто* не успеет перейти перевал. А утром бу-

дет поздно. Солнечные лучи дезактивируют преследователя, кем бы и чем бы он ни был, и группа уйдет от него навсегда.

Перед сном ей удалось избавиться хотя бы от части обычных страхов: она пригласила Катю сбегать «до ветру» вместе. Далеко уходить, к счастью, не пришлось: еще вечером, чтобы защитить шатер от того самого ветра, они выстроили со стороны перевала высокую стенку из толстых снежных кирпичей. Стенка естественным образом превратилась и в туалетную загородку. Решили, что под ее прикрытием можно будет ходить даже «по большому». Никакой хозяйственной деятельности по ту сторону не велось, и можно было не стесняться посторонних глаз. Петя в порыве энтузиазма (строительство воодушевило всех, как в детстве) предложил сделать дополнительную перпендикулярную перегородку между отсеками «М» и «Ж». Но на это сил уже не хватило.

– Здорово, что туалет построили, – сказала Катя, ежась от ветра, который за стенкой показывал всю свою злость. – Ночью-то еще разыграется.

– Да, точно, – пробормотала Женя. Она оглядывалась во мглу, ожидая и боясь увидеть то, что она даже не знала, как выглядит.

– Хорошо все-таки, что у нас шатер есть! – Катя совсем озябла от неподвижного сидения, и голос ее стал сдавленным.

– Верно, хорошо...

В спарке, как Женя и представляла, они с Катей прижа-

лись к противоположным бортам и замерли, ожидая вход Димыча. А он, пряча смущение за сопеньем и охами, принялся неловко всовывать тело в получившуюся щель.

– Да не натягивайте вы так, мне ж не забраться, – наконец, вымолвил он.

Девчонки пошевелились и подвинулись к центру ровно на сантиметр каждая. Никому не хотелось соприкоснуться с чуждой плотью, и Димыч их хорошо понимал.

– Бли-ин, – обреченно протянул он, и кое-как ввинтил себя в спарку. Но не прошло и нескольких секунд, как он ощутил предчувствие неземного блаженства. Тепло, которого он и не чаял получить, вдруг полилось к нему отовсюду, из каждого уголка, из каждой складочки. Источником тепла были два женских тела, пытавшиеся уползти от него как можно дальше. В душе у него мелькнула если не благодарность, то примирение с этими телами: ну надо же, оказывается, они могут согдятся на что-то путное... Не успев додумать эту мысль, он провалился в сон.

То ли стеснение от присутствия мужчины сковало её движения, способствуя успокоению, то ли она просто устала, и физически, и душевно – но вскоре после Димыча забылась и Женя. Краем сознания она еще улавливала приглушенные разговоры соседей, забиравшихся в свои спальни, и они вплетались в волшебную ткань ее сновидения. Ей снилось, что шатер их выглядит, как дорогой отель – точнее, это был очень странный отель, но во сне все казалось естественным.

Было много света, который непонятно, откуда шел. Сверху, с заостренного потолка свешивались красивые полупрозрачные драпировки, как в фильмах про восточные гаремы. Везде были подушки и даже большие диваны, каким-то образом помещавшиеся здесь; вместо черной закопченной печки был камин, в котором красиво пылали дрова. На диванах и подушках сидели и возлежали ее товарищи. Они были одеты и обуты в самое дорогое туристское снаряжение, которое она только могла себе представить. Точнее, она ничего не могла представить, но точно знала, что это и есть самое дорогое снаряжение. Рядом находились, почему-то совсем не занимая места и никому не мешая, различные атрибуты дорогих спортивных развлечений: горные лыжи, сноуборды и что-то еще, названия чему Женя не знала, и даже вида их не могла вообразить. Но опять-таки, она точно знала, что все это она видит. Ее товарищи пили вино из больших прозрачных бокалов и закусывали аппетитными желтыми кусочками, похожими на элитный французский сыр. Женя подумала, что ей тоже хочется попробовать этого сыра; но, стило ей протянуть руку, как она заметила, что среди присутствующих есть и незнакомые люди. Ей стало неловко, она убрала протянутую руку, а просьбу угостить спрятала обратно в горло. «Ну ничего, – подумала она, – главное, что здесь есть и мои знакомые, и мне нечего стесняться». Однако, начав разглядывать лица пирующих, она поняла, что незнакомцев здесь гораздо больше, чем знакомых, а потом – что знакомых нет и вовсе.

Тогда взгляд ее упал на языки пламени в камине. И тут она осознала, что это не камин, а тот самый костер, который был среди деревьев, а люди рядом с ним – это те самые тени, которые она видела прошлой ночью. И точно – они потемнели, черты лиц исчезли, и только оранжевые отблески освещали их. Женя похолодела от ужаса. Теперь она мечтала лишь о том, чтобы эти люди не заметили ее, лежащую в спарке. Ей казалось, что это возможно – ведь она лежит в углу, а темные люди заняты своей трапезой. Но в следующую минуту она поняла, что жестоко ошиблась. Она сама виновата, что выдала себя, потянувшись за сыром. Темные люди давно заметили ее, просто они не сразу отвлеклись, потому что им надо было выпить, поесть и поговорить. Но когда все было закончено, один из них встал и целенаправленно шагнул к ней. Остальные, не меняя поз, следили за его действиями. Незнакомец нагнулся и, не торопясь, протянул руку к жениному горлу. Женя хотела отползти или хотя бы вскрикнуть, но тело словно парализовало: она не могла пошевелиться, и голос застыл внутри. Темная рука еще не коснулась ее шеи, но Женя уже знала, что она холодна и остра, как нож. Единственное, что ее слушалось, были веки. Чтобы не видеть того, что сейчас произойдет, она зажмурилась и... открыла глаза.

– Ты чё стонешь? – спросил голос Кати.

Ее силуэт нависал над Женей, а пальцы впотьмах щупали ее шею. Женя дернулась, и край натянутого капрона надавил на горло. Она охнула, расправила спарку и выпуталась. Ох...

Так вот что эта была за бритва.

– Чего, сон плохой приснился? – зашептала Катя. – А я думала, это Димка лежит, а это ты...

Она принялась выискивать в складках спарки Димыча, чтобы разбудить его. Отряхнув сон, Женя вспомнила, что она от ночного дежурства освобождена. Но вместо того, чтобы снова спокойно заснуть, принялась выбирать.

– А ты-то куда?

– В туалет схожу.

Она дождалась, пока Димыч, моргая глазами спросонья, вполне осознает свою злую участь дежурного и вылезет из спарки. Ей нужна была охрана его души, не ведающей страха.

– Тебе куда надо? – заворчал он, видя ее нерешительность. – Ты или наружу идешь, или я дежурить сажусь.

Чурбак дежурного загораживал выход, и Димычу не хотелось, угнездившись, снова подниматься, чтобы выпустить Женю.

– Да, я иду, – вздохнула она и стала одеваться. – Слушай... а можно я вход открытым оставлю?

– Зачем? Холодно же будет.

Он непослушными пальцами одевал очки.

– Понимаешь... мне так спокойнее. Я боюсь... э-э... темноты. А когда вход открыт, то...

– То что? – Стекла очков недоуменно блеснули пламенем печки.

– Ну, я не так боюсь, потому что как бы быстро могу убежать в шатер... спастись...

Женя выговорила это с глупой усмешкой, надеясь разжалобить неколебимого печного стража. Но результат получился обратный: Димыч получил еще одно подтверждение тому, что ему не повезло с походной спутницей. Она была не только совершенно беспомощна, но и непроходимо глупа. О, боже...

– Так, Женечка. Хочешь выйти – выходи. Не хочешь – не выходи. Но, пожалуйста, не трать мое время. – В голосе его звякнули металлические нотки.

Женя, покорно опустив голову, полезла наружу. Следом за ней сомкнулся ворот входа. Послышался шорох: это Димыч заматывал его тесемкой. Пожалуй, последнее было излишним: затянутая кулиска хорошо держала тепло. Но Димыч взял воспитательный тон, и нужно было выдержать его до конца. У Жени похолодело внутри. Единственный путь к спасению был перерезан. Она с трудом сбросила с себя эту мысль, говоря себе: «Ну это, может, даже и лучше. Когда внутри шатра сидит такой уверенный в себе и страшный Димыч, то можно ли бояться того, что снаружи? Он одной своей уверенностью разгонит все *это*». Что такое *это*, она боялась даже помыслить. В первую минуту ей показалась, что ее окружает абсолютна тьма. Ночь достигла своего пика. Лишь на севере, и то если очень постараться, можно было разглядеть на фоне черного неба чуть более светлую грома-

ду перевального плато. Женя посмотрела в противоположную сторону и подождала. Через несколько секунд над невидимым внизу морем леса заголубела тоненькая полоска – то ли остатков заката, то ли начала восхода. Женя облегченно вздохнула: краски постепенно возвращались в мир, вытесняя ночные страхи. Она постояла еще немного, ожидая, когда глаза окончательно привыкнут. Из тьмы один за другим выступали очертания предметов – погасшее костровище, вкопанные вокруг шатра лыжи, укутанные снегом ели. Фонарь она не зажигала, и даже не вспоминала о нем. Как бы она ни боялась темноты, демаскировать себя перед неведомым было еще страшней. К тому же, резкий электрический свет сразу бы выключил фон, который она уже разглядела. Информированность в данном случае была важнее удобства.

Стараясь не удаляться от шатра больше, чем на два метра (она сама установила себе этот радиус, как безопасный), Женя обошла его и встала за снежной стенкой. Отсюда шатра не было видно, и в голову сразу запросились панические мысли: а что, если, когда она выйдет, шатра уже не будет? Или вдруг димычева сила, что разгоняет мрак, через стенку не работает? Женя изо всех сил старалась заслонить эти мысли действиями: поспешно устроилась в снегу, сняла штаны и присела, громко сопя и бормоча себе под нос. Это бормотание должно было убедить *нечто*, что она – совсем как Димыч, и ничего не боится. Она специально села лицом к перевалу: повернуться к опасности спиной было бы невыносимо.

Нет ничего страшнее неизвестности. Интуитивно она чувствовала, что таинственного врага верней всего было ждать оттуда, откуда пришла группа; словно бы ему для передвижения тоже требовалась лыжня. Наконец, дело было закончено. Теперь, когда оставалась последняя задача – снова обойти шатер и постучаться к суровому дежурному – ей немного полегчало. Уже гораздо спокойнее она вышла из-за стенки. Уфф, шатер был на месте. Все так же слабо просвечивало сквозь темную ткань розово-оранжевое пятнышко – печка, его горячее сердце. Значит, все хорошо. Женя занесла ногу для шага... и замерла. Глаза, прикованные к отсвету печки, с удивлением уловили похожее цветное пятнышко совсем с другой стороны – там, где вдоль склона росла березовая рощица. Стараясь не шевелиться и даже не дышать, Женя перевела фокус взгляда в ту сторону. Сначала она с облегчением подумала, что ей почудилось. Но, подвигав головой, она снова поймала крошечную оранжевую точку. Она мерцала, как звезда на небосклоне. Сомнений не было: то был огонь. «Костер? Снова?!» Женя оторопело обернулась назад, словно вопрошая перевал, почему он обманул ее – ведь она ждала беды оттуда – но тут же опомнилась и подобралась. Костер... Такой же, как вчера. В березняке. Ей надо. Немедленно бежать в шатер!! Не помня себя, Женя ринулась ко входу, натываясь по пути на веревки и лыжные палки. Появление костра было так неожиданно, что воля отказала ей.

– Дима, Димочка, открой скорей! – запищала она, еще не

добежав.

Ткань входа не пошевелилась. Изнутри не донеслось ни звука.

– Дима, ты слышишь?!

Женя вцепилась в узел, завязанный с внутренней стороны, и попыталась его разорвать, но тщетно. Тишина за ее спиной сгустилась, породив – так казалось ей – толпу незримых существ, что понеслись за ней в погоню со всего леса. Ими управлял костер – она точно это знала. Он засек ее, увидел своим оранжевым глазком, и теперь она поймана. Все, все, нет спасения! Бросив рвать узел, она упала на колени и принялась судорожно рыть снег под входом. О чудо – она быстро нащупала край ткани. Много ног, ходивших вечером туда-сюда, размесили снег, которым был прикопан борт шатра, и сейчас он доверчиво дался ей в руки, открывая возможность подкопаться под шатер снизу. Не осознавая, что делает, Женя быстро-быстро заработала руками и ногами и, извиваясь, как ящерица, ввернулась в подкоп. Сначала лицо ее облепил холодный снег, но она отчаянно рыла ладонями, и снег закончился. Открылось тепло и воздух для дыхания. Все – голова была в шатре. Она сделала еще одно усилие, подтянулась и, забыв о том, что ставит под угрозу устойчивость их хрупкого дома, влезла в шатер. За спиной треснула ткань: то ли край вырвался из подмерзшего снежного прикопа, то ли где-то разошелся шов. Но Жене было все равно. Нос ее уткнулся в грудь ботинок и бахил, сваленных у вхо-

да. Она сделала шаг на четвереньках, и наступила на что-то твердое и упругое; впереди раздался стон. Женя остановилась и поспешно убрала руки. Откуда-то из темноты поднялась фигура Димыча. Блеснули очки.

– Ты чё? – спросонья просипел он.

То, на что она наступила, были его ноги в шерстяных носках.

– Я... Я войти хотела... А вход был закрыт. Я стучалась, звала... Ты что, заснул? – спросила она, наконец сообразив, в чем дело.

– Блин, да... – Он растерянно потер глаза под очками. – Даже и не заметил, как. Думал, прилягу на спину на минутку, и вот на тебе... А ты чего, под низом пролезла?!

Женя кое-как уселась на свалку бахил, стараясь не задеть ни Димыча, ни печки.

– Вот хрен! Ты вход вырвала. Теперь там щель. Дубак будет. Надо закапывать теперь. – Димыч раздумывал, заставить ли закапывать вход Женьку, или стоит помочь ей – ведь виновником произошедшего отчасти был он, недопустимо уснувший на посту. Злость на Женьку мешалась со смущением. Может, ему следует извиниться? – Отодвинься-ка, я посмотрю, что там... Ох-ох-ох! Переползи сюда, я прикопаю. Да печку не свороти, бл...! – Подумав, он решил, что имеет право не извиняться, взяв закапывание на себя.

Но Женя почему-то не двигалась с места.

– Дима... Послушай меня.

– Чего еще?

– Дима, я там видела... костер.

– Какой еще костер?

– Чужой. Там, в березах, которые ниже по склону.

Димыч остановился на секунду, но сразу же продолжил закапывать щель, неловко перегибаясь через Женю.

– Ну и что? Мало ли, другая группа пришла и встала. Да ты уверена вообще, что точно видела?

Однако, судя по голосу, информация его заинтересовала.

– Дима, я уверена. – Женя прокашлялась. – А еще я уверена, что я этот костер еще вчера видела, на прошлой стоянке. Эта другая группа... в общем, она за нами уже два дня идет.

Здесь, в шатре, рядом с деловитым и хмурым Димычем, паника рассеялась. Она почему-то сразу поверила, что те, кто сидят сейчас около костра – она была уверена, что там кто-то есть – не осмелятся войти в их шатер. А значит, можно упокоиться и все обстоятельно рассказать. И она принялась рассказывать – с самого начала. Про второй костер, про чей-то смех в ночи, про исчезнувшие следы. Димыч молча слушал, продолжая закапывать. Сначала он возился с внутренней стороны, а потом, обувшись и накинув свою тонкую жилетку, вылез и утрамбовал снег снаружи. За все время он ни разу не прервал Женю, и даже ни разу не издал нетерпеливого вздоха, как делал обыкновенно.

– Вот так. И сейчас он снова там. Костер.

Димыч по ту сторону входа задумчиво засопел. Потоптался вокруг – должно быть, оглядывался.

– Ну, я ничего не вижу. Так где он был?

– Я тебе покажу.

Женя выбралась из шатра. Вокруг было по-прежнему темно, но в этой темноте уже что-то изменилось: голубоватая полоса на юге стала смелей и шире, а контуры предметов теперь показывали себя сразу, без долгого вглядывания. Ночь стала на четверть часа ближе к рассвету.

– Вот оттуда видно. Не зажигай, – остановила она руку Димыча, потянувшуюся было к налобному фонарю. – Идем.

Она пошла впереди. Димыч шагал по ее следам. Обойдя шатер, она встала у края снежной стенки – точно так, как четверть часа назад – и повернулась в сторону невидимого пока еще спуска, где рос березняк. Там лежала плотная тьма – ни единого пятнышка света. Женя было испугалась: неужели ей вправду привиделось? Но тогда и тот, вчерашний... И тут, словно спешна на помощь, посреди черноты слабо мигнул огонек. Он тут же скрылся – должно быть, между языком пламени и взглядом оказались заросли. Женя чуть-чуть подалась в сторону и снова его увидела.

– Вот! Вот он! Тут, смотри...

Она чуть не обрадовалась, что оказалась права и не опозорилась в очередной раз перед Димычем; но тут же вспомнила, что радоваться нечему. Димыч встал на ее место и закрутил шеей, пытаясь поймать глазом то, на что она указывала.

– О, вроде вижу... А сейчас нет. А, вот теперь точно есть. Ну да, кто-то там стоит.

Он говорил сухо и серьезно, как будто на месте Жени был мужчина. С женщинами он никогда так не говорил. Она вдруг испугалась, что сейчас он захочет пойти посмотреть поближе – нет-нет, пожалуйста, только не это, не ходи к ним! Однако Димыч отчего-то не выказывал такого желания: он переминался с ноги на ногу, наклоняясь то вправо, то влево, и пытался получше разглядеть огонек.

– Гм, да, странно. Как это они так незаметно подошли? И нас, выходит, не заметили...

– Дима, давай повыше поднимемся, а? Вот оттуда, где елки, будет лучше видно.

Левее лагеря плато плавно поднималось вверх, образуя пологий холмик. Там тоже стояли, отбившись от лесного стада, несколько закутанных в белое елочек. Но сейчас они были едва видны в предрассветной мгле.

– Ну, давай, – неожиданно согласился Димыч.

– Я первая пойду.

Димыч не возражал. Женя пошла вперед, слыша за спиной шаги и дыхание Димыча. Так было гораздо спокойнее. Вскоре из темноты выступил высокий конус, чуть наклоненный в сторону – то была одна из елок. Погружаясь в снег почти по бедра, Женя медленно обошла ее и встала так, чтобы снизу ее было не видно. Снизу сейчас наверняка не видно было ничего, даже этой елки, но она была уверена, что то, от

чего она прячется, обладает способностью видеть в темноте.

– Иди сюда. Вот тут становись, – прошептала она.

Только теперь Женя решилась взглянуть в сторону березовой рощи. И сразу отпрянула: костер отсюда был виден очень хорошо. Он горел посреди небольшой полянки – так можно было заключить, потому что в свете его пламени не попадалось контуров деревьев. Некоторое время оба молчали, глядя на сгусток оранжевого пламени, мерцающего в темноте. Женя ждала, что скажет Димыч; но он, видно, сам пока не находил определений для увиденного, и лишь осторожно переводил дыхание.

– Вчера ночью был такой же. За холмом, который – помнишь – над лагерем был, – сказала Женя, подвинувшись к его уху. – Я его близко видела, потому что сперва подумала, что это наш костер... Как ты думаешь, надо к нему подойти?

– Хм. Наверное.

Но по голосу товарища Женя поняла, что ему не хочется этого делать, и причина – вовсе не долгий путь по пояс в снегу.

– Может, завтра сходим, когда проснемся? – неуверенно предложил он.

– Завтра его уже не будет. Помнишь, я говорила, что...

Она осеклась и тронула Димыча за рукав, показав на лагерь. Там, где стоял шатер, вспыхнул еще один огонек. То был холодный глаз фонарика. Он повисел на месте, как бы раздумывая, что ему делать, а потом медленно поплыл в сто-

рону снежной стенки.

– Кто-то до ветру пошел, – шепотом сказал Димыч. Почему-то он тоже старался говорить как можно тише.

Фонарик остановился и пару минут постоял на одном месте.

– Интересно, он *его* заметит? ... Ой, смотри! Ты видел?!

Пока они наблюдали за фонариком, костер на мгновение исчез – словно что-то закрыло его. В следующую секунду он снова появился. Потом снова пропал и снова возник.

– Там люди! – произнесли оба почти одновременно, переглянувшись. Не сговариваясь, они подвинулись плотнее друг к другу.

– Смотри, – Димыч кивнул на фонарь. – Чего-то он встал. Не шевелится. Может, тоже заметил?

Голубая звездочка фонаря застыла на месте. Но вдруг она сдвинулась и поплыла вниз по склону. Направление движения обозначил отсвет на снегу, который двигался впереди фонаря. Вместе они образовывали линию, которая направлялась точно в сторону костра. Димыч и Женя наблюдали за ней, не дыша. Вот в круге света запутались первые тонкие веточки – невидимый ходок был уже у края рощицы. До костра оставалось совсем немного.

– Он идет туда! Это нельзя! Это опасно! – воскликнула Женя, схватив Димыча за плечо.

Разом сбросив оцепенение, Димыч сорвался с места и почти побежал вниз с холма. Женя бросилась за ним. По пути

ей пришло в голову, что если бы они сейчас крикнули вослед невидимому товарищу «стой!», то он наверняка услышал бы их, несмотря на ветер. Так почему же они не кричат, а бегут за ним? Да потому, что оба они – и она, и Димыч – боятся закричать. Потому что их услышат у костра, и тогда... Неизвестно, что случится тогда, но почему-то Димыч тоже не хочет это узнавать. Потому он так и спешит, стиснув зубы и утопая в снегу на каждом шаге: он надеется настигнуть ходок, не выдавая себя костру. Вот они спустились; впереди замаячила березовая роща. Должно быть, рассвет уже близко, раз она видна в темноте. Женя завертела головой, ища фонарь: он вдруг пропал. Хозяин его выключил? Или, может, луч скрылся за ствол дерева?

– Ты его видишь?

– Нет.

– А следы?

– Тоже не вижу. Наверно, он правее пошел.

Димыч резко повернул и размахисто поскакал наперерез предполагаемому пути владельца фонаря. Женя, проваливаясь, ковыляла следом. Она не спрашивала себя, почему Димычу проще искать следы товарища вместо него самого. Это было понятно и так: потому что этот человек ушел в рощу, а путь туда был заказан и ей, и Димычу. Рощу словно охраняла стена страха, преодолеть которую было не под силу никому. Они пробежали еще метров пятьдесят, и тут поняли, что ошиблись. Следов здесь быть не могло. Кратчайший путь,

соединявший лагерь и рощу, был много дальше. На фоне по-светлевшего склона появился силуэт шатра, и это помогло сориентироваться.

– Мы еще не дошли, – прошептал Димыч, запыхавшись. – Он во-он там прошел.

Они снова зашагали вперед, и вдруг оба замерли. В гуще берез, которая уже проступила на фоне снега, показался белый огонек. Проведя лучом по ветвям, он мигнул прямо в глаза Жене, на миг ослепив ее. Затем зашуршали ветки, закрипел снег. Димыч и Женя ждали, боясь пошевелиться. Вскоре среди ветвей показалась фигура с фонарем на лбу. Лица не было видно, но, судя по росту и фигуре, это был мужчина. Не доходя метров десяти, он остановился: луч фонаря уткнулся в неподвижного Димыча.

– Дим, ты, что ли? – послышался удивленный голос Данилы.

Он был таким будничным, этот голос, что напряжение, до этого владевшее Димычем, сразу улетучилось. Он обернулся к Жене, как бы говоря: «ну вот, а ты боялась». Данила отвел фонарь, чтобы не светить Димычу в лицо, и заметил Женю.

– И ты тут! А чё это вы тут оба делаете? – спросил он с игривой ноткой.

– Мы... – Димыч замялся. – Слушай, а куда ты там ходил? Данила непонимающе уставился на него, а потом расплылся в ухмылке.

– Ну догадайся, куда. – Похоже, выражение лица Димы-

ча не свидетельствовало о его догадливости. – Блин, ну куда люди обычно ходят среди ночи, когда просыпаются? Пописать, вот куда. А вы-то куда вдвоем намылились?

– Данил, а ты там костра не видел? – высунулась Женя из-за димычева плеча.

– Костра? Какого костра?

– Ну там, куда ты ходил... Там, в березах.

– Ты же вроде заметил его, когда у шатра стоял. Мы видели, – осторожно вставил Димыч.

– Откуда это вы видели? Вы чего, следили за мной, что ли? – Данила хихикнул, еще больше удивляясь.

– Так там не было костра?

– Да нет там никакого костра! У вас что, глюки у обоих начались?

– Ты извини, Данил, если что... Просто нам показалось, что в березах что-то мелькнуло, вроде огня, – принялась объяснять Женя.

– Мы наверх поднялись, чтобы лучше рассмотреть, и тут видим – ты выходишь, – подхватил Димыч.

Сейчас, в свете фонаря и перед недоуменным лицом Данилы, все случившееся стало казаться ему странной ошибкой.

– Ну, мы и пошли за тобой, чтобы сказать, чтобы ты к костру не ходил, потому что мало ли что... – Женя тоже чувствовала, что сейчас эти объяснения звучат нелепо. Но ведь еще несколько минут назад они оба, задыхаясь, бежали до-

гонять Данилу, потому что он шел туда, где они точно видели... они видели костер, около которого были *люди!*..

– Так, ребят. Я не знаю, чего вам тут привиделось, но я спать хочу. Можете идти, искать там свой костер, а я баиньки. – Даниле надоело удивляться странным вопросам Димыча и Женьки (тем более странным, что днем эти двое почти между собой не разговаривали, а тут нате – ходят ночью парочкой и разыскивают какой-то костер). Он решительно зашагал к лагерю.

Женя взглянула на Димыча. Вокруг посветлело настолько, что стали угадываться его глаза за очками. Он растерянно смотрел по сторонам.

– Ты... хочешь пойти туда, посмотреть?

Больше всего она боялась, что он скажет «да», и ей придется идти вместе с ним. Ведь одного его она *туда* не отпустит. Но в то же время ей нужно было, чтобы он поверил ей, а не Даниле. Ей, и еще себе самому! Ведь он тоже видел костер.

– Завтра, – буркнул Димыч и пошел вслед за Данилой. Женя облегченно поспешила следом.

Таинственные соседи

– Миски-на-базу! Миски-на... Блин!

Голос, который это произнес, для утреннего дежурного был непривычно тихим и усталым. Однако он пробил покровы сна, как нож пробивает туго натянутую ткань. «Этого не должно быть», отозвалось сознание Жени. Она мгновенно открыла глаза и села в спальнике.

– Димка, ты?

Утреннее солнце, просачиваясь сквозь красную ткань, наполняло шатер розово-оранжевым светом. Рядом с печкой, сгорбившись, в облаках пара сидел Димыч; он помешивал поварешкой в котле с кашей. Вокруг шевелились и по очереди поднимались товарищи.

– Так ведь это же я должна была... э-э... утром дежурить. Моя ж была очередь!

Женю, как ведром горячей воды, окатило волной стыда: а вдруг она не смогла проснуться, и Димыч вынужден был работать за нее? Боги, что же теперь он ей скажет... И вдруг она вспомнила все, что было ночью. И, посмотрев на Димыча, поняла: он ничего не скажет. Ни на кого не глядя, он сосредоточенно раскладывал кашу по мискам. Пароль «миски на базу» был ему нужен только для побудки. На самом деле он уже давно собрал всю посуду вокруг котла, и едокам оставалось лишь протянуть руку за своей порцией. Для Димыча

это была небывалая заботливость.

– А правда, Димон, вроде же Женька должна была? – поинтересовался Володя.

На самом деле ему было все равно, кто готовил еду: лишь бы приготовил.

– Вы чё, все-таки поменялись? – равнодушно осведомилась Яна.

– Вот это джентльменство! – проговорил с набитым ртом Генка, уставившись в тарелку. – Эх, за меня бы так подежурили.

– Проще самому сделать, чем кого-то будить. Да и не спалось что-то, – хрипло отозвался Димыч, не поднимая головы.

– Девчонки, вы чего это Димона плохо грели, а? – захихикал Володя. – В следующий раз не дадим вам такого гарного хлопца. Себе заберем!

– Вот уж не знаю. Грели мы его нормально. – Катя немного обиделась сомнению в своих согревающих способностях, хотя тоже была не прочь посмеяться.

– А может, слишком сильно грели? Может, он потому и сбежал? – Петя тоже решил попробовать себя в роли шалуна.

Женя вздрогнула. Ей пришло в голову, что шутку может поддержать и Данила, припомнив, что видел их с Димычем ночью. Но Данила ни словом, ни делом не показывал, что что-то помнит. Единственное, что его интересовало – побыстрее съесть свою порцию и попросить добавки. По взгляду Димыча, который он украдкой бросал на Данилу, Женя

догадалась, что он беспокоился о том же. Случайно встретившись глазами с Женей, он тут же отвернулся.

Завтрак кончился. Начались шуршащие, сопящие сборы. Все было, как обычно. Генка недовольно выдирает из-под соседей свой коврик. Яна, комично охая, балансирует на одной ноге, пытаясь натянуть капроновые штаны. Володя наставительно рассказывает Пете об опасности передвижения по ледопадам. Катя суетливо наклеивала пластырь на стертые пятки. И все-таки чего-то не хватало. Не сразу, но Женя поняла, чего именно: не хватало ворчания Димыча. Ни «кончай вошкотню!», ни «мы вообще сегодня куда-нибудь идем?», ни даже просто выразительных вздохов – ничего этого сегодня не было. Он молча сидел в углу и скручивал свой тощий спальник, служивший обитателям спарки дополнительным одеялом, а потом незаметно вынырнул из шатра, прихватив с собой грязный котел. Зато необычно разговорился Данила. Сидя на пенке и зашнуровывая ботинок, он обстоятельно рассуждал о преимуществах одной марки спортивного снаряжения с трудно запоминаемым названием перед другой (с еще менее запоминаемым названием). Остальные с интересом прислушивались, не переставая, впрочем, собираться.

– Мембрана у них слабо дышит. Деньги, в общем-то, за бренд берут...

– Ой, а никто моего носка не видал?

– Такой розовенький, в цветочек? Не, не видал.

– Не смешно! Ну ребят, правда... Кто носок заныкал?

– ...зато по части теплоизоляции им равных нет. Пуховку ихнюю я очень даже рекомендую...

– Доктор, а пластырь выдашь? У меня закончился.

– ...на минус двадцать вполне комфортно...

– Народ, хватит шебуршиться! Уже скоро восемь, а мы ни в одном глазу. Как хотите, а через полчаса шатер будем снимать.

Эти слова принадлежали не Димычу, как можно было ожидать, а Володе.

– Володь, ну будь человеком. Мы еще гигиенические процедуры не закончили.

– Блин, девчо-онки! А раньше было никак?

Женя поскорее оделась и выбралась наружу. После запаха пота, дыма и сажи, которым был наполнен шатер, грудь жадно набрала свежего воздуха. Градусник показывал небольшой морозец, но на солнце было почти тепло. Женя намеревалась помочь Димычу с мытьем котла, чтобы хоть как-то искупить пропуск дежурства. Но поняла, что опоздала: кряхтя, он уже запикивал оба котла в закопченный чехол.

– Дим, ты что... уже вымыл? А я вот хотела... помочь.

– Времени нет, чтоб ждать, – пробурчал Димыч. Но тут же, вспомнив что-то, виновато взглянул сквозь очки. – Пойдем. – Он завязал чехол, положил его на снег и выпрямился.

– Пойдем... *туда?* – тихо спросила Женя, придвинувшись к нему.

– Да. Надо убедиться, что... Что ничего не было. – Он сказал это резко, будто спорил сам с собой. – Одевай лыжи, быстрее добежим.

Володя, который тоже вылез из шатра, уже отвязывал оттяжки. Часть крыши, потеряв натяжение, беспомощно обвисла внутрь. Послышались шуточные оханья.

– Пожалей, начальник, мы еще не оделись!

– Ой, а можно я прямо в шатре поеду?

– Тэк-с, я предупреждал! До выхода – полчаса. И никого ждать не будем... Димон, а ты это надолго собрался? – спросил Володя, заметив, что Димыч одевает лыжи.

– Пять минут туда-сюда. А то, извини, не вытерплю. – Димыч старательно изобразил подобие улыбки.

– Ну давай, быстрее только.

Женю, тоже одевавшую рядом лыжи, руководитель даже не заметил: ее участие в сборах было делом второстепенным. К тому же, за вчерашний день девчонки уже раз пять поклялись, что больше опаздывать не будут. Он лишь слегка удивился, увидев, как Димыч и Женя убегают вниз по склону вдвоем – вроде бы, до ветру обычно в таком составе не ходят – но тут же забыл об этом. У Пети не получалось собрать печку, и надо было помочь.

На лыжах они быстро доскользили до края роши. Димыч старался идти строго параллельно цепочке ночных следов, словно криминалист, не желающий испортить улики.

– Так. Вот наши следы. А здесь мы с ним встретились.

Рядом с четкими следами Данилы виднелась смазанное скопление ямок, оставленных Димычем и Женей; даже отпечатки их ног казались неуверенными. Димыч прошел еще немного, и показалась новая линия следов. Ага, так вот где Данила заходил в березняк! Димыч, нагнувшись, как собака, двинулся вглубь рощи. Здесь шаги Данилы стали короче: то ли ему неудобно было петлять между деревцами, то ли он начал сомневаться, стоит ли идти дальше. Как показалось Жене, он пару раз искусственно удлинил себе путь, обходя соседние березки, хотя можно было пройти напрямик. Но дальше следы вели себя еще более странно: сначала они плавно повернули влево, прошли немного, потом свернули вправо, потом снова влево и снова вправо, потом пошли назад, заложили петлю, пересекли свою же линию и – вышли на обратную дорогу.

– Что за хрень? Зачем он следы путает? – бормотал Димыч.

Пока они шли, Женя трепетала, ожидая, что сейчас увидит ту же картину, что и вчера – следы, оборвавшиеся в никуда. Но оказалось, что Данила, попетляв, просто вернулся назад. Понять, где он достиг костра – если вообще достиг – было невозможно.

– Все понятно. Он искал его. Но не нашел. Потому что ему все это так же привиделось, как и нам! – сердито сказал Димыч, встретив вопросительный взгляд Жени.

– Но как... Мы же с тобой вдвоем его видели.

– Да не знаю я, как! Может, тут какое-то атмосферное явление есть специальное – костры видятся. Да и наплевать, в общем-то. Знаешь, я так думаю, – он обернулся, – какое мне дело до этой хрени, если она никак не влияет на мою жизнь? Какие-то там костры в ночи, блуждающие огни – да пусть они себе тут блуждают, сколько хотят. Они мне мешают? Нет. Ну и я им не мешаю. Все, хватит. Идем в лагерь, и забыли об этом навсегда.

Он решительно повернул назад. Женя семенила у самых его лыж, чтобы лучше слышать. Кажется, он говорил больше себе, чем ей.

– Ты извини, но тут только один момент... Может, мелочь, но ты заметил – нигде не видно, чтобы он нужду справлял. А ведь он сказал, что ходил пописать.

Они уже выбрались из берез, и Женя бежала рядом, стараясь не отстать.

– Ну и что?

– Да то, что он *его* точно видел. Костер. И ходил искать.

Димыч угрюмо молчал.

– А значит, нас уже трое – тех, кто его видел. Не считая четвертого, кто ходил к костру прошлой ночью. Чьи следы видела я. Хотя это может быть и не четвертый, а тот же Данила... Неважно. Понимаешь, минимум трое!

Они почти дошли до лагеря. Точнее, лагеря уже не было, а было хаотическое скопление вещей и людей, которые пытались систематизировать вещи в своих рюкзаках. То, что все-

гда бывает по утрам на стоянках. Димычу пришлось остановиться и понизить голос, чтобы его не услышали.

– Я же сказал – пусть хоть трое, хоть пятеро. Пусть хоть все его увидят. Этот глюк ничего в нашей жизни не меняет...

Чувствовалось, что он не совсем уверен в своих словах, и Женя решила поспорить.

– А почему он тогда не признался нам, что видел? Чего тут стесняться?

– Потому что это – умножение сущности без надобности. И говорить об этом нечего. Он это понял. Все, закрыли тему.

Не желая больше слушать, он пошел паковать шатер.

Дневной переход как никогда способствовал затиранию ночных впечатлений. Ледопад оказался почти настоящим, как на фотографиях из серьезных альпинистских книжек, разве что не отвесным, а пологим. Но все равно, как объявил Володя – опасным. Димыч и Генка задействовали взятые на всякий случай ледобуры – прежде они казались напрасным утяжелением рюкзаков. Получилось три «станции» – верхняя и две промежуточных, устроенных на каменистых островках посреди ледяных волн замерзшей реки. Группа проходила их медленно: особенного опыта ни у кого не было. «Кто же на подвиги рассчитывал!» – облизывался Володя, довольный тем, что подвиг все-таки случился. Но в группе далеко не все были с ним согласны. Девчонки, закутанные в пуховки и обутые в «кошки», сидели, нахохлившись, и ждали пристегивания к веревке. Они нестерпимо мерзли.

– Самое противное в этих так называемых технических этапах – то, что пока дождешься своей очереди, вконец околеешь, – ворчала Катя, бледная от холода.

– По мне, так можно было спокойно и п-по краю обойти, без всех этих п-прибамбасов. – Яна так продрогла, что начала заикаться. – Так нет же, им п-поразвлечься хочется. Спортсмены, блин. Давно бы вниз сп-пустились...

Женя сомневалась, что здесь можно было обойти без веревок: скальные берега реки выглядели еще опасней, чем лед. Но она радовалась, что так или иначе – холодом ли, страхом или усталостью – заслоняется то, что было ночью. Может, *оно* так и совсем уйдет? Может, этот ледопад – преграда, которую *это* преодолеть не сможет? А если Димыч прав, и не нужно обращать внимание на необъяснимые явления, если они ни на что не влияют? «Не умножать сущности без надобности», повторяла она про себя, стуча зубами.

Димычу, похоже, это удавалось: он полностью отдался спортивному азарту. Он замерз, но продолжал непослушными руками перещелкивать карабины и навязывать узлы. На его тонких посиневших губах играла улыбка; то и дело слышался его скрипучий голос, бодро отдававший команды. Даже Генке и Даниле не хватило энтузиазма до конца: на середине спуска они умолкли и помрачнели. Генка растирал онемевшие пальцы, представляя, как они будут выглядеть завтра. Данила ругался, обнаружив, что карабином зажало и порвало его дорогую пуховку.

– Хе-хе, а что вы думали, на курорт попали? – кричал снизу Володя, уверенный, что тем самым повышает боевой дух коллектива. – Все, халява закончилась. Привыкайте!

– Заткнулся бы ты, – прошептала Яна. Она нетерпеливо ждала, пока парни на промежуточной станции освободят веревку. Но там случилась какая-то заминка, доносились обрывки раздраженных фраз, и конца-края этому не было.

Наконец, они спустились. Снова началась тропежка. На сей раз ноги с радостью приветствовали ее: представилась возможность согреться. Но они не успели оттаять: пришла новая напасть – метель. Туча надвинулась на хребет, когда группа еще сидела наверху, но то были лишь первые снежинки. Река, которая начиналась ледопадом, внизу поворачивала и встречалась с ветровым потоком из долины. Участь тропильщиков усложнилась. Нужно было не только взбуривать лыжами плотный снег, но и подставлять лицо режущему морозному ветру. Группа кое-как на ходу замотала лица шарфами, но это помогало слабо. Каждый уныло гадал, будет ли у него обморожение лба и щек, а если будет, то насколько глубокое. Ветер свистел в ушах и громко трепал края капюшонов. Самые злые порывы покушались сбить с ног, и путники брели, скрючившись под рюкзаками, как грузчики в порту, и пытались спрятаться от ветра за спиной впереди идущего. Володя больше не смеялся, Данила и Генка огрызались. Все понимали, что спасти их сейчас может лишь движение (только не останавливаться, только не останавливать-

ся! – стучало в голове каждого). Тропильщики сменялись, едва отсчитав в уме нужное количество шагов. Руководителю не нужно было кричать «смена». Тем более, что против ветра его бы все равно не услышали. Каждую свободную секунду, когда не требовались руки, чтобы упираться палками, Женя тратила на растирание лица. Она уже знала, что щеки замерзли, что назавтра появятся волдыри, а через неделю – запекшаяся бурая корочка, которая еще через неделю будет отскабливаться ногтями, обнажая новую кожу – тонкую и розовую. Женя знала, что это не очень хорошо с точки зрения здоровья и красоты, а самое главное – место, где сошла кожа, всегда будет отмораживаться первым, даже при слабом минусе – но сейчас она даже не успевала расстроиться. Все имевшиеся силы употреблялись на то, чтобы идти, а еще на то, чтобы растирать. «Только бы подольше не тропить», думала она, когда удавалось подумать. Встать лицом к лицу с ледяным ветром означало потерять не только кожу лица, но и пальцы рук. Пока что, прячась за чьим-то огромным рюкзаком (это был Данила, но она забыла, как его зовут), Женя иногда ухитрялась собрать их в кулак и погреть. Когда подойдет очередь тропить, такой возможности не будет. Каким-то загадочным образом ветер пробирался к плотно закутанным ушам, пытаясь и их заморозить. Он ревел, выл, сотрясал горы; он высыпал навстречу весь запас снега, собранный за зиму. Казалось, его целью было во что бы то ни стало задержать путников, превратив в сугробы, подобно

елочкам на перевале. В какой-то момент душа Жени устала сопротивляться и решилась на бегство. «Я ненадолго, мне только погреться», сказала себе она, и тут же глаза сами собой закрылись. Она унеслась туда, где было тепло. В голубом небе там сияло солнце, а у ног расстилалась лужайка с изумрудной травой и пестрыми цветами. Горы там тоже были, но они деликатно стояли на заднем плане. Их задачей было украшать, а не замораживать и убивать. Они были друзьями туристов, а не врагами, потому что это был Кавказ, волшебный и никогда не виденный! Снова журчал прозрачный ручей, и снова по тропинке шли ее друзья – парни и девушки, веселые, красивые, добрые. Тот, что с черными кудрями, постоянно оглядывался на Женю и ласково улыбался. Она знала, что эта тропинка – только начало, что она ведет в страну счастья, что скрыта среди лужаек и гор. И там, в это стране...

– Эй, ты чего?

Удар лыжной палкой по плечу вывел из оцепенения. Снова был снег, снег, снег, бесконечный снег, и злобный ветер, пробирающий до самого сердца. Женя стояла, чуть наклонясь, и упиралась в него лбом, чтобы хоть как-то держаться на ногах. Впереди никого не было.

– Чего стоишь? Шагай давай! – послышался сдавленный крик откуда-то издалека.

Она поняла, что кричали у нее за спиной, и кричал Димыч. Ветер сразу уносил его слова прочь. Ах, вот в чем дело – ей же надо тропить. Ее очередь... Женя попыталась сде-

лать шаг, протолкнув лыжу в снежную массу, но не смогла. Она только затряслась всем телом, и еще сильнее согнулась, как будто униженно кланялась перед ветром.

– Бли-ин, – проскрипел Димыч. Он понял, что звено выбито из цепочки. Что именно стряслось с Женей, выяснить было некогда. Главное, чтобы группа не останавливалась. – Так, вали отсюда... Пропусти меня... А сама в конце встань. – Жмурясь от метели, которая пробивалась к глазам, несмотря на очки, Димыч стал обходить Женю. При этом он задел ее рюкзаком, и она чуть не упала. Он выругался, но помог ей устоять на ногах. Встав спиной к ветру, он смотрел, как она беспомощно топчется, пытаясь выйти из колонны, и вдруг скомандовал: – Отставить! Пойдешь за мной.

– А то еще упадешь назад, не дай бог, – сказал он себе под нос.

Группа снова потянулась вперед, словно гусеница, которая то сжималась, то растягивалась. Женя была занята только тем, чтобы не упасть. Мысленно держась за задники лыж Димыча, она повторяла его шаги: он двигал правой – и она правой, он подтаскивал левую – и она, тяжело дыша, спешила сделать то же. Больше она не думала ни о чем – ни о вчерашней ночи, ни о костре, ни о Даниле. Сознание обратилось в чистое белое плато, по которому, шурша, неслась поземка.

Когда на спуске появились первые деревья, ветер немного стих. Давно пора было устраивать перекус, но Володя, ввиду экстремальных условий, решил заменить его глотком чая на

ногах и горстью орешков по карманам.

– Ну как, все живы? – попытался спросить он как можно веселее.

Никто не ответил. Каждый был занят спасением своей замороженной кожи и голодного желудка. Лишь через час, когда густой еловый бор надежно скрыл группу от метели, человеческое стало подниматься над животными инстинктами. Начались разговоры и даже смешки. Обсуждали, кто и что сегодня отморозил. В основном, конечно, это были шуточные преувеличения, но Яна-доктор, поглядывая на опухшие лица туристов, предполагала, что сегодня вечером заживляющая мазь будет пользоваться особым спросом. Что до Жени, то она пришла в себя сразу, как только широкий димычев рюкзак спрятал ее от ревушей стихии. Опустив голову от ветра и стыда, она размышляла о том, как, должно быть, пала сегодня в глазах товарищей из-за этого ужасного приступа слабости, и какой приговор ждет ее от Димыча и руководителя. Но ничего такого ей не пришлось услышать. Димыч то ли забыл, то умышленно не стал никому говорить, а остальные и не заметили. На самом деле он помнил об этом ровно столько, сколько было нужно. Поняв, что Женя плоха, он протропил в три раза больше обычного, боясь оставлять ее один на один с ветром. Лишь когда вошли в лес, он отступил в сторону и навалился на палки, отдыхая. Женя сразу рванула вперед – она надеялась реабилитироваться. Но не тут-то было: непослушные ноги еле ползли. «Смена!», – крикнул

Володя, почувствовав, что колонна притормаживает. Женя пристыжено отпрыгнула, и на целину вышла Катя. Гусеница снова поползла.

– Пусть мужики пока тропят! Чёт наши дамы скисли, – добавил Володя, проходя мимо Жени.

Тем самым ее вина была размазана среди всех участниц женского пола, и она немного успокоилась.

Теперь группа отставала от графика почти на целый дневной переход. Володя, который утром бесился при одной мысли об этом, теперь, похоже, смирился. Шагая позади Пети, он размышлял вслух о том, как бы им поменять маршрут так, чтобы сохранить при этом максимум технических препятствий (перевалов и вершин, указанных в маршрутной книжке) и все-таки уложиться в заявленную третью категорию сложности.

– Обидно ведь – второй год уже «тройка» срывается. А главное – из-за фигни какой-то! – говорил он, но уже без досады в голосе.

– Так может, мы на Казакевича не пойдем? Пойдем вверх по Белой, перевалим Обманный. А там, если все хорошо, то у нас целый день будет в запасе, и можно сходить на Южно-Каменистый. В сумме то на то и выйдет. – Петя услужливо повторял план, который только что услышал от руководителя.

– Можно попробовать, конечно, – задумчиво отвечал Володя, как будто не сам это придумал. – Южно-Каменистый

нам вполне вместо Казакевича зачтут... – Чтобы избавиться от сомнений, ему нужно было услышать подтверждение своей идеи от других, и Петя это хорошо знал.

К вечеру природа успокоилась. Небо расчистилось, на его голубовато-золотистом фоне заблестели первые звезды. Лыжники благодарили судьбу за то, что им больше не холодно и не страшно, а скоро, когда будет шатер, станет еще и тепло. Это отразилось и на отношениях в группе: даже самые суровые души стали мягче. Лесорубы предупредительно выбрали сушину подальше от лагеря, хотя можно было взять и ближе. Шатровой команде не пришлось пугливо оглядываться, ожидая, когда качнется и полетит вниз поваленное дерево. Да если бы и пришлось, девушки не стали бы обижаться. То, что этот чудовищный день наконец-то закончился, уже было счастьем. Они перешучивались, напевали, и работа шла быстрее, чем всегда. Стоило им разложить на снегу шатер, придумывая, как его лучше развернуть – входом к костру или чуть левее – как появился Димыч с длинной палкой-фикусом наперевес.

– Ловите. – Размахнувшись, он метнул ее низом так, что она аккуратно подъехала к краю шатра. – Сухая, как просили.

«Про-си-ли?» – не поверила своим ушам Женя – «Ничего себе!» Действительно, в первый вечер похода она робко попросила, что, мол, нельзя ли срубить для центрального кола сухую, а не живую сосенку. Нехорошо, мол, что мы ради

каждой ночевки губим деревце. Но Димыч тогда лишь презрительно усмехнулся, лаконично отрезав «нельзя», а Володя объяснил, что сухой кол плохо держит свод шатра. И вообще, девчо-онки, вам тут эту дурь экологическую надо забыть, добавил он. Тут вам серьезный поход! ...И кто бы мог подумать, что Димыч это запомнит?

Хотя костер получился жаркий – дров было полно, и отменно сухих – ужинать снова решили в шатре. Руководитель не возражал. После дневных трудов все чувствовали себя вправе получить дополнительную толику комфорта. Когда Данила разлил по мужским кружкам вторую порцию вечерних двадцати грамм (негласное удвоение дозы тоже шло как награда за страдания), Володя потянулся за гитарой. Девушки радостно захлопали в ладоши, мужчины одобрительно закивали – наступала кульминация блаженства. Слушая пение руководителя в этот вечер, Женя подумала, что у него прекрасный голос, и странно, что она раньше этого не замечала. «Нам сто разлук на долгий срок, следы скитаний на лице, и ждут с тобой нас сто дорог, и сто свиданий в их конце», – выводил певец, и она была счастлива, что он вспомнил именно эту дивную песню, и что все они сидят сейчас в натопленном шатре, и никуда больше не нужно идти, и как же она их всех любит! Когда повторялся рефрен «ты песню унесла мою, ее ты носишь в рюкзаке, а хочешь – новую спою, пушу ее вниз по реке», Женя размякала и представляла, что их поет кто-то другой и не здесь, и поет специально для нее.

Конечно же, это был тот самый чернокудрый красавец, что всегда улыбался ей в ее кавказских мечтах. Старая песня словно открывала невидимые шлюзы, сквозь которые в мир проливалось волшебство. И сразу все становилось возможным, даже любовь самого лучшего на свете принца-туриста к самой что ни на есть обыкновенной Жене. Как жаль, что чудо заканчивалось вместе с песней.

Когда отзвучал последний аккорд, девушки снова зааплодировали, и даже Данила похлопал ладонью об колено.

– Прикольно. А кто автор? – спросил Петя. По юности лет он слышал ее впервые.

– Арик Крупп, – отозвался Володя, наслаждаясь успехом. Делая вид, что ему нет дела до восхищенной публики, он принялся подтягивать струны.

– Ничего себе имя!

– Арик – Арон. Еврей. Известный бард довольно-таки. Кстати, он ведь погиб в походе. В лавине. Еще в семьдесят первом году, прикиньте!

Слушатели уважительно примолкли.

– Причем не один погиб, а их девять было. Восточный Саян, – уточнил Генка.

– Ну надо же. Так давно! А песни его еще поют, – сказала Катя, помолчав.

– Вот это и самое интересное, что давно. Как подумаешь, сколько всего за эти десятилетия случилось, а он об этом так ничего и не узнал. Остался в своем семьдесят первом. И все

равно – близок к нам. Как живой.

– А по-моему, это самый лучший вариант – вот так помереть, – вдруг заявил Петя. – В горах, в лавине. Это ж почти, как на войне.

– Угу. Никогда уже не состаришься, не завязнешь в рутине. Все тебя будут помнить молодым, красивым, талантливым.

Женя подумала, как это прекрасно – погибнуть в лавине в семьдесят первом году... Но только, конечно, чтобы ты при этом каким-то образом продолжал существовать, дабы осознать, как это прекрасно.

– Да, а вот мы все живем. И чего, спрашивается? – вздохнул Володя.

Тема смерти вкупе с двойной порцией спиртного навеяла на него романтическую тоску.

– Ну как чего? – возразил Данила. – Много чего такого, ради чего жить нужно. Не одни только горы да походы на земле есть.

– Вот уж не знаю... По мне, так все остальное – это хрень одна.

Данила хотел ответить, но Генка перебил его.

– По-моему, мы уже об этом как-то говорили. Это дело вкуса.

– А по-моему, тут все просто! – Данила упорно желал высказаться. – Если у человека вся жизнь – только походы, и ничего другого нет, то это говорит о том, что он, ну... не

очень, что ли, преуспевает в других сферах. Вот и убегает от жизни в туризм. Потому что, как не крути, здесь проще. Сражаешься только со стихией. А там, в миру, так сказать, приходится иметь дело с людьми. Что гораздо сложнее... Володь, ты это на себя не принимай, я ведь вообще, – оговорился он, заметив, что руководитель нахмурился.

– Ну что ж. Может, я и не очень преуспеваю, как вы, молодые, да только я и не понимаю, что это значит – пре-ус-пе-вать, – пошел в атаку Володя. – Если это значит целыми днями в офисе торчать, чтобы побольше денег заработать, то я точно не пре-ус-пе-ва-ю-щий. И очень этому рад!

– Володь, ну ты преувеличиваешь свою дряхлость, – поспешил Генка сгладить неловкость. – Тебе лет-то сколько? Тридцать три? Ну, ты еще успеешь десять раз разочароваться в туризме, вернуться на гражданку, потом опять в туризм, потом снова в офис, и так далее.

– В особенности – на гражданку! – хихикнул Петя, усмотревший во фразе двусмысленность.

– Вот уж это вряд ли. – Если бы Володя был искушен в философских диспутах, то наверняка зарядил бы длинную премудрость про смысл жизни и его отсутствие в городе; но, так как он не был искушен, то, буркнув себе под нос, принялся снова перебирать струны.

В течение всего разговора Женя неотрывно следила за Данилой. Ей показалось, или он действительно изменился со вчерашнего дня? Как раз после ночи, когда он... когда

его... Словом, после того, что было. То ли он говорил больше обычного, то ли говорил не то, что обычно – но однозначно, с ним что-то произошло. Она пристально всматривалась в ребят, пытаясь определить, заметили ли они перемену. Но никто, похоже, не обращал внимания. «А может, это мне чудится, и ничего такого нет? Прежде ведь я вообще его не слушала. Он мною не интересовался, а я – им. Может, на самом деле он всегда был таким? И потом... ведь если он изменился после *того самого*, то он должен быть не один такой. Те следы в первое утро... Тогда к костру ходил кто-то еще. И этот кто-то сейчас тоже среди нас. Кто же это?» Женя задумалась, кто из команды, помимо Данилы, стал вести себя по-другому. Но на ум ничего не приходило. Все было, как всегда.

– Знаете, а я бы хотела умереть в горах, – неожиданно сказала Яна. – Нет, не сейчас, конечно, – хмыкнула она, встретив удивленные взгляды. – Потом. Ну, когда время придет.

– Это когда потом? В восемьдесят лет?

– Может быть. Когда все надоест. Я всегда про себя думала, с самого детства: не хочу умирать в своей постели. Или на больничной койке – того хуже. Лекарства, медсестры. А ты старая и никому не нужна. – Яна потупила глаза, опасаясь, что из ее юных уст эти слова могут показаться фальшивыми.

– Угу, погано, – понимающе вздохнула Катя.

– Вот потому я и хочу, когда время придет, умереть... ну хоть где-нибудь здесь.

– В восемьдесят лет пойти в поход, и чтоб лавиной засыпало? – захохотал Данила.

– Боюсь, в этом возрасте ты уже никуда не дойдешь, – заявил Генка. – Красивую смерть надо организовывать пораньше.

– Блин, народ! Ну чё вы все о смерти да о смерти? Других тем, что ли, нет? – проскрипел Димыч из своего угла.

Он только что закончил зашивать носок, а теперь принялся за починку ножен. В течение всей беседы он не поднимал головы, не желая встречаться глазами с Женей. Но сейчас, все-таки поймав его взгляд, она убедилась, что они думали об одном и том же. Он тоже заметил про Данилу!

– Точно. Давай спой что-нить жизнеутверждающее! – подхватил Данила.

Володя задумчиво взял несколько аккордов, вспоминая, что он еще не пел. Наконец, лицо его приняло поэтическое выражение, глаза затуманились – он выбрал песню. «Я сердце оставил в Фанских горах, теперь бессердечный хожу по равнинам», проникновенно начал он. Эта песня тоже трогала нежные струны души, но была более мужской, чем предыдущая. В ней вообще не было женщины, даже в качестве воспоминания. Герой томился исключительно благородной любовью к горам, и заканчивалось все хорошо: предполагалось, что он обязательно туда вернется. Но Женя не вслушивалась в продолжение – в голове застряла только первая фраза. Она казалась ей подтверждением всех мыслей и страхов послед-

них дней. Правда, сейчас она готова была видеть это подтверждение во всем.

– Вот это уже лучше! – одобрительно усмехнулся Данила, когда Володя закончил. – Сердце ведь оставил, а не жизнь, не тело. А потом за этим сердцем вернется, когда надо будет.

– А вдруг не вернется? Или вернется, но не найдет? Что с ним тогда будет? – неожиданно для себя самой спросила Женя.

– Это ты у Визбора спроси, – улыбнулся Володя. Хорошая походная песня вернула ему бодрое расположение духа. Последнюю строфу он пропел чуть ли не маршем. – Эй, там чай в котле остался? Плесните-ка мне. Горло пересохло. – Он протянул кружку Пете, который сидел ближе всех к котлу.

Вспомнив про остывший чай, другие тоже потянулись за кружками. Котел быстро опорожнили, а заодно поделили оставшиеся печенья и сахар. Едоки устроились поудобнее. Снова задвигались челюсти, зачмокали губы. Под натиском физического удовольствия лирическая грусть сразу отступила. Один Данила пожелал вновь вспомнить о ней – и то с целью пошутить.

– Нет, ты как хочешь, а я против, чтобы в горах умирать. – Он весело взглянул на Яну, попивая чай.

– Почему?

– Да ты сама посуди: если, к примеру, моего тела не найдут, я же буду тут вечно бродить призраком. Народ по ночам пугать, хе-хе!

Он обвел всех глазами, приглашая посмеяться. Женя вздрогнула и чуть не выронила кружку. Она жалобно посмотрела в димычев угол, ища помощи. Оттуда ей в ответ молча блеснули очки.

– А если и найдут, все равно будешь бродить! – с удовольствием подхватил Петя. – Вот, говорят, те, что на перевале Дятлова погибли – так их якобы потом видели несколько раз. И на самом перевале, и по окрестностям.

– Как видели?!

– Ну так – типа идет какая-то группа вдалеке по хребту. Ты кричишь – не отзываются. Бежишь туда, прибежал – а уж нет никого. Даже лыжни нет. Вот так. Мираж!

Женя вновь с мольбой взглянула на Димыча. Но не увидела даже блеска стекол: их хозяин склонился над своими коленями, делая вид, что рукодельничает.

– Особенно, говорят, на закате дня часто появлялись.

– Ого, прям летучие голландцы! – заржал Данила.

У Жени тоскливо засосало под ложечкой. Наверное, следовало подождать, пока тема сама собой иссякнет, но вдруг у нее само собой вырвалось:

– А костер?

В углу сверкнули стекла: Димыч резко вскинул голову.

– Что костер? – Петя посмотрел в недоумении.

– Ну, бывает такое, чтобы видели костер? Ну, как мираж? – Женя заторопилась. – В смысле, чтобы эти призраки у костра сидели? Такое кто-то видел?

Петя не сразу сообразил, что она имеет в виду, и медлил с ответом. А Женя тем временем поочередно впивалась взглядом в каждое лицо. Данила... Генка... Володя... Как они отреагируют? Что сверкнет в их глазах? Но лица ничего не выражали, кроме вопроса: а причем тут, собственно, костер? Невероятно. Не может же быть, чтобы они оба – Данила и тот, другой, кто ходил к костру в первую ночь – так старательно прикидывались. Значит, правда: они ничего не видели... Женя взглянула на Димыча. Он недовольно покривился: мол, какого черта ты об этом?

– У костра?... Э-э... Чёт не припоминаю, чтоб такое где-то видели. Разве что в кино... – Петя не успел заранее придумать легенду про призрачный костер, и сейчас об этом жалел. Вышло бы прикольно! – Теоретически, наверное, возможно...

– Петь! А бывает такое, чтобы их в совсем другом месте видели? – подала голос Катя. – Ну вот дятловцы, они ведь где погибли?

– На Северном Урале, вроде...

– Вот. А можно так, чтобы погибли они в одних горах, а их призраков видели в других? Короче, можем ли мы тут встретить дятловцев, или кого-то в этом роде?

Все с любопытством посмотрели на Петю. Увы, он плохо разбирался в эзотерических технологиях, а наскоро выдумать ничего не смог.

– Э-гм... Ну, а почему бы и нет? Горы, они ведь везде го-

ры... Это, знаете, такой особый мир. Может, они и общаются между собой... в смысле, для призраков. Действительно – умерли в одном месте, а показываются в другом!

Публика рассмеялась. Мистическое настроение улетучилось.

– Петюнь, твоя грубая механизация обесценивает романтическую компоненту, – с улыбкой изрек Генка, нехотя отрываясь от книги. – Я еще понимаю – типа там горы не хотят отпускать лучших из людей, забирают их к себе, и прочее бла-бла. Здесь присутствует некая уважительная тайна. Но если – по твоей теории – горы суть часть бездушной системы, опутывающей планету, как грибница... или хуже того, как интернет... и они могут выбрасывать призраков в произвольной локации, то... ты уж извини, но это не к черту не годится. Даже с литературной точки зрения...

Петя растерянно заморгал глазами, пытаясь уследить за генкиной мыслью.

– ...Словом, чтобы вся эта идея о похищенных душах сохраняла величие, горы не должны ими делиться. Забрали – так забрали. Погибли в Фанах – значит, остались твои призраки навсегда в Фанах. Я вечно остался в Фанских горах, – продекламировал он на мотив песни. – В Хибинах лавиной завалило – значит, являться народу на закате дня буду только в Хибинах. А иначе это получается кроссовер. То есть – пошлятина...

Внезапно резкий порыв ветра прервал его речь. Он воз-

ник среди тишины, взвыл, яростно захлопал стенками шатра и качнул фикус. Все замерли в изумлении. Никто не успел сообразить, что случилось и что надо делать, как новый порыв, гораздо сильнее первого, ударил по крыше, и словно невидимой подсечкой выбил кол из его гнезда. Все завопили и повскакали с мест. Сразу несколько рук ухватились за кол, пытаясь вернуть его в вертикальное положение. Женя, вместо того, чтобы помогать, сжалась в комочек и отпрянула, боясь быть растоптанной. Среди мельтешения тел колыхались полотнища ткани: потеряв натяжение, крыша шатра свесилась вниз. Люди путались в ней, толкались и тем усиливали хаос. Вдруг нос уловил необычный запах: пахло синтетическим дымом, будто загорелась тряпка.

– Шатер горит! – завизжала Катя.

Ноги, руки, вопли, как по команде, подались в другую сторону, к предполагаемому источнику пожара. Как потом выяснилось, из-за провиса капроновая крыша легла на горячую трубу печки и стала тлеть. Пока Данила, рыча и безжалостно топча тех, кто не успел встать на ноги, упирался всем весом в кол и мешал ему упасть, Володя ладонями гасил пламя. После у него долго не проходили волдыри. Но еще сильнее обожглись Генка с Димычем. Они первым делом кинулись к самому опасному предмету в шатре – печке. Генка схватил трубу, боясь, как бы фикус все-таки не упал на нее; постанывая от боли, он то разжимал пальцы, то снова прикасался к горячему металлу. Димыч, ухитрившись каким-то

змеиным прыжком обойти свалку, подобрался к печке снизу и взялся за топку. Жгучая боль заставила тут же отпустить ее, но мозг, как всегда в экстренной ситуации, подсказал правильное решение – дрова! Димыч подцепил в обожженные руки по полону и уже намертво, как тисками, сжал ими печку, не давая ей завалиться набок. К счастью, истязания длились лишь несколько секунд. Петя, упав ниц перед фикусом, подвинул его плечом и помог поставить на место. Крыша снова натянулась. Генка и Димыч, охая и матерясь, отпустили печку и, встав на четвереньки, приникли ладонями к грязному, но спасительно холодному снегу. «Дырку прожгло!» – тем временем хрипел Володя, пытаясь стянуть пальцами обугленные края ткани. Сквозь гарь пахнуло холодом: видно, дырка получилась немаленькая. К счастью, Яна, как и положено невозмутимому доктору, сразу определила приоритетность повреждений. Пока Володя созывал народ «держать дырку» (что не имело особого смысла без одновременного пришивания заплатки, а ее пока не изготовили), она уже рылась в аптечке в поисках ожоговой мази. Катя, ползая по полу, пыталась как-то восстановить разрушенный интерьер: поправляла разъехавшиеся коврики и подбирала ботинки, что грудой попадали с фикуса. Что до Жени, то ей чувство самосохранения подсказало лишь одно: она дотянулась до входа, развязала его и принялась махать пологом, выгоняя дым.

Спустя полчаса жизнь группы вернулась в более-менее

привычный ритм. Катя и Женя, стоя на цыпочках, крупными стежками справляли заплату около печного отверстия. Оно покамест было пустым, потому что печку, во избежание новых эксцессов, временно из шатра вытащили. Стало холодно; девушки и помогавший им Петя закутались в пуховки. Володя оперативно развел костер, но швеи лишь завистливо любовались им сквозь ткань. Нужно было как можно скорее зашить шатер. Около огня грелись главные пострадальцы – Димыч и Генка, а Яна перевязывала им ладони.

– Девчонки, скоро там? – спросил Данила, который вышел к костру без пуховки, и мечтал снова оказаться в теплом домике.

– Если поможешь, будет скоро, – недовольно ответствовала Катя. Обычно она не позволяла себе такого тона с мужчинами-кормильцами. Но внештатная ситуация разрешала презреть этикет. – Думаешь, легко зашивать руками над головой? Ты-то вот повыше...

Данила не отвечал и не обижался, но на помощь не спешил.

– Блин, ну надо же! Тишь, гладь, безветрие – и вона тебе! Откуда только прилетел? – в сотый раз изумлялся Володя.

– Не иначе как призраки это были, – усмехнулся Генка. Заживляющая мазь успокоила боль, и он приободрился. – Слушайте, а может нам это... гм... Мы ведь заслужили, а?

Из шатра этого не было видно, но, судя по сдержанному смеху, последовал выразительный жест около подбородка.

– Спирт сосчитан, лишнего нет, – строго сказал янин голос. – Вы сегодня и так двойную порцию вылакали. Забыли? – После произошедшего она тоже немного осмелела.

– Я-то бы не прочь, но ведь тогда на штатные приемы, так сказать, не останется, – нежно промурлыкал Данила. Так как он не относился к категории пострадальцев, то права голоса в данном вопросе не имел; но в душе он надеялся, что решение будет положительным.

– Да ну вас всех, уговорили! – весело сказал Володя. Женя в шатре была уверена, что при этом он еще и широко махнул рукой – мол, пропади оно все. – Но учтите: последний день будете на сухом законе, хе-хе. А по мне, так мужики заслужили. (Взрыв смеха). Ну и примкнувшие к ним, конечно, тоже... А если девчонки не хотят, то мы особо не уговариваем!

– Даже наоборот! – поддакнул Генка. – Девчонки, пожалуйста, не хотите!

– Вам генофонд беречь надо, а-ха-ха!

Петя, оставив шитье на девушек, полез наружу – он не желал пропускать призового возлияния. Впрочем, Женя с Катей справились и без него: вдвоем рукам было посвободнее. Еще через полчаса печка была возвращена на место и вновь затоплена. Уставшая, измученная группа возобновила прерванный процесс отхода ко сну. Кто-то возился, устраивая ложе поудобнее, кто-то искал потерянные в суматохе вещи, кто-то натягивал бахилы, чтобы напоследок сходить до ветру. Женя, радуясь, что вокруг шатра еще кипит жизнь, по-

спешила этим воспользоваться. Она смело отправилась по своим делам за ближайшую разлапистую ель. Ее саму точно не было видно, зато она хорошо видела и силуэты на фоне костра, и фонарики, блуждавшие в темноте вокруг. Какие же они все-таки все хорошие! А она плохая, потому что дурно о них думала. Вот случилась авария – так разве ж она бы спаслась без них? Увы – ей было жгуче стыдно от этого – она позорно поползла спасать себя, тогда как Генка и Димыч, жертвуя кожей рук, спасали других. Ну да ладно, не стоит сейчас об этом думать. Может, в следующий раз у нее хватит духа, и именно она всех спасет... Но главное, сейчас ей совсем не страшно! Может, и впредь не будет? – с надеждой подумала она. Ей казалось, что сегодняшние передряги восстановили мировой порядок – после того, как он сдвинулся, съехал со своей опоры несколько дней назад. Настоящая проблема, которую можно было пощупать руками и которая грозила абсолютно реальными, а не иллюзорными последствиями – она словно оздоровила самый воздух вокруг. А может, она сейчас возьмет да и прогонит прочь все эти выморочные всполохи, костры, следы, мысли?

Когда она вернулась, у огня еще сидели Димыч и Володя. Поодаль рылся в своем рюкзаке Данила.

– ... вот так вот р-раз – и конец халяве! – рассуждал Володя. Происшествие, а особенно счастливое завершение, подняло ему настроение. – И правильно, а то разленились совсем. Привыкли, что все как по нотам – джэпээсы, снегохо-

ды, спутниковые телефоны... А жизни-то настоящей, за которой в лес ходят, и нет. Вот она о себе и напомнила!

Димыч, не двигаясь, смотрел на огонь. Непонятно было, слушает он или нет. Он держал руки в рукавицах ладонями кверху: видно, не хотел давить на больное место. Женю он тоже как будто не замечал. Однако, когда она пошла мимо него к шатру, он сразу повернул голову.

– Ну как руки? Не больно? – робко спросила она.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и вдруг решительно поднялся.

– Пойдем.

– Куда? – испуганно спросила Женя, хотя уже догадалась, куда.

– Одень лыжи.

– Чего, на разведку собрались? – хихикнул Володя. – Правильно, протропите нам лыжню на завтра.

– Может, и протропим, – сухо отозвался Димыч. Морщась, он взял забинтованными руками лыжи и принялся неловко защелкивать крепления.

Свободных лыж нынче было достаточно. На растягивание шатра ушли только две пары. Остальные оттяжки крепились к деревьям, что окружали стоянку плотным кольцом. Палок было задействовано больше, но Димыч все же разыскал четыре штуки – все, как на подбор, разные.

– Чё это вы повадились вдвоем по ночам ходить, а? – спросил Данила.

У Жени похолодело внутри. Она не сразу осознала, что ждет их с Димычем, хотя и послушно следовала указаниям. «Мы идем искать костер... Боже, зачем?!» – пронеслось в голове.

– Вдвоем сподручнее, – криво отшутился Димыч.

Включив налобный фонарь, он направился в лес. Женя, суется и на ходу продевая руки в темляки палок, засемила следом.

– Смотри, Женька! Мужики – они такие... Заболтает, ока-янный, затащит в лес – потом не убежишь! – смеялся вслед Володя.

Если бы в нем было хоть грамм наблюдательности, то он удивился бы не тому, что Димыч и Женя ходят вместе, а тому, что до этого они не только не ходили, но даже почти не общались между собой. Как, впрочем, и все разнополые участники его коллектива. Но он замечал лишь то, что попадало в фокус его зрения в данный момент времени. Так мельком подумала Женя, слыша ровный, как шарманка, смех руководителя себе в спину – подумала и тут же забыла. Позади остались ели, загородившие костер, и их с Димычем окружила ночь.

– Димка, зачем? – жалобно спросила она, догоняя его спину.

– Зачем? – Он остановился и сверкнул ей фонариком в лицо. – Затем, чтобы с этим покончить навсегда. И забыть.

– Ты что... А вдруг вы *его* сейчас... увидим?

– Ничего мы не увидим. И ничего нет. Не было и не будет, – медленно, с расстановкой сказал Димыч.

– Но зачем же тогда ходить, если нет? Пойдем в шатер, ляжем спать...

– Ага, и ты будешь всю ночь трястись, что где-то в лесу якобы горит костер! Нет уж. Вот сейчас обойдем... – Он задумался и поднял руку. – Туда, потом туда и по кругу назад. И вот тогда точно убедимся, что ничего нет. И пойдем спокойно спать.

«Значит, и ты не спал всю ночь, думая о костре», поняла Женя. Может, Димыч и не трясся, но он точно не успокоится, пока не докажет себе, что никакого костра нет. Она обрадовалась, что не одинока в своих страхах.

– Не волнуйся, это много времени не займет. Мы ж на лыжах. Полоса леса тут узкая – между двух отрогов. И если бы что-то было, мы мимо не пройдем. Но... – Он посмотрел в женины глаза, боязливо округлившись при этих словах, – мы ничего не увидим. Все, пошли.

– А фонари? Не потушим?

– Разумеется, нет. Кого нам бояться?

Димыч повернулся и зашуршал лыжами вперед. Женя, подумав, все же выключила свой фонарь. Приходилось тропить, но дорога шла под гору, и шаги давались легче. Отворачиваясь от отсвета димычева фонаря, Женя видела по левую руку от себя тоненькую голубоватую нить, косо протянутую сверху вниз: оставшаяся от закатного солнца, она обо-

значала очертания хребта. Справа была густая, чернильная, абсолютная тьма – лес. На самом деле долина была неширока, всего метров двести, и справа над ней возвышался такой же склон, что и слева. Но сейчас он был невидим. До восхода солнца было далеко, и рано было появляться над ним другой голубой нити – утренней. Жене показалось, что они шли долго; на самом деле, прошло чуть больше пяти минут. Димыч посветил на компас и повертел головой, пытаясь что-то определить в оттенках ночи. Голубую полоску слева прорезали силуэты елей – значит, долина начала расширяться. Точно, все как на карте.

– Поворачиваем, – скрипнул Димыч и резко переставил лыжи вправо. – Ну как, видела свой костер? – добавил он насмешливо.

– Нет... А ты?

– Ага, целых два.

– Не шути так...

– Пошли давай.

Теперь они пересекали долину поперек. Голубое свечение осталось за спиной, и только прыгающий по деревьям лучик фонаря боролся с тьмой. В лесу утихли последние отголоски ветра, гулявшего вдалеке по хребту. Уши заложило тишиной. Она нарушалась лишь скрипом снега под полозьями, да еще дыханием.

– Слушай, Дим. А может... Смотри, сейчас ведь еще не ночь. Можно сказать, сейчас поздний вечер.

– И что?

– Ну, я к тому, что в тот раз была глубокая ночь. Возможно, сейчас и правда ничего не будет...

– Ты хочешь сказать, что я и ночью должен тут шастать, чтобы на *их* спектакль успеть? – бросил он через плечо, хотя Женя ничего подобного не предлагала. – Нет уж. Сейчас у *них* есть последний шанс что-то мне показать. Не успели – значит, опоздали.

Женя задрожала. Она знала, что он бахвалится для храбрости; однако само упоминание неких «их», которые что-то «показывают» было признанием *их* существования. Димыч и сам, вероятно, это почувствовал, потому что следующие пять минут шел в хмуром молчании.

– Так, пора поворачивать. Почти уже до притока ручья дошли. – Он снова уставился в компас. – Я так далеко не планировал.

– Домой? – облегченно спросила Женя.

– Угу.

Теперь они шли в гору, и Димычу было тяжелее. К счастью, глубокий снег мешал лыжам проскальзывать назад. По мере приближения к лагерю обоим стало спокойнее. Димыч снова решил пошутить.

– Ну как, не видала костра?

– Нет.

– Точно?

– Точно.

– Может, плохо смотрела? Давай вернемся?

– Не надо.

– Тут, в общем-то, все просто, – продолжил он, помолчав. – Человеческий мозг нуждается в чудесах. Одушевлять пространство, предметы... Но увы, горы – это просто средоточие камней, расставленных в определенной последовательности. Плюс органика, которая на них выросла. И вода в виде снега. Все остальное – всякие там тайны, мысли, душа – это человек сам себе придумывает. А не будь человека, здесь было бы все мертво... Все, пришли.

Впереди показался огонек костра. Димыч прибавил шагу.

– Ничего себе, еще вовсю тусят. А потом будут говорить, что из графика выпадаем! – ворчливо сказал он.

И правда, в створе между знакомыми елями на фоне огня мелькали тени. Вскоре донеслись отголоски разговора и брэнчание гитары. Зазвучал звонкий, как ручеек, женский смех, а следом несколько голосов подхватили песню – издали было не разобрать, какую.

– Они еще и песни орут! Совсем Володя с ума сошел. Наверно, доктора на спирт раскрутили...

Димыч выключил фонарик: отсветов костра хватало, чтобы видеть дорогу. Володя, похоже, решил не скупиться не только на алкоголь, но и на дрова: костер распустился, как цветок посреди мрака. Оранжевые блики плясали на стенках шатре и лапах елей. До поляны оставалось всего метров двадцать, но из-за веток лиц было не разглядеть; видно было

только, что люди сидели тесным полукругом рядом с певцом. Кажется, они даже покачивались в такт песне. Кто-то, сбоку, размахивал рукой. Жене пришла в голову мысль, что именно так она и представляла себе настоящее походное братство: все сидят рядышком, плечом к плечу, глаза горят дружбой и счастьем, души сливаются воедино в песне... Надо же – оказывается, в их группе такое возможно! Как же обидно, что именно в этот момент они с Димычем зачем-то ушли в лес. Надо было оставаться здесь! Женья шагнула вперед, чтобы поймать хотя бы остаток волшебства, и... уткнулась в задники димычевых лыж. Он неожиданно остановился и замер, глядя куда-то влево от лагеря. В той стороне вечером парни пилили дрова. Женья тоже повернула голову и присмотрелась. У края поляны, среди стволов худосочных сосенок, стоял человек. Свет костра выхватил темный профиль, и она узнала Яну. Та тоже стояла неподвижно, смотрела и слушала. Жене показалось, что на лице подруги было написано то же выражение удивленного умиления, что, должно быть, было и на ее собственном. Яна тоже не решалась выйти из-за деревьев, чтобы не спугнуть чудо. Но вот она все же шевельнулась. Шаг, другой – и она ступила в освещенный круг. Ее сразу заметили; пара голосов, отделившись от общего хора, радостно приветствовали ее, а руки гостеприимно замахали: мол, иди сюда скорее, что же ты стоишь? Яна сделала несколько нерешительных шагов, все еще не веря, что все это происходит на самом деле. Но вот сомнения ее рассе-

ались: Женя увидела, как она поспешно сбрасывает лыжи, чтобы скорее втиснуться туда, куда ее приглашали – на самое уютное место, где было больше всего тепла. И сразу на фоне других зазвучал и ее голос – радостный и восторженный. Голос влился в общую песню. Правда, от нее оставались лишь несколько строк: ударил последний аккорд, и хор рассыпался дружным смехом.

Все это Женя наблюдала из-за спины Димыча. Он по-прежнему не двигался с места. Наконец, сообразив, что нужно просто обойти его, она неуклюже затопала по глубокому снегу. Но тут же остановилась: Димыч молча выставил на ее пути руку с палкой. Женя вопросительно взглянула на него. Он все так же неотрывно смотрел влево – туда, где прежде была Яна. Женя снова проследила за его взглядом, и у нее перехватило дыхание. На месте Яны ничего не было, но дальше, в глубине леса, трепыхался крошечный огонек. Это на него Димыч смотрел с самого начала. Наверное, он даже не заметил Яну. Женя тотчас отскочила и встала на прежнее место, за спину Димычу. Теперь они оба, не шевелясь, следили за огненной точкой в чаще. Она то появлялась, что исчезала среди ветвей. Рядом плясал огромный костер, их друзья пели и смеялись, но они ничего не слышали.

– Это... костер, – выдохнула Женя.

– Совсем близко. – Димыч тревожно оглянулся на лагерь.

– Что делать? Скажем нашим? – Женя посмотрела Димычу в глаза, ища спасительного решения.

Он подумал, пожевал губами, повертел головой туда-сюда – от одного костра к другому – и вздохнул.

– Нет. Сначала сходим туда. Или давай я один схожу.

– Нет, нет, я с тобой! – прошептала Женя.

Ей показалось, что в глазах его мелькнуло облегчение.

– Хорошо. Обойдем тут, чтобы ребята не заметили.

Было маловероятно, чтобы товарищи увидели их – они были слишком увлечены друг другом. Володя уже забренчал новую песню, и опять грянул нестройный, но веселый хор. Димыч с Женей медленно обошли лагерь по кругу и двинулись к мерцающему огоньку. Как бы хотела Женя, чтобы он вдруг исчез! Но как только лагерь остался за спиной, он замигал сильнее, как будто приглашал к себе.

– Как ты думаешь, кто это? – шепнула ему в ухо Женя.

Вопрос был бессмысленным, но надо было говорить, чтобы не слышать бешено стучащего сердца.

– Сейчас узнаем. – Голос Димыча стал глухим, словно чужим. Как будто он произносил последние в жизни слова и не считал нужным стараться.

Продвигаясь, они невольно замедляли шаг. Даже ноги поднимались с неохотой, будто пытались остановить своих хозяев. Однако, как они не старались, расстояние между ними и чужим костром сокращалось. Он становился все ближе, и виделся яснее. Иногда он прятался за стволы сосен, но через секунду вновь возникал перед глазами. А их собственный костер, наоборот, уменьшался, и смех друзей уже не мог

пробиться сквозь строй деревьев. Женю охватила отчаяние. Не будь впереди Димыча, который шел и шел вперед, она давно бы бросилась обратно. Она не знала, что и Димыч передвигал лыжи только потому, что слышал позади ее шаги. Вдруг костер вышел из-за деревьев полностью. Между ним и путниками не осталось преград: словно ровная аллея из сосен вела прямо к нему. Димыч не выдержал и остановился – надо было перевести дух. Костер трепетал от ветра, то сворачиваясь клубочком, то выбрасывая вверх красные языки. До него было метров двадцать-тридцать.

– Ты... кого-нибудь там видишь? – еле слышно спросила Женя. Она была уверена, что Димыч видит не более, чем она.

– Вроде никого нет.

Они не осмелились даже подумать о том, чтобы зажечь фонари, и шли на ощупь.

– Димка... А что мы будем делать, если... если там кто-то есть?

Она не договорила «кто-то страшный», но Димыч понял.

– Если... если там люди, то я подойду первый. А ты будешь смотреть издали. Если что-то не так – беги к нашим. Или нет, не к нашим... Беги куда-нибудь подальше... Чтоб не привести *этих* за собой. Вдруг *они* еще не знают, где наш лагерь?..

Это, конечно, было невозможно: два костра горели на расстоянии невооруженного глаза друг от друга, и таинственные

«они» не могли не заметить соседей. Но все происходящее и без того находилось настолько далеко за пределами разума, что бессмысленно было искать правильную стратегию. Еле волоча свинцовые ноги, Димыч шагнул к костру. Женя, хоть ей и велено было стоять, поплелась за ним – она просто боялась остаться одна. Расступились последние ограждавшие поляну ели. Из тьмы показались бревна, уложенные вокруг костра для сидения. Димыч остановился. Остановилась и Женя.

– Смотри. – Он неуверенно показал рукой. – Шатер...

– И правда. Точно, как наш...

В стороне от кострового круга высился знакомый тканевый конус; отблески огня играли на тонких линиях лыжных палок, на которых он был растянут. Сбоку торчал силуэт печной трубы, и оттуда вылетали красные искры. Все было так просто, буднично, уютно... Димыч осторожно поднял руку и включил налобный фонарь. Голубой луч сразу охватил все подробности походного быта, скудного и неряшливого: вытоптанный грязный снег, щепки, разбросанные там и тут опустошенные рюкзаки. И это однозначно были их рюкзаки! Вот этот, кажется, володин... А этот... Димыч замер, узнав свой рюкзак: забытый, он лежал недалеко от входа заиндевевшим комочком. Димыч вопросительно посмотрел на Женю, будто ожидая помощи в решении новой загадки. Но загадки никакой не было, и это было самым невероятным.

– Димон, это вы там сигналите? – раздался голос Володи.

Он заставил вздрогнуть, но тут же, как струя свежего воздуха, рассеял морок страха. – Спать-то сегодня собираетесь?

Димыч с трудом, как на заржавленных шарнирах, повернулся к шатру.

– Э-эээ... Гм... Это ты, Володь?..

– Блин, конечно, я! Димон, ты там часом с призраками не повстречался, а? – хохотнул он, и шатер отозвался многоголосым смехом. – А то чё-то своих не узнаешь!

– Сначала вдвоем ушли, а потом и третья за ними. Мы уж думали – все, с концами, не ждать! – перебил голос Данилы.

– Уже и еду вашу поделили! – угодливо вставил Петя.

Димыч с Женей переглянулись. «Третья» ушедшая – это, очевидно, была Яна. Но ведь она... Она же пошла к костру... получается, что к другому костру! Но еще пять минут назад они были уверены, что именно *этот* костер – другой. Что же происходит, боже мой?! Какой лагерь из двух – настоящий? Где их группа?! Всклипнув, Женя прижалась к Димычу. Ей хотелось исчезнуть, раствориться, чтобы не видеть, не слышать и не думать. Димычу и самому было не легче, но, почувствовав ее панику, он сумел взять себя в руки. Приобняв Женю дрожащей рукой за плечи, он встал так, чтобы отгородить ее от шатра. Так, спокойно. Нельзя показывать тем, кто в шатре – кто бы они ни были – что ему страшно.

– Кто там у вас, внутри? – спросил он, откашлявшись. Но голос все равно вышел сиплым.

– Димыч, ты точно здоров? – продолжал хихикать Данила.

– Как кто?! Я, Данилыч, Петька... И Катя. – Руководитель сначала перечислил мужской состав, а потом вспомнил о женском. – А тебе кто нужен-то?

– Яна... Она давно ушла?

– Да что случилось, ты можешь объяснить?

– Недавно ушла. Минут пять-десять, – ответила за всех Катя.

– Димон, если ты к тому, что надо спасательную экспедицию организовывать, то поверь, еще рано. Не успела замерзнуть.

– Думаю, она еще и штаны снять не успела, ха-ха!

– Ребята, а давайте по-серьезному! – Катя пыталась говорить строго, но ее прорывало от хохота.

Димыч замолк, что-то решая про себя; наконец, он мягко отстранил женины руки, уцепившиеся за него.

– Я загляну. Посмотрю, кто там, – шепнул он.

– Нет, не ходи! – воскликнула Женя одними губами. – А вдруг там... не они? Вдруг это... другие?

– Беги, если что...

Перед самым входом он замешкался. В лыжах заглядывать в шатер было неудобно. Секунду поколебавшись, он решил, что надежнее все же иметь их на ногах – на случай бегства. Кое-как пристроившись боком у входа, он присел на корточки, поднял руками полог и, зажмурившись, всунул голову внутрь.

– Блин, чего в глаза светишь...

– Фонарь-то выключи, балда!

– Коллега, у вас реально горная болезнь началась, хе-хе!

Димыч погасил фонарь и открыл глаза. Из полумрака шатра на него смотрели, улыбаясь, лица товарищей. Володя, Данила и Генка лежали в спальниках. Катя, еще не свившая спальное гнездышко, сидела в ворохе вещей. Петя, предвкушая продолжение комедии, на четвереньках подался к нему навстречу.

– Вы? – Димыч изумленно обвел их взглядом. – И правда, вы... – Он шумно выдохнул.

– Так, Димону сегодня больше не наливать! – продолжал шутить Володя, хотя в голосе его появилась легкая тревога.

– И завтра не наливать!

– Да и нечего наливать – спирт закончился. Благодаря вам, – отозвалась Катя, не поднимая головы.

– Ну, тады понятно, отчего у некоторых галлюцинации пошли...

– Ясно. – Димыч, невзирая на просьбы затянуть за собой ворот, небрежно бросил тряпку и встал. – Это они. Наши, – сказал он, снова подойдя вплотную к Жене.

– А тогда... те? Те кто были? – едва слышно пролепетала она.

– Не знаю. Но Яна к ним ушла.

– Боже! Так значит, нам нужно за ней... Что же с ней будет?

– Эй, чуваки, вы залазить будете или как? Если нет, вход

завяжите! – уже нетерпеливо крикнул Володя. – Я не знаю, что у вас там происходит, но мы спать хотим.

– И вообще холодно! – пискнул Петя.

Димыч поморщился, вернулся к шатру и наспех перетянул вход веревкой.

– Так, все. Побежали!

Он бросился назад к лесу; но не успела Женя развернуть лыжи, чтобы заковылять следом, как он уже остановился.

– Блин, вот хрень... – Он затоптался на месте и завертел головой, высматривая между деревьями. – Где костер?

– Был вроде там... – Женя тяжело подняла руку и ткнула в сторону, откуда они пришли.

– Сейчас нет. Исчез!..

– Народ, вы там как хотите, а завтра подъем в шесть утра, – зевая, объявил из шатра Володя.

– ...Ведь он там был, верно?

– Как будто да... Наша лыжня оттуда ведет... Пойдем посмотрим?

Промедление убило возникшую было решимость. Теперь надо было снова уговаривать себя: иди, Димыч, это надо, надо, надо. Он вздохнул, сделал шаг... и тут с противоположной стороны стоянки зашуршали ветки. Чуть не подскочив, оба обернулись. В ельнике вспыхнул луч фонаря.

– Яна?

– Стой! – почти закричал Димыч, кинувшись ей навстречу. – Стой, погоди! Ты... ты где сейчас была?!

Ослепляющий свет налобника не помешал Жене разглядеть изумленное лицо подруги.

– Димыч... Ты чё ваще?

– Говори, куда ты ходила! Мы видели. Не отпирайся! – Димыч придвинулся к Яне вплотную, так что она невольно попятилась.

– Ты совсем охренел? – Изумление сменилось гневом. – Пусти меня в шатер, я спать хочу!

Димыч, быстро осознав нелепость своего выпада, понизил голос.

– Ян, послушай... – Он пытался говорить ласково, и даже протянул руку, почти касаясь яниного локтя – она сразу же его отдернула. – Ну, просто скажи нам, кто *они* такие. Ну... – он посмотрел на Женю, ищущую поддержки, – мы же видели!

– Что вы видели?! – Теперь уже голос повысила Яна. Поняв, что Женя участвует в этом странном допросе, она с возмущением взглянула на бывшую товарку.

– Ян, ну ты же только что ходила к тому, другому костру. Который во-от там... – Женя безнадежно махнула рукой в сторону темноты, где уже ничего не было.

– Какой костер, ребят? Вы это... здоровые? Там нет ничего.

– Но мы же видели, как ты с *теми людьми* пела! – взмолилась Женя.

– Твою мать, я не пела, я писала! – злобно огрызнулась Яна. – И не *с людьми*, а одна. И не там, а вот тут! – Она

махнула рукой совсем не туда, где Женя с Димычем думали увидеть костер.

– Так что же... Нам привиделось, что ли? – растерянно спросила Женя. Происходящее было столь безумным, что она уже была готова поверить во все, что угодно.

– Вот уж не знаю. – Яна бесцеремонно отодвинула ее и пошла было к шатру, но на полпути остановилась, чтобы скинуть лыжи. – Ребят, тут походу массовое помешательство началось! Димычу с Женькой какие-то костры чудятся.

Последнюю фразу она произнесла с усмешкой, решив, что странные вопросы коллег – еще недостаточная причина, чтобы объявлять им войну. В ответ из шатра раздался громкий смех. Их беседу, разумеется, внутри отлично слышали и всю комментировали.

– Димон, а может, это шаровые молнии летают, а?.

– А может, блуждающие огоньки?

– Народ, кончай комедию ломать. Ну, пошутили, и хватит. Полезайте домой, и баиньки!

– Она пришла с другой стороны, – тем временем шептала Женя Димычу, не слушая хохота за спиной. – Вот оттуда. А костер был во-он там.

– Хрен уже знает, где он был, этот костер, – помолчав, сказал Димыч. – Похоже, он двигается, вот что!

Женя, казалось, дошла уже до предела способности бояться; но при этих словах на спине у нее выступила испарина.

– М-мы пойдем его искать? – спросила она, надеясь услы-

шать «нет».

Димыч еще раз взглянул в темноту.

– Ладно, полезли в шатер. Ты окоченела вся.

Они раздевались и укладывались под непрерывные шутки и вопросы про костер. Димыч несколько раз порывался заговорить, но Женя ловила в темноте и сжимала его руку – пожалуйста, не надо! Володя в конце концов счел, что это чересчур, и потребовал тишины.

– Все, спать пора! Уже час как отбой должен быть.

– Ребята! – Димыч решительно отодвинул женину руку и сел в спарке. – Скажите мне начистоту – вы ведь нас разыгрываете, да?

Женя сжалась в комочек. В шатре воцарилось молчание; кажется, даже печка на время перестала трещать.

– Ну скажите честно – вы ведь все видели этот костер, правильно? Вы же к нему ходили – Данила, Генка, Яна... Вы же знаете, что там за группа, вы с ними общаетесь... Ну зачем вы с нами в эти игры играете, а?

Его голос дрогнул; он был готов заплакать. Еще пару секунд провисела напряженная тишина, после чего шумно разорвалась хохотом и нестройными восклицаниями.

– Чего-чего?!

– К какому еще костру? О чем это он?

– Типа тут рядом другой костер есть, и мы к нему ходили?!

– Ага, и песни там пели.

– Слышь, он говорит, что там где-то рядом другая группа

стоит, и мы типа туда ходим тусоваться, а им не говорим...

– Димон! – Отсмеявшись, Володя заговорил строгим голосом. – Если бы я тебя хорошо не знал, я бы подумал, что это ты меня разыгрываешь... Но теперь я даже не знаю, что про тебя и думать. Пугаешь ты меня, вот что.

– Володь, я честно видел... – Димыч был в отчаянии. – Там точно был костер! И Яна его видела, и Данила...

– Кого-кого я видела?! Еще раз повтори!

– Не, точно белочку поймал. А вроде и не пили совсем, ха-ха!

– Заткнитесь, бл...ть! – гаркнул руководитель. Ему стало не до смеха. – Короче, так, народ! Мне насрать, кто тут что видел и кто куда ходил! По крайней мере сейчас, когда ночь и спать надо. Поэтому если ты еще что-то про этот «другой костер» спросишь, я тебе в ухо дам, ясно?! Все, легли все, и чтоб тишина! – Он замолк, чтобы убедиться, что в шатре и вправду установилась испуганная тишина. – А о твоих видениях завтра поговорим.

– Женька тоже с ним вместе... типа видела, – бросила из спальника Яна.

– И с ней тоже поговорим! А сейчас, кто слово скажет, сразу получит!!

Группа тревожно заерзала в спальниках. Никто не посмел больше нарушать молчание, даже не на тему костра. Володя был в таком состоянии, что не стал бы разбирать правых и виноватых. Лишь услышав его храп, все успокоились и ма-

ло-помалу начали засыпать. Димыч некоторое время посидел неподвижно, а потом медленно лег, опустив голову на валик из вещей, и устался в потолок. Он так и не вспомнил снять очки.

Амнезия

Все так же светило солнце, зеленела трава, журчал ручей. Вдали белели горы. Все также шагала по тропе группа. Но почему-то никто больше не оборачивался, чтобы улыбнуться ей. Даже тот кудрявый брюнет, что прежде утешал ее, сейчас забыл о ней. Женя видела только спины рюкзаков, и как не силилась, не могла вообразить себе его лица. Но почему, почему? Ведь сейчас он как никогда нужен ей. Да и трудно ли ему? Он ведь не настоящий, она его сама придумала. Почему же он не повинуется ее воле? Она еще раз напряглась и представила его. Но нет, это был не живой человек, а картинка; сердце не отзывалось. Тот, прежний, почему-то упорно не хотел воображаться. Устав, она убрала видение с глаз. Снова надвинулась густая темнота шатра. В глубине слабо мерцали отблески печки. Слева, рядом с ухом, слышалось громкое, с присвистом, дыхание Пети. Справа была тишина. Женя осторожно повернула голову и разглядела длинноносый профиль Димыча. Он не спал.

– Как ты думаешь, *они* могут сюда прийти? – шепнула она тихо-тихо.

Он сразу повернулся, как будто только и ждал этого вопроса.

– Думаю, нет.

– Почему?

– Если бы они хотели прийти и... ну, навредить нам, они бы давно это сделали. Но они почему-то не приходят.

– Но...

– Я вот лежу и думаю: им почему-то нужно, чтобы не они, а другие к ним приходили.

Женя затаила дыхание. Отпустившая было тревога вернулась. Она теснее прижалась к Димычу.

– А как ты думаешь, почему они все – ну, Данила, Яна – нам врут? Почему делают вид, что они *их* не видели?

Димыч нервно пошевелился. Выпростав руки из спальника, он сцепил ладони и хрустнул пальцами.

– Может, они и не врут.

– ?!

– Может, они правда думают, что никого не видели.

– Но как?

– А вдруг они всякий раз забывают, что видели? Например, стоит им оттуда уйти, от *того* костра – как они уже ничего не помнят.

– Как же это возможно?

– Не знаю. И Данила, и Яна видели костер, когда туда шли. А когда возвращались – забывали.

Женя замолчала, пытаясь осознать услышанное. Но осознать было невозможно.

– А еще знаешь что? Те, кто видели костер – они стали другими...

Женя резко приподнялась на локте и заглянула Димычу

в лицо. Край спарки, натянувшись, стеснил Катю: она недовольно заворочалась во сне.

– Да, да! Мне тоже так показалось! Просто не могла объяснить...

– ...Я сейчас все обдумал. Вспомнил, разложил по полочкам. Точно, они изменились! У них слова, мысли – все стало другое. Вроде с виду – как обычно. Но если вспомнить, они ведь раньше о *таком* не говорили.

– О чем о таком?

Петя рядом тревожно засопел. Димыч умолк, прислушиваясь, и продолжил еще тише.

– Смотри: Данила с Генкой сегодня раза три затевали разговор о зарплате. Типа где сколько платят. Раньше они бы об этом говорить не стали.

– Ты думаешь, Генка тоже?.. Был *там*?

– Думаю, да. Наверное, в тот первый раз ты его следы видела. А еще, помнишь – о машинах говорили. И о ремонте в квартире. О ноутбуках. О шмотье. Нет, я не к тому, что об этом говорить нельзя. Просто прежде их это не интересовало.

– Так получается, они побывали у костра, и от этого...

– Сам не понимаю, какая тут связь. Но факт, что они оттуда пришли... более цивилизными, что ли. Вот как те, кого еще Володя любит ругать. Которые с деньгами, машинами, самолетами...

Женя живо представила себе давешнюю картину: костер,

силуэты людей, отголоски гитары, смех. После возвращения оттуда их товарищи ничего не помнили, и начинали говорить о ремонтах и зарплатах. Как странно!

– Да, мне тоже странно. – Димыч будто услышал ее немой вопрос. – Те, кого мы видели у костра, они были... как бы это сказать? Настоящие походники, вот кто. Ну, каких себе представляешь, когда говоришь о всякой там туристской романтике. Прямо как из книжки. Или из фильма. Даже... знаешь, откуда? – он тоже приподнялся. – Из песни. Вот, точно! Из всех этих старых наивных песен про северные горы, про костры и про привалы. Дружба там, любовь, походное братство...

– Точно! Я тоже это почувствовала!

Женя не заметила, что заговорила почти в голос. Димыч быстро приложил ей палец к губам.

– Тише.

– Дима! А может, эти люди – призраки тех, кто погиб в горах? Кого лавиной засыпало? – прошептала она.

Судя по молчанию в ответ, эта мысль уже не раз приходила ему в голову. Женя прикрыла рот ладонью, словно не желая выпускать на волю невероятное открытие. Но было поздно – оно уже свершилось. Оба, не сговариваясь, отвернулись друг от друга и легли на спину, разглядывая черноту над головой. Нужно было свыкнуться с новой конфигурацией реальности, в которой отныне предстояло жить. Призраки! Погибших! Они рядом с нами!

– Знаешь, если бы мне об этом неделю назад сказали – я бы ответил, что, мол, за бред. А теперь я уже все, что угодно, допустить готов... Но ведь не было же нигде следов от этого костра! А сам костер – был.

– Но... если это люди как бы из песни, то, значит, они хорошие? – вслух подумала Женя. – Значит, их не надо бояться?

Димыч не пошевелился: эта мысль тоже была для него не нова.

– Во всяком случае, тем, кто к ним ходил, они ничего плохого не сделали.

– Я знаю, в чем тут дело! – воскликнула Женя, и Димыч опять поспешил прикрыть ей рот. – Они просто скрывают от нас, вот что! Они, то есть наши, встретились с призраками, но не хотят, чтобы другие про них знали.

– Почему?

– Ну, может, призраки попросили их никому не рассказывать? Ведь если все узнают, что они живут здесь, что их можно встретить – представляешь, что тогда начнется? Сюда же толпа желающих ринется. Горы просто вытопчут.

– Да, наверное...

– И тогда призракам придется отсюда уходить! А они не хотят. Да им и некуда. Может, это так положено – обитать именно там, где они погибли?

Димыч заерзал, устраиваясь поудобнее. Неожиданное разрешение вопроса, каким бы безумным оно не было, да-

рило успокоение.

– Предположим. Значит, они нам врут. Данила, Яна. И, вероятно, Генка. И знаешь тогда что? Они нарочно говорят при нас о всякой ерунде, чтобы отвлечь внимание от *главного*. Про работу, про ремонт, про тачки... Особенно Данила.

– Верно! Они нас запутать хотят! Но у них ничего не выйдет. Мы все знаем!

– Захотим – и сами сходим к тому костру. И фиг они нам помешают...

Женя и сама хотела это сказать, но сейчас, услышав от Димыча, испуганно примолкла. Он тоже решил, что поторопился.

– Во всяком случае, завтра найдем его... и поймем, что к чему.

Женя мысленно поблагодарила Димыча, что он сказал «завтра», а не «сейчас». Пусть призраки и хорошие (что пока еще не доказано), она бы ни за что не заставила себя снова пойти в лес. Ветер утих, и шатер окружала тревожная тишина. Она осторожно огляделась – не просвечивает ли сквозь ночь далекий огонек? Но ничего не было.

– Да, точно, завтра! А сейчас ты поспи. Ты давно уже плохо спишь. Нам силы нужны...

Она повернулась на бок и закрыла глаза. Даже сквозь веки, в воображении, ей виделось лицо Димыча. Она решила дождаться, пока он уснет. Но не получилось: она заснула первой. А когда проснулась, было уже светло. Вокруг ца-

рило привычное утреннее копошение. Походники звали и крихтели, выбираясь из спальников. Володя шутливо покрикивал на «сонь» и добавлял, что пора к черту отменять эти ночные прогулки. И вообще... Ей показалось, или он осекся? А еще, кажется, Генка быстро метнул ему укоризненный взгляд. Женя разыскала глазами Димыча. Он сидел у печки, застегивая бахилы. «Ты заметил?» – спросила она взглядом. Димыч кивнул.

– А какие еще прогулки? – простодушно спросил Петя.

Ответом ему было общее и, как показалось Жене, напряженное молчание.

«Да, они что-то скрывают!» – Она выразительно посмотрела на Димыча.

«Делай вид, что все нормально» – так же молча отозвался он.

Стряхнув сон, Женя принялась одеваться. Снаружи слышался голос Кати – она была утренней дежурной, и просила принять котел. Володя раздвинул ворот входа, Димыч ухватил котел за ручку и водрузил на подставку из поленьев. Загремели миски и ложки. Катя, повозив поварешкой в котле, шлепнула в данилину миску первую порцию.

– Если что, мне можно и добавки.

– Какой ты умный! Мне тоже можно, хе-хе.

– Вот это я понимаю! У народа появился аппетит. Сразу видно – поход вышел на финишную прямую, – ухмыльнулся руководитель. – Стали жрать все, что дают. А то раньше – «я

это не ем», да «каша подгорела». В последний день будете в очередь вставать, чтобы котел по стенкам поскрести!

Володя радовался, что все в его группе идет по плану, включая возврат к здоровым жизненным ценностям. Раз так, значит он – хороший руководитель.

– Ну, тады я первый в очередь записываюсь, чтобы в последний день поскрести, – поднял ложку Данила.

– А я, на всякий случай, второй! – весело поддакнул Генка.

– Кто котел скребет, тот его и моет, – объявила Катя, накладывая себе в миску. По традиции, дежурному полагалось после всех.

– Ничего себе! Вот это новости. Так мы не договаривались!

Раздался смех.

– Когда сильно изголодаешься, ты за лишнюю порцию ни то что котел помоешь, а будешь тащить вещи того, кто тебе ее даст, – продолжал наставления Володя. – Вот, помнится, ходили мы «пятерку» по Алтаю. Двадцать восемь ходовых дней! Раскладка – триста пятьдесят грамм в день, прикиньте!

– Я бы сразу сдох, – покорно сказал Данила, работая ложкой.

– Мы, когда в цивилизацию вышли, каждый по десять-пятнадцать кэгэ потеряли. – Глаза Володи гордо заблестели. – Помню, как купили в поселке по буханке хлеба – так

каждый ее тут же и съел. И за новой побежали.

– Да, были люди в наше время! Не то, что нынче, – заметил Генка, но довольный Володя не уловил иронии.

– А это не вредно? После голодухи – и сразу целую буханку? – поинтересовалась Яна, вспомнив свой врачебный долг. – Это ж может заворот кишок случиться. Вплоть до смертельного исхода...

– В той страшной истории выжили сильнейшие. И они – перед тобой, – хитро улыбнулся Генка.

Володя понял, что над ним смеются, и насупился.

– Посмотрю я на вас с трехсотграммовой раскладкой! Как бы ботинки есть не начали...

Женя незаметно пододвинулась к Димычу.

– Он вспоминал о вчерашнем? Помнишь, он грозился тебе, что, мол, «завтра поговорим»? – спросила она шепотом.

– Нет. Вообще ничего. Ни слова, ни полслова. Как будто и не было ничего.

– Значит, все так и есть, как мы думали! Они не хотят об *этом* говорить. Решили якобы забыть.

– Но мы-то не забудем.

– Слушай, я вдруг вспомнила... Меня сегодня ночью на дежурство почему-то не будили. Гм, а кто должен был будить? Ты. После своего дежурства. Так ты что же... не разбудил?

Димыч засопел и потер небритый подбородок.

– Забыл. Все сидел у печки, думал обо всем этом, прислу-

шивался. Бац – а уже два часа прошло, пора Петьку поднимать.

Женя озабоченно сдвинула брови.

– Дим, ты что? Совсем спать перестал?

– Э-гм...

– Народ, набираем ускорение! – перебил всех бодрый голос Володи. – Через час выход, а у нас еще конь не валялся!

– У нас не только конь, но и я еще после завтрака не валялся.

– С нашим руководом особо не поваляешься...

– Володечка, пощади!

– Ни за что, аха-ха!

Нехотя, но процесс сборов сдвинулся с места.

В сравнении с предыдущим этот день вышел почти ослабленным. Небеса словно решили воздать группе за все перенесенные невзгоды. С утра и до вечера светило солнце. При полном безветрии к полудню так разогрело, что лыжники один за другим снимали ветровки и шли кто во флисовой кофте, а кто и вовсе в футболке. Посыпались шутки про пляжную фотосессию, которую хорошо бы устроить, и про купальники, которые девчонкам надо срочно надеть. Володя пришел в игривое настроение. Девчонки отвечали, что непременно наденут бикини, как только руководитель облачится в плавки-стринги.

Хорошая погода дала возможность не спускаться в долину реки, а продолжать путь по верхам, по безлесому плато. Это

позволяло существенно сократить путь. Такой шанс Володя всегда держал в голове, но не очень-то верил в него. Обычно наверху свирепствовал ветер. Однако сегодня, похоже, все компоненты удачи сошлись воедино.

– Эдак мы до перевала к обеду дойдем. Так недолго и в график вернуться! – с надеждой возглашал он.

На плато снега было поменьше, чем в лесу, и у обеда группа даже не успела как следует умяться. Кое-кто успевал и поговорить с соседом через плечо. Поняв, что можно не экономить силы, Генка по-молодецки сошел с общей лыжни и зашагал рядом, пробивая свою – так ему было удобнее болтать с Данилой. На альтернативную лыжню перебрались и другие, и группа пошла парами, увлеченно беседуя на ходу. Про смену тропильщиков все забыли. Словно само солнце подзаряжало туристов энергией, и они, весело смеясь, безо всякого умысла то и дело обгоняли друг друга. Один только Димыч, не замечая перемен, с угрюмым видом тропил впереди свою лыжню. За ним, не отставая, бежала Женя.

– ...все хорошо в меру. Я, если честно, уже достаточно намерзся, – посмеивался Данила у нее за спиной. – Как-то в общем не против и домой.

– Что делать – наш вождь требует, чтобы испытание было пройдено до конца, а то он обидится, – отвечал Генка.

– Да блин, он обижается, когда все хорошо идет. Приключений ему не хватает!

– Вольдемар происходит из породы людей, из которых

прежде делали гвозди. Так, по крайней мере, утверждает художественная литература. Он очень грустит, видя, что эта порода вырождается.

– Искренне ему сочувствую, но я не гвоздей, а из мяса. И не понимаю трудностей ради трудностей. Одно дело, когда у тебя выбора нет. А когда есть, но ты нарочно лезешь, куда посложней...

На самом деле Володя никуда специально не лез, и все это понимали. Димыч, слышавший все, повернулся и многозначительно посмотрел на Женю. «Ты слыхала? Все точно так, как мы и думали». Женя кивнула. Прежде так о Володе судачили только девушки. Мужчины либо стоически молчали, либо делали вид, что им все по душе. А теперь Данила и Генка в точности повторяют их женские разговоры. Именно Данила с Генкой, которые были у *того* костра!

После пятиминутного привала процессия перестроилась – впереди пошли Володя с Петей, обогнав Димыча, а за спиной у Жени встали Яна с Катей. Они рассуждали о том, как хорошо бы съездить летом в Абхазию – и по горам можно погулять, и в море искупаться, и фруктов поесть.

– А главное – все без напряжения. Живешь в отеле. Выходы – на один день. В крайнем случае – с одной ночевкой, в легкой палаточке. Не то, что тут. У меня уже руки от сажи не отмываются!

– Девчонки! Чего-то рановато у нас ропот пошел! – крикнул Володя, услышав. – Погодите, поход еще не кончен.

– Да мы знаем, что не кончен, – вздохнула Яна. – Но уж помечтать-то можно!

– Скоро намечтаетесь. Как вернемся домой, в этот город промозглый, так и будете мечтать, чтобы обратно сюда, на севера. Ан нет, уже нельзя будет.

– Вот и поезжай. А мы сюда больше не ногой, – прошептала Катя.

Женя с самого утра всматривалась в лицо Яны, ожидая прочесть на нем воспоминания о вчерашнем дне. Но ответом всякий раз были невозмутимые и даже удивленные глаза подруги: мол, что это ты на меня так странно смотришь?

– Не верю, что они прикидываются! Это невозможно. Выходит, и впрямь не помнят? – тихо спросила она Димыча, подойдя вплотную.

– Посмотрим.

Подошло время перекуса. Все расселись кружком вокруг термосов и мисок. Димыч, украдкой сделав знак Жене, как бы невзначай заговорил о призрачных огнях. Женя замерла, ожидая реакции. Но товарищи только жевали, слушали и посмеивались. Петя и Володя припомнили вчерашний разговор, но не далее того момента, как закончился ужин, когда все было в рамках приличий. Генка заметил, что мистические истории слишком глубоко запали Димычу в душу, и попросил добавки чая. Никто не вспомнил, что произошло после возвращения Димыча с Женей из леса. словно это была закрытая тема – не только для обсуждений, но и для вос-

поминаний. Женя осторожно приглядывалась к каждому: не дрогнет ли мускул на лице, не обменяются ли двое понимающим взглядом? Но все были невозмутимы, как снег. Как будто из вчерашнего вечера были аккуратно вырезаны полчаса. Женя посмотрела на Димыча и растерянно пожалала плечами. Димыч нахмурился и на некоторое время замолчал. Группа уже говорила о другом, когда на его лице внезапно появилось то выражение, что было вчера, когда он бросился к Яне. Это была какая-то судорожная решимость, с которой прыгают в холодную воду: главное – побыстрее, чтобы не успеть одуматься. Женя тревожно засопела и схватила его за руку, но было поздно.

– Народ, хочу напомнить: у нас на сегодня было перенесено одно интересное обсуждение...

Народ по очереди неохотно поднял глаза от мисок.

– Какое еще обсуждение?

– Ну как же? Володь, ты же вчера сам обещал.

– ??

– Насчет наших соседей.

– Каких соседей?!

Димыч обвел товарищей строгим взглядом и откашлялся.

– Так. Ребята. Я, наконец, прошу объяснить мне, что здесь происходит!

Молчание стало натянутым, как струна. Ребята даже перестали жевать, что означало высшую степень недоумения.

– ...Повторяю: что здесь, черт возьми, происходит? Поче-

му все вы – он уперся взглядом в Данилу – делаете из нас дураков?

Володя открыл было рот, но Димыч перебил.

– Вы все – ну, положим, не все, но большинство – знаете, что мы здесь не одни. Что есть еще одна группа, которая уже пару дней следует за нами по пятам! – выпалил он. – Не знаю, кто они такие и к какому типу существ относятся – во всяком случае, следов на снегу они не оставляют – но шатер они ставят, костер жгут и песни поют. И я точно могу назвать тех из вас, кто этих странных людей видел и даже ходил к ним в гости по ночам... Почему и зачем – меня не интересует, это ваше личное дело! – Сказав это, Димыч подумал, что это не совсем так, но поправляться не стал, ибо Володя и Генка изумленно замычали. – Меня интересует лишь одно – почему вы держите меня и Женьку за идиотов? Мы же вас видели! Вы уже три дня к *тому* костру шастаете! Сначала Геныч, потом Данила, потом Янка! Так вот, я прошу объяснить...

– Димон! – неожиданно резко оборвал его Генка. – Ты все это серьезно говоришь?

Димыч беспомощно умолк, не зная, что ответить. В прореху тут же полезли оппоненты.

– Это чё, шутка такая?

– Гм, странная шутка...

– Я ходил к какому-то костру? Я?! Ребят, он что, хочет сказать, что я лунатик? Типа хожу, и не помню, куда?

– А чё за костер-то был, как выглядел, хе-хе?

– Ян, это точно по твоей части. Спасай пациента!

– Какое спасай? Он меня типа тоже записал в эти... в свидетели не знаю кого.

– Причем наблюдается сразу двойное помешательство: Женька тоже с ним.

– Димон! – взмолился Володя, движением руки оборвав нестройный хор. – Скажи честно, ты зачем все это придумал? Пошутить над нами решил?

Димыч сразу обмяк, словно неудачная попытка стоила ему всех оставшихся сил. Дрожащими пальцами он снял очки и протер их.

– Народ... чуваки! А почему вы не говорите, что, мол, шутка затянулась? – схватился он за последнюю соломинку. – Почему не спрашиваете, зачем я уже *второй раз* одно и то же говорю?

Снова воцарилась тишина; теперь уже точно никто ничего не понимал. И лишь по лицу Димыча чуваки догадывались, что он не шутит.

– Ты к чему это, Димыч? – спросил Генка. – Какой второй раз? А когда был первый?

– Вчера поздно вечером, перед сном. Когда после того, как фикус обвалился, мы с Женькой в лес ходили... Уж это-то вы, надеюсь, помните? Про фикус?

– Как не помнить? Мы ж чуть не сгорели тогда! – Володя посмотрел на Димыча участливо, как на неразумного ребенка.

– Так вот, мы с Димой потом пошли в лес! – вставила Женя. Ей было невыносимо видеть, как Димыч мучается. – А в лесу был этот костер... второй костер, не наш. То есть вначале мы думали, что он наш, потому что все очень было похоже – шатер, поляна, песни у костра. Все, как у нас. Только немного не так, потому что... Потому что у того костра все друг друга любили, а у нас – нет. – Женя не знала, зачем она это сказала; вышло само собой. В глазах собеседников сквозь изумление проступило любопытство. – И это было так удивительно, так чудесно! Мы сразу захотели туда, к ним, посидеть, попеть песни. То есть мы думали, что к вам, что это вы сидите... – Она кинула жалобный взгляд на Димыча. Он сидел, уронив голову на руки, и не смотрел на нее. – И мы уже было к ним совсем подошли, как вдруг видим: напротив нас, за другим деревом, стоит Яна...

– Чего? Кто стоит? Я стою?!

– Женька, уймись! Она никуда...

– И ты тоже смотрела и слушала, а потом подошла и стала петь вместе с ними! – повысила голос Женя. – А потом мы вдруг увидели, что ошиблись, что это не наш костер, а что наш – левее, и пошли туда... Потому что мы подумали, что это как раз не наш, потому что тот, с песнями, был наш... – Женя чувствовала, что сбивается, и говорила быстро, почти скороговоркой, чтобы ее не могли прервать. – Но когда мы пришли к другому костру, то оказалось, что это как раз наш, а тот, с песнями, получается, был не наш! И тогда...

– И тогда мы стали задавать вам всем такие же вопросы, как сейчас, и получили примерно такие же ответы, – подытожил Димыч. Теперь, когда все было сказано и терять стало нечего, он снова воспрял душой. – Вы так же отпирались и возмущались. Говорили, что я сошел с ума, и тэ дэ и тэ пэ. А ты, Володя, пообещал сегодня с утра типа серьезно со мной обо всем этом поговорить. Но почему-то забыл. А сейчас забыл даже о том, что я уже все это у вас спрашивал, а вы возмущались. Точнее, сделал вид, что забыл. И вот это уже совсем интересно. Получается, нельзя не только говорить о *другом* костре, но и вспоминать, что кто-то о нем уже говорил. Из этого я лишний раз делаю вывод, что мы с Женькой не сошли с ума, что другой костер действительно существует, и вы его от нас упорно скрываете!

Молчание на этот раз висело мучительно долго. Сотрапезники с выражением переглядывались между собой. Даже руководитель, обычно не страдавший сомнениями, сейчас не знал, что сказать.

– Вообще-то, никакой логической связи я в твоём суждении не вижу, – нерешительно заметил Генка, кашлянув.

– Значит, по-вашему, мы сумасшедшие? – Димыч вспыхнул.

– Я этого не сказал, просто...

– Данила! – перебил Димыч, повысив голос. – Ты продолжаешь утверждать, что не видел никакого костра?

– Блин, Димон, ну конечно, не видел! – Данила робко

улыбнулся, надеясь, что ситуация еще может обратиться в шутку. Но не тут-то было.

– А ты, Яна? Ты отрицаешь, что ходила вчера к костру, а потом, когда мы тебя об этом спросили, ты сказала, что ничего не было?

– Я ничего не говорила... Но если бы я и говорила, то так бы и сказала, потому что ни к какому костру я не ходила!

Яна всерьез разозлилась.

– Хорошо, отлично! – Димыч смирился с поражением, и продолжал опрос для проформы. – Володя! Ты продолжаешь утверждать, что вчера я не спрашивал ни про какой костер, и ты мне не отвечал?

– Да, блин, продолжаю!! Димон, если ты не прекратишь, я тебе...

– В лоб дашь? Спасибо, ты вчера уже обещал. Точнее, в ухо. Но не дал.

– А сегодня дам! Вот прямо шас дам, если не уймешься!

– Так ты обещал дать вчера?

– Бл...ь, не обещал я!

– Все ясно, спасибо. – Димыч залпом допил оставшийся чай, опустил кружку в свой мешок, ссыпал туда же недоеденный перекус и поднялся. Стараясь не выдавать дрожь в руках, он рывком подтянул рюкзак, сунул туда мешок, застегнул клапан и вскинул рюкзак на колено.

Женя, поняв, что он делает, тоже поспешно засобиралась.

– Далеко ли направились? – холодно изрек Володя, наблю-

дая за ними.

– На перевал. Куда же еще? – Как ни старался Димыч быть спокойным, голос его срывался. – Маршрут есть маршрут. А говорить нам больше не о чем.

...

После полудня ветер все-таки разгулялся, хотя и не так, как мог бы. Димыч молча шел вперед, не оглядываясь. Женя шагала след в след, прячась от ветра за его рюкзаком. Димыч, хоть и устал тропить один, не сбавлял темпа. Они шли вдоль склона хребта, почти касаясь края леса – разреженной россыпи елок, укутанных снегом – но все же не спускались вниз, чтобы не терять высоту. Женя тоже старалась не оглядываться. Только один раз, когда ее спутник заложил резкий поворот, обходя елочку, она невольно посмотрела назад. Вдали, едва видная в тумане поземки, тянулась вереница рюкзаков. Ссора – ссорой, но Володя не стал отказываться от готовой лыжни. Догнать Димыча группа не пыталась; он, в свою очередь, налегал изо всех сил, чтобы расстояние не сокращалось.

– Они идут за нами! – Женя напрягала голос, чтобы перекричать ветер.

– А что им еще делать-то? Из принципа другую лыжню тропить? Конечно, за нами пойдут.

Общее направление, общая лыжня – это создавало иллюзию того, что все в порядке и ничего экстраординарного не произошло. Со стороны могло показаться, что два сильных

«лося» просто обогнали группу и тропят за всех в свое удовольствие. Но ведь когда-то это закончится, думала Женя, и они все соберутся на стоянке. И там им волей-неволей придется посмотреть друг на друга и что-то сказать. Она с замиранием сердца ждала, что же это будет. По упорному, мрачному молчанию Димыча она догадывалась, что его беспокоит то же самое.

Вот и перевал. Погруженная в невеселые мысли, Женя не заметила, как поднялась на его обледенелое, кое-где каменистое ложе. Ветер засвистел сильнее, пытаясь заглушить тревоги. Но ему это не удалось. Женя даже не вспомнила о том, что ей холодно, и что вообще-то полагается устать. А когда лыжи, преодолев седловину, мягко заскользили вниз, она забыла, что боится крутизны. Прежние страхи были ничтожны в сравнении с непостижимой загадкой, что следовала за ними по пятам в лице шести лыжников – недавно еще знакомых, а теперь странных и чужих. Так они добрались до леса. Димыч остановился и нехотя оглянулся на перевал. На склоне, в разрывах метели показались серые точки. Они спускались вниз зигзагами – точно по димычевой лыжне.

Еще через два часа Димыч стал искать стоянку. Два ручья – точнее, два чуть заметных желобка в снегу – сливались в неширокое, но уже явное русло заснеженной речки. По плану группе надлежало встать именно здесь. Оставалось отыскать подходящее место. И оно быстро нашлось: ровная поляна, окруженная хороводом деревьев, как будто специаль-

но посаженных для того, чтобы растягивать на них шатер. Женя и Димыч, не проронив ни слова, и даже не глядя друг на друга, старательно вытоптали лыжами площадку. Потом, меняясь по очереди, выкопали яму под костер и натянули тросик для котлов – тоже в совершенном молчании. Незачем было говорить; оба и так знали мысли друг друга. Мысли эти были таковы: «Вот сейчас придет группа. Как они посмотрят на нас, что скажут?» – «Не знаю. Будь, что будет».

Димыч расчехлил длинную двуручную пилу. Не сговариваясь, они направились в лес, высматривая сухие кроны деревьев. Женя нашла сушину первая; остановившись около нее, она негромко позвала. Димыч подошел. Прищурившись, он оглядел ствол хозяйским глазом и даже зачем-то похлопал по коре рукавицей, после чего передал Жене ручку пилы. Перед тем, как начать пилить, она успела подумать, как не похож стал Димыч на себя самого трехдневной давности. Совсем иначе он вел себя тогда, отправляясь пилить дрова, и совсем иные вещи говорил, если она, Женя, случайно оказывалась рядом. Как много всего переменялось за эти дни! Кажется, что годы прошли... Но это промелькнуло в ее голове мгновенно, потому что пила уже въелась в сухую древесину и пошла наискосок – вжик-вжик! – прогрызая себе дорогу к кажущейся безнадежно далекой противоположной стороне ствола. Сначала было легко, потом стало трудно, потом невыносимо, потом трудно, но уже выносимо. А потом Женя и вовсе забыла об усталости и думала только о том, что

пила близка к финишу и нужно принять меры, чтобы падающее дерево не задело ее. Все вышло благополучно: крона сосны качнулась в вышине и пошла вниз, набирая скорость, а потом мягко шлепнулась и затихла. Все в том же молчании они обрубали и обламывали сучья, а после, усевшись на коленях в снег, принялись пилить ствол на куски. Тем временем наступил вечер: небо из голубого стало перламутровым, а снег из белого – серым. Димыч развел костер и повесил растапливать котел со снегом. И в этот момент на тропе показались фонарики. В сумерках они светили слабо, как первые звездочки.

– Ого, как тут нас встречают! – издали приветливо загудел Володя. – Уж и костер тебе, и котлы... Да и дрова на подходе! Ребят, надо было вам и шатер выдать. Чтоб мы пришли – а все уже постелено.

– Ага, и спальники наши пусть тащат! – подхватил голос Пети.

– А что, мне нравится! – весело поддакнул Данила. – Говорят, буржуи за границей так в коммерческие походы ходят. Идут себе налегке, приходят в домики, а там уже все натоплено, еда приготовлена, все дела...

– Турфирма «Димон и Ко»!

– Интересно, кто эта «Ко», хе-хе?

– Да вот она сидит, не видишь? Димыч умеет воспитывать подрастающее поколение. Димыч, научи, как ты это делаешь?

Поляна наполнилась говором и смехом. Народ снимал лыжи, довольный тем, что путь до тепла на сей раз короче, чем обычно. Володя лично возглавил постановку шатра. Мужской работы на всех не хватало: большая ее часть уже была сделана первоприбывшими. Данила, взяв топор, пристроился колоть напиленные чурки. Яна осваивалась около костра – своего уютного рабочего места. В этот вечер она была дежурной по кухне. Остальные неторопливо переодевались, что редко могли позволить себе в обычные дни, когда все приходилось делать в спешке, и добродушно перешучивались. И только два человека – Димыч и Женя – сидели, не шевелясь, над бревном, и широко раскрытыми глазами смотрели на товарищей. Пила перестала визжать и повисла, зажатая в надрезе ствола.

– Чуваки, если устали, могу сменить! – предложил Генка, остановившись рядом.

– Да нет... ничего... мы не устали... – почти хором пролепетали оба и снова схватились за ручки пилы.

«Они ни слова не говорят *об этом!* Как будто ничего и не было!» – сказал взгляд Жени, когда их глаза снова встретились.

«Уже третий раз! Третий раз они все забывают!» – беззвучно кивнул Димыч.

Вжик-вжик! – пела пила.

«Опять прикидываются? Снова?».

«Я уже ничего не понимаю». – Димыч сильнее налег на

пилу.

Как будто неведомый ластик аккуратно, шаг за шагом, стирал из жизни товарищей все, что было связано с таинственным костром.

– Ты так бежал, что я весь вспотел аж! – продолжал Генка. – Куда торопиться-то было?

– Я ж вам говорил – это он, чтобы подольше с дамой побыть, ха-ха, – отозвался из шатра Володя. Он слышал разговор. – Ай да Димон! Ну и проказник. А ведь и не скажешь с виду.

– Да и по Женьке не скажешь, – вполголоса сказала Яна Кате, но так, чтобы Женя слышала. – То вся из себя обиженная: мол, Димыч такой-сякой. А то на тебе – они уже и парочкой ходят.

– Не только ходят, а бегают!

– Короче, народ, с этого дня тропежка отменяется, – объявил Данила, ставя одну на другую чурки и примериваясь топором. – За нас всех теперь Димыч тропить будет. У него это... дополнительная энергия включилась.

– Ага, сила любви! – захихикал Петя.

Публика замолчала, смущенная слишком откровенным намеком. Но так как Димыч не издал ни звука, продолжая с остервенением пилить, все быстро успокоились.

– Ну а что? Всякую силу нужно к делу приспособливать! – закруглил Данила, с размаху ударив топором. Толстое поле-но разлетелось на две ровные половинки.

Вдруг Димыч остановился. Брошенная ручка пилы задрожала в воздухе.

– Ребята... – начал он, стараясь не смотреть на Женю, которая всем видом умоляла его замолчать. – Ребята! Да вы что... вы правда забыли, почему мы вперед убежали?

– В каком смысле забыли? – Генка удивился его тону. – Да ты разве сообщил нам, что это на тебя нашло? Как вдруг понесся ни с того, ни с сего. А Женька – за тобой. Откуда ж нам знать, почему?

– Ага! – согласился Володя. – Я еще ору: Димон, куда то-ропишься-то? И мужики тебе кричали. А ты чешешь себе вперед и не слышишь.

– У него серьезное дело было, – опять хихикнул Петя, подмигивая.

– Нет, мы в принципе не против, если ты за всех нас лыжную тропить будешь, но все-таки предупреждай в следующий раз.

– Народ! – Голос Димыча стал жалобным. Он отмахнулся от Жени, отчаянно делавшей ему знаки. – Так вы правда не помните, *о чем* мы сегодня с вами говорили?

Народ переглянулся с непонимающим видом.

– Это когда? Когда обедали, что ли?

– А о чем мы говорили?

– Может, мы чего не поняли? А то правда, смотрю, Димон чё-то больно быстро собрался и тропить побежал. Димыч, ты чего, обиделся на что-то?

– Неужто на перекусе тебе недодали? – заржал из шатра Володя, и остальные подхватили.

Димыч посмотрел на Женю и устало вздохнул.

– Ладно, проехали.

И пила завизжала громче прежнего.

«Не врут! Говорю тебе – не врут. Иначе бы они хоть как-то, но себя выдали», – говорил его взгляд из-под низко на-двинутой шапки.

«Но как они могли забыть так быстро? Ведь всего несколько часов прошло», – вопрошала Женя.

Димыч еще ниже склонился к бревну.

– Ребята, к вам надо динамо-машину прикрутить! А то вы сегодня больно резвые.

– Используем энергию любви для практической, так сказать, пользы.

– Ага, не пропадать же добру, аха-ха!

– Димка! – слабо позвала Женя сквозь шум. – Мне страшно.

Димыч поднял голову. В свете фонаря на щеке его напарницы блеснула слеза.

– Я больше не могу, Димка... Я не понимаю, что с нами происходит. Помоги мне! – Она закрыла лицо грязными рукавицами.

Димыч мигом отбросил пилу, перегнулся через бревно и бережно отвел ее руки. Потом тщательно вытер ей слезы своими рукавицами, оставляя разводы сажи.

– Потерпи до вечера. Мне кажется, сегодня что-то прояснится.

...

– Я ему говорю – совсем, что ли, охренели? Или поднимаете зарплату, или ищите другого дурака, Я вам не папа карла, чтобы забесплатно перерабатывать. Стоят такие, молчат, переглядываются...

– И что? Уволили?

– Хрен тебе, повысили! А где они замену найдут, да еще в конце года?

– Нормально так! Молодец.

– Данилыч, а ты, оказывается, акула капитала, – улыбаясь, протянул Генка. Он устроился на коврике прямо у костра. – Во как начальство нагибаешь.

– А по-другому, знаешь, с ними нельзя! Я как-то пока не готов благотворительностью заниматься.

– Вот молодежь! Для вас главное – деньги, – говорил себе под нос Володя, проверяя струны. – Я вот как пришел после института в наш отдел, так и пашу до сих пор. И ничего. На жизнь хватает, на походы – тоже. А чего еще надо?

– Да понимаешь, как-то пожить надо, человеком себя почувствовать! – Данилу задело за живое. – Чтоб не трястись над каждой копейкой. В конце концов, самоуважение тоже надо иметь.

– А я, по-твоему, себя не уважаю?

– Мужики, мужики, спокойно! – шутливо, но строго пе-

ребил Генка. – Володя себя очень уважает, и Данилыч тоже. Это просто разные взгляды на жизнь. Мы это уже сто раз обсуждали, и предлагаю тему закрыть...

– ...а я точно такой же видела, только черный и с бретельками. И прикинь, сразу уже за полторы. Только за один цвет!

– Ага, деньги из воздуха делают. Себестоимость – нулевая.

– Я все это понимаю, но черный все-таки прикольной, я бы взяла. Но мне в принципе непонятно, почему серый за тыщу двести, а черный – за полторы?

– Рынок, девушки, рынок! – вмешался Петя в дамскую беседу. – На черные лифчики спрос больше.

– О чем это вы там? О каких-таких лифчиках? Вы там не рано ли раздеваться собрались, а? У нас тут зима пока что, холодно!

Яна и Катя сконфуженно засмеялись.

– Володь, ты же сам сегодня предлагал пляжную фотосессию. Забыл?

– А я, честно говоря, и от тепла бы не отказалась. – Яна пыталась разглядеть себя в маленьком зеркальце, но освещения от костра не хватало, и она мазала лицо кремом на ощупь. – Тут, конечно, хорошо, но в какой-то момент организм говорит – все, хватит. Нужен душ, нужна нормальная еда и прочее.

– Ага, вот и мой организм то же говорит!

– Эх, девчонки-девчонки! Не выйдет из вас полярных ис-

следовательниц, – в который раз печально покачал головой романтик Володя.

Мороз был небольшой – всего три-пять градусов. Угревшись у костра, народ не спешил расходиться по спальникам. Вечерние приготовления – шитье, ремонт, неизбежную заклеюку пластырем стертых ног – делали прямо на улице. Спарку, в которой ночевали Катя, Женя и Димыч, решено было снова разобрать на отдельные спальники. Катя заявила, что ей и вчера было жарко, а сегодня она точно вылезет вся мокрая.

– Если хотите, можете сами себе спарку сделать, на двоих, – криво улыбнулась она, поглядывая на Женю и Димыча, сидевших рядышком.

Петя снова прыснул от смеха, и все взгляды устремились на них. Но «сладкая парочка», как их уже успели окрестить, никак не отреагировала. Погруженные в свои мысли, они смотрели в темноту.

– Ты что-нибудь видел? – в который раз шепотом спросила Димыча Женя, хотя знала ответ.

– Нет. Наверное, *он* появится, когда все в шатер залезут. Как в тот раз. Ребят! – позвал он громко. Он не знал, что вокруг как раз говорят о них, и удивился, услышав взрыв хохота. – Может, уже спатеньки, а? Завтра хоть и вниз по долине, а километраж-то большой.

– Хочешь спать – так иди. Кто тебе мешает? – лениво ответил Володя. – А я вот хочу в кои-то веки у костра

спокойно посидеть. Когда у нас в последний раз так хорошо было? Все или спешка, или мороз, или дров нету, или шатер ломается. Одни страсти-мордасти.

– В шатре воняет, – хмыкнул Данила. – Вот было б еще потеплее, так я бы на пенке тут бы и заночевал.

– А что, заночуй! У нас так было, случались герои. Вот, помнится, на Алтае...

– Ну... э-э... как-нибудь в другой раз.

Снова раздался смех, и все забыли о Димыче. А они с Женей продолжали разглядывать черные провалы между деревьями. Каждый со страхом, но и с вожделением ожидал увидеть там далекий огонек. Однако ночь оставалась непроницаемой. Если сверкала где-нибудь искорка, то оказывалась холодным отблеском снежинки, отразившей луч фонаря.

– А может, *он* сегодня и не появится? – Женя с надеждой взглянула на Димыча.

Он покачал головой. Женя вздохнула. Увы, оба знали, что даже если костер на сегодня оставит их в покое, это не принесет утешения. Им было не просто страшно: измученная душа требовала разгадки тайны. Они и боялись, и ждали этого костра. Сейчас только он мог доказать, что они не сошли с ума, и что все, что они видели в течение трех минувших ночей, действительно существовало. А еще – можно будет наконец-то предъявить доказательство друзьям, которые то ли договорились лгать им, то ли и вправду впали в слепоту и забытье. Костер, пожалуйста, не приходи сегодня! – Нет,

пожалуйста, приходи! – стучало сердце. О том, чтобы пойти спать одним, оставив здесь неведающих (а вдруг все-таки они не лгут?) товарищей, не могло быть и речи. Что, если *он* появится в их отсутствие? Что тогда будет с ребятами?

– А вдруг *он* с той стороны горит, за шатром, а мы и не видим? – спросила Женя. Ей очень не хотелось проверять. Однако она знала, что придется это сделать.

– Угу. Надо обойти лагерь по кругу. Пошли, может, что и увидим.

Слава Богу, Димыч тоже не хочет уходить далеко. Приободрившись, Женя поднялась вслед за ним.

– Хе-хе, вы попарно теперь в туалет ходите? – бросил Данила, провожая их взглядом.

– Ни минуты друг без друга не можем! – пискнул вдогонку Петя.

Еще засветло, придя на стоянку первыми, Димыч и Женя поставили свои лыжи в стороне. Они не попались на глаза Володе, и благодаря этому оказались не задействованы в растяжке шатра. Димыч с Женей не планировали этого, однако теперь у них появилась свобода передвижения. Стоило этим воспользоваться. Неторопливо пристегнув лыжи, Димыч задумался, откуда им начать. Так ничего и не придумав, он направился в сторону сегодняшней лыжни – там тьма казалась черней обыкновенного. Женя слегка замешкалась. Димыч успел отойти метров на двадцать и уже частично скрылся за елкой. И вдруг он замер. Его поднятая с палкой рука завис-

ла на фоне черного воздуха. Не понимая, что происходит – впереди не было ничего, ради чего стоило бы останавливаться – Женя резво побежала за ним. Сначала она тоже видела лишь тьму и димычеву спину, освещенную ее налобным фонарем. Поравнявшись с ним, она открыла было рот, чтобы спросить, что случилось, и тоже застыла в немом изумлении. Димыч растерянно повернул голову назад, потом снова вперед, и снова назад; ей тоже захотелось это сделать, потому что... Потому что впереди, метрах в десяти от них горел костер и сидели их товарищи – Володя, Данила, Яна, Петя... Но ведь костер должен быть сзади! Женя вцепилась в руку Димыча.

– Ты тоже... видишь это?

– Он развернулся... наш костер... – прошептал он не своим голосом.

Несколько секунд они стояли, держась друг за друга и тяжело дыша. Между тем сидевшие у костра не замечали не только их замешательства, но и их самих. Генка с Яной о чем-то весело болтали (что никогда меж ними не водилось). Петя внимательно рассматривал что-то в руках у Кати и как будто давал дельные советы. Данила, с небывалым для него выражением лица, через костер просил Володю спеть какую-то песню. Женя не расслышала, какую именно, но когда Володя с воодушевлением ударил по струнам и запел, а другие тотчас восторженно зааплодировали, Женя изумилась еще больше, потому что это была «Что я натворил» Арика

Крупна, которая прежде не входила у Данилы в список любимых, и он в жизни не стал бы ее заказывать. Грянул слаженный хор, которого в их группе никогда не бывало. Глаза поющих радостно заблестели, все сразу отложили свои дела. Громче всех подпевал Данила, размахивая в такт рукой.

В первое мгновение Женя подумала, что у нее кружится голова; иначе нельзя было объяснить, почему костер и товарищи вдруг переместились в пространстве. Но сразу же ее пронзила другая мысль.

– Они поют... как те, другие! У *того* костра, – прошептала она.

– Это и есть другие, – еле вымолвил Димыч.

Страх сковал Женю с головы до ног. Если бы не рука спутника, она, наверное, бессильно сползла бы на снег.

– Бежи...

Димыч помотал головой.

– Нет. Мед-лен-но от-хо-дим.

Они сантиметровыми шажками поползли назад, не сводя глаз с костра. Никто из поющих не обернулся. Володя, Данила, Петя. Яна, Катя, Генка... Они словно забыли о том, что в их группе есть еще два человека. Взгляд Жени случайно упал на дальний край кострового круга: там, скрытый языками пламени, сидел кто-то еще. Да, пожалуй, и не один. Кто же это?.. Боже, не может быть, чтобы...

Это был уже не страх; и Димыч, и Женя утратили способность бояться. Какой-то нечеловеческий инстинкт спасения

подхватил их и заставил совершить прыжок спиной вперед. Очнувшись через мгновение, Женя обнаружила себя лежащей ничком в снегу. Рядом возился, пытаюсь подняться, Димыч.

– Чё, уже и ноги не держат? – вяло усмехнулся Данила. – Стояли-стояли за деревом, и вдруг хоба – так назад и полетели. Волка, что ли, увидели?

Ошалело подняв голову, Женя не сразу пришла в себя.

– Вы... здесь? А кто же тогда там...

– Блин, а где нам быть-то? – удивился Володя.

– Не, это точно любовное помешательство, хе-хе.

– Ян, спасай участников лыжного похода! На тебя вся надежда.

– Эй, я доктор, а не психиатр!

Понеслись новые шутки. Данила утверждал, что психиатрия в спортивных походах – самая нужная медицинская специальность. Неплохо бы даже завести своего психоаналитика, чтоб таскал кушетку в саночках. Тем временем Димыч, проворно выбравшись из снеговой ямы, отвернулся и уставился в темноту.

– Они там? – спросила Женя, боясь поднять голову и посмотреть в ту же сторону.

– Нет, никого. Только деревья.

– Он исчез? Там больше нет костра?!

– Больше нет.

Димыч снова обернулся, проверяя, на месте ли *настоя-*

щий костер, или тоже исчез. Но костер не исчезал. Походники, уже вернувшись к своим делам, изредка косились на них с Женей и посмеивались.

– А *этот* костер... он – точно наш? – взмолилась Женя, все еще не решаясь взглянуть.

– Точно. Вставай.

Димыч помог ей встать на ноги и отряхнул. Она осторожно, заранее готовясь к худшему, подняла глаза. Да, все на месте. Яна, Катя, Володя... Сделав над собой усилие, она перевела взгляд в противоположную сторону, где только что был *второй* костер, с песнями... И только сейчас осознала, что песен больше не слышно. За деревьями не было ничего – ни костра, ни звуков.

– Но где же он?..

Димыч, пошатываясь, снял очки и попытался их протереть.

– Это было видение, да?

– Наверное.

Женя набрала в легкие побольше воздуха и медленно выдохнула. Видение – это хорошо. Это самый лучший вариант, да. Но что-то продолжало свербить сердце. Ах да, вот это...

– Димка! А ты видел... В общем, там, в дальней части костра, помнишь? Те, которые...

Она замолчала; страшно было произнести это вслух. Но Димыч все понял без слов.

– Те, что сидели по другую сторону – это были... мы с

тобой.

– Мы? С тобой?! Но как...

Димыч закончил размазывать грязь по стеклам и водрузил очки на нос. Потом, подойдя боком на лыжах, положил руку ей на плечо. От костра донеслись смешки, но он не обратил внимания.

– Да. Женя, успокойся. Да, мы только что видели призрака нашего лагеря, и всех наших там видели, и нас с тобой – тоже. Это были... наши двойники. Нет, не спрашивай! Я не знаю, как это возможно. Может, тут какие-то подземные газы выделяются, и от них получаются галлюцинации... Не знаю. Главное, что они уже исчезли, ты видишь? – Он, пытаясь улыбнуться, указал в темную чащу. Рука дрожала. – Я думал, только в пустыне миражи бывают, а оказывается – на севере тоже.

– Мираж? – Женя посмотрела в темноту, желая удостовериться, что кошмар и впрямь пропал. – Но почему только *мы* его видели? И почему слышали только мы? Почему наши не...

– Эй, голубки, вы бы хоть в сторонку отошли миловаться-то! – крикнул Володя. – Если что, вас из-за елки видно.

– Да вы лыжи-то снимите! А то ведь неудобно, ха-ха.

Димыч помолчал.

– Н-не знаю, почему... Хотя погоди!

Не слушая Володю, словно тот вместе с товарищами тоже был миражем, Димыч отпустил Женю и медленно шагнул

назад – туда, откуда был виден *второй* костер.

– Не ходи! – зашептала Женя.

– В том-то и дело. Я хочу проверить... Иди сюда!

С трудом передвигая непослушные ноги, она перешла к Димычу и снова схватилась за него. Димыч посветил фонарем по снегу.

– Видишь, где мы стояли? Примерно тут.

– Ага, вижу... Но я туда не пойду!

– А костер был во-от там.

– Там сейчас ничего нет.

– Правильно. А если мы снова встанем на *то* место? И точно так же развернемся?

Женя молча замотала головой, но Димыч настойчиво тянул ее за собой. Как она не упиралась, ей все же пришлось передвинуть лыжи. Потом еще немного. И тут перед ними возник костер. Это произошло так быстро, точно в кино сменился кадр. Была чернота – стала картинка. Она была такой же, как минуту назад, словно они никуда не уходили: вторая группа все так же сидела тесным кружком и громко распевала под гитару. Вот второй Генка, вот Данила, вот Володя. Звуки песни включились мгновенно, заполнив собой лес. Казалось невероятным, что около *первого* костра их не слышат. Более того – Женя прислушалась – здесь, в зоне *второго*, не было слышно первого! Как будто они стояли на границе, которую не мог преодолеть звук. ... А вдруг, если они останутся здесь подольше, то не смогут вернуться к своим?!

Подумав так, она тут же рванулась назад. Но Димыч удержал ее.

– Тише, они услышат нас! – От страха она не узнала собственного голоса.

– Нет. Не увидят и не услышат. Это же видение.

– Точно видение?.. Ты уверен? – Женя с трудом соображала. – Значит, можно просто подойти и пройти сквозь них, и ничего не будет?

– Гм... Теоретически можно. Но как-то не хочется. А вдруг я все-таки не прав...

Женя посмотрела на *первый* костер. Да нет же, он явно отодвинулся, стал меньше и слабее. Здесь точно граница! Настоящие Володя, Петя и Данила будто бы потускнели и отъехали во тьму. А мираж, наоборот, был ярким и громким, словно пытался переспорить реальность. Теперь здесь пели «Держись моя столица, зеленый океан» [2]. Второй Володя, зажмурившись, вдохновенно бил по струнам. Вдруг позади костра мелькнула тень: кто-то, сидевший в дальнем углу, поднялся на ноги.

– Дим...

Она не успела выговорить, как все пропало: это Димыч сгрел ее в охапку и оттащил назад. Снова воцарилась тишина. Костер погас.

– Ты видел?!

В вышине на морозе потрескивала ветка. Издалека доносились разговоры группы – теперь уже настоящей.

– Да, видел. Те, что сидели в дальнем углу – это были наши с тобой двойники. Мы их чуть не увидели.

– Мы не должны их видеть! Это – самое страшное!

Женя, которая прошла через все уровни страха, почему-то была уверена, что увидеть саму себя – это предел, который ей нельзя пересекать. Иначе – смерть.

– Не должны. И они, – Димыч мотнул головой в сторону настоящего костра, – не должны.

Женя тоже посмотрела туда: их костер снова приблизился.

– А ты заметил, что когда мы были *там*, наш костер как бы уходил? Как будто еще чуть-чуть – и совсем исчезнет.

– Да. Я думаю, тут какая-то особая зона. Пространство искривляется, или... Не знаю, как это объяснить. Такой пространственный мешок. И вход в него – вот именно там, где мы стояли, за елкой.

– Точно, искривленное... Как кривое зеркало. – Она задумалась. – Вроде бы отражает, все как есть – лагерь, людей – а все-таки по-другому.

– Ну да. У этих, у призраков, все друг друга любят. А у нас никто даром друг другу не нужен.

– Выходит, в этом зеркале мир лучше, чем на самом деле? Димыч пожал плечами.

– Значит, нам не нужно их бояться?

– На всякий случай лучше бояться.

– ...Эй, вы спать сегодня собираетесь? – позвал Володя.

С трудом, как через преграду, его голос достиг слуха стоящих под елкой. Еще раз, словно на прощанье, они посмотрели в темноту – там было все так же пусто – и развернулись к своему лагерю. У костра остались только Володя с Петей; остальные уже перебрались в шатер. Володя застегивал пуховку и осматривался. У Жени заколотилось сердце: она догадалась, что он собирается сходить «до ветру». Наиболее предпочтительной тропой в лес была как раз та, где они стояли. А дальше – ель, а за ней...

– Димка! – она потянула Димыча за рукав. – Он же сейчас увидит *этих*!

– ...Ребят, вы чего стоите, как статуи? Не окоченели еще? – спросил Володя, поднявшись.

Недолго думая, Димыч растопырил руки, словно собирався обхватить целый сугроб, и неловко обнял Женю. От неожиданности она больно ткнулась носом в металлическую заклепку на его груди. Она хотела было спросить, зачем это, но тут же поняла: Димычу пришло в голову изобразить влюбленных, чтобы отвести Володю от похода в запретную сторону.

– Ну, блин, голубки! Хоть бы постеснялись, – недовольно пробормотал руководитель. Но делать было нечего, и он зашагал в противоположном направлении.

Петя тоже поднялся. Поглядев на «голубков», он выразительно вздохнул и направился к шатру. Димыч, продолжая стискивать Женю в объятиях, тайком не сводил с него глаз.

Лишь когда петин зад скрылся в складках входа, он расцепил руки.

– Знаешь, что? Навалим-ка веток, чтобы здесь никому ходить не хотелось.

Неловко ступая на лыжах (он так и не догадался их снять), Димыч подобрался к куче хвороста, который сам же нарубил, и отгреб половину. Откинувшись назад от тяжести, роняя по пути ветки, он перенес кучу поближе к ели и вывалил на снег.

– Все. Теперь они туда не пойдут.

Женя, не отрываясь, смотрела на ветки и на Димыча, а потом встрепенулась: ей пришла в голову новая мысль.

– Ты говоришь, что это мираж... Но вот другие – Яна, например – они в этот мираж входили и выходили. Как же так?

– А кто его знает? – Димыч взбивал руками кучу, чтобы она казалось непролазной. – Может, они и не входили, а нам все привиделось.

– И Яна привиделась?

– Ну, нет. – Димыч запутался. – Она, думаю, видела то же, что и мы. Потому и стояла обалдевшая. А потом она вошла в зону миража, и нам привиделось, что она с *ними* общается... Но этого всего уже не было. Да, вот, точно! – Он обрадовался внезапному открытию. – Знаешь, почему они все не помнят, что видели? Да потому что подходили слишком близко!

– К костру?

– К тому месту. Костра же никакого нет. Но там, определенно, что-то такое выходит на поверхность. Газы всякие ядовитые, миазмы... Так вот, те, кто слишком близко подошел к источнику этой дряни – им так в голову шибает, что вообще память отключается. Как, знаешь, красный лучик в «Людах в черном»!

Он просиял. Хаос наконец-то сложился в понятную схему.

– А мы, получается, помним потому, что не подходили близко к источнику?

– Именно так!

Женя отодвинулась подальше от ели.

– Так выходит, тут везде эта... патогенная зона? По всему нашему маршруту?

– Получается, так.

– Но ведь раньше никто о таком не говорил. Ну, кто тут ходил раньше. Не писали нигде...

Она запнулась, поняв, что димычева концепция вполне объясняет заговор молчания: все туристы, проходившие этим маршрутом, попадали в зону действия «миазмов» и забывали все, что видели. Конечно, он прав! Слава Богу, наконец-то все стало ясно.

– Может, им тоже память поотшибало. Не все же такие пугливые, как мы с тобой. Небось, они сразу перли к костру, ну и забывали все напрочь. Вот и некому было рассказывать. – Димыч усмехнулся. – А может, знаешь, это и нача-

лось-то недавно. Типа сейсмическая активность, вулкан какой-то древний проснулся. Как на Камчатке бывает. Ну и полезли... газы из центра Земли.

– А почему именно к костру?

– То есть – почему?

– Почему они – то есть те, кто здесь был до нас – видели именно костер? Может, у них были другие видения?

– Может, и другие. Да какая разница! Может, они видели слона, или собственную маму. В любом случае, они тут же все забывали.

– А почему мы видим именно костер? – не унималась Женя. – Причем каждую ночь – один и тот же? И еще – почему у нас с тобой обоих – одинаковый мираж? Так ведь быть не должно?

Димыч нахмурился. Он почти успокоился, найдя разгадку, но Женя на беду раздула угольки сомнений. Надо было думать заново.

– Гм, почему костер? Ну, потому что мы и так постоянно видим в походе костры. И вечерний костер с людьми, сидящими вокруг – это наше самое сильное впечатление. Это тепло, это спасение, это символ всевозможных благ. ...А знаешь, что? Помнишь, мы с тобой говорили про зеркало? Что, если эти испарения... газы... они особенные? Предположим, они создают такую зону, которая действительно отражает реальность. Возникает копия предмета, который есть на самом деле. У нас в лагере есть костер – и эта зона воспроизводит

точно такой же, с такими же людьми. А дальше наше воображение наделяет их теми свойствами, которые мы хотим видеть. И вот результат – мы видим добрых любящих товарищей. А на самом деле...

– погоди. – Женя честно следовала за ходом его рассуждений, но в одном месте споткнулась. – Эти газы, то есть зеркало... Зеркало из газов... Помнишь, когда мираж видел Данила? Тогда настоящего костра уже не было, он потух. А призрачный, в березняке – был. Как же зеркало могло отражать то, чего не было?

– Э-э, это ведь все-таки не совсем зеркало. Может, оно воспроизводит реальность с отставанием? – Он понял, что опять зарывается в дебри допущений, и решил остановиться. – Короче, мы не знаем его природы, и никогда, думаю, не узнаем. Слава Богу, мы скоро отсюда уйдем. И все закончится.

– Слушай, а мы расскажем об этом другим, когда вернемся? Ведь эти испарения... это же опасно! – Женя тоже было обрадовалась, что тайна обрела разумное объяснение, но на смену мистическому страху пришел рациональный. – Представляешь, за нами сюда придут другие группы, и что же? Ведь если у них вовремя память не отобьет, они же помрут от страха. А если отобьет, то кто знает, не вредят ли эти газы здоровью? Вот даже мы с тобой сейчас...

– Знаешь, давай об этом потом подумаем. Когда отсюда выберемся. – Димыч не хотел тратить силы на страхи за

судьбу будущих туристов. Он наслаждался наконец-то обретенным равновесием, и желал продлить его подольше. – Вот выйдем в цивилизацию, тогда и будем решать. И потом, подумай – а кто нам поверит? Вот наши-то – они разве нам сильно верили? Да они через час забывали даже разговор-о-разговоре-о-костре! – Он задумался, вспомнив, что надо объяснить еще одну странность в поведении товарищей. – Кстати, это, наверное, тоже следствие газов. Небось, это был для них такой стресс, что потом все, связанное с этим миражем – даже вопросы о нем – тоже автоматически из сознания убирается. Инстинкт самосохранения, понимаешь!

– Так тем более нужно людям рассказать, предупредить...

– Я ж говорю – завтра об этом подумаем. Пока мозг не работает... Ну вот как, подумай, мы расскажем? Какие предьявим доказательства?

– Может, сфотографировать?

– *Что* сфотографировать? Мираж?! Ха-ха, попробуй. А даже если бы это удалось, что бы мы показали этой фоткой? Что сидит наша группа и песни поет?

Возразить было нечего. Оба замолчали, думая каждый о своем. Женя – о том, как это страшно, что вот стоит сделать несколько шагов, и попадешь в *тот* мир. В зеркало. А Димыч – о том, что Женька, наверное, права, и они обязаны предупредить человечество... Но как?

– Может, надо сделать так, чтобы туристы сюда не ходи-

ли? – неуверенно предложила Женя. – Ну, рассказать, что тут страшно, лавины сходят, камнеопасно...

– Ага, щас! Да это еще больше их заманит. Подумай сама – сейчас ведь мест, где нервы можно пощекотать, с каждым днем меньше становится. Даже если правду рассказать и все поверят, сюда валом повалят. Миражи, боже мой! Призраки! Тогда уж лучше наоборот, написать всюду, что тут скука, чуть ли не равнина, ловить нечего, доброска дорогая, того не стоит, лучше уж в Хибины поехать, и тэ пэ...

Они еще постояли и помолчали. Идти в шатер почему-то не хотелось. Словно единственное безопасное место во всем лесу было именно здесь, на границе двух костров.

– Димка! А мы сами, а наш лагерь? – снова встрепенулась Женя. – Это не опасно, что он здесь? Ведь мираж перемещается. Значит, эти газы выходят то в одном месте, то в другом. А не может быть такого, чтобы они вдруг прорвались точно под нашим шатром? Мы же тогда... Ты представляешь, что тогда будет?!

– Блин... – Димыч поморщился. – Не знаю, что будет. Ну, отшибет нам память на веки вечные. А может, оно и к лучшему? Ни волнений, ни воспоминаний. Как у Данилы с Яной. – Он подумал и решил, что это все-таки не самая приятная перспектива. – Короче, давай будем надеяться, что *они* не прорвутся. Уфф... Ладно. Полезли, что ли, спать.

Ночной разговор

– Хорошие дрова сегодня! Народ, не подкидывайте много.

Я аж до трусов разделся, а все жарко.

– Данилыч, а можно без подробностей?

– Нет-нет, Данилыч, гони подробности! Девчонкам интересно!

– Это Димыч с Женькой виноваты – слишком сухую елку нашли, ха-ха. В следующий раз ищите посурей!

Туристы вяло перешучивались, лежа в спальниках в ожидании отбоя. Первый ночной дежурный, Катя, уже расположилась перед печкой и даже начала потихоньку задремывать, обняв руками колени и уткнувшись в них лицом. Димыч и Женя, напротив, имели полное право принять горизонтальное положение, однако не решались. Они по-прежнему сидели в углу посреди нераспакованных вещей и чего-то ждали, глядя по сторонам и прислушиваясь. Было тихо и темно, и только костер – *настоящий* костер – догорая, просвечивал оранжевым пятном сквозь ткань шатра. Они даже позабыли разуться: ноги, как бедные родственники, не допущенные до ковриков, оставались в холодной части пола, на грязном истоптанном снегу.

– Дим, скажи пожалуйста – а ты специально не разуваешься, чтобы завтра времени поменьше тратить, а? – подал голос Володя.

– А что, правильно делает! Чтоб чуть свет бежать тропить лыжню. Уважаю, Димон! – отозвался Данила.

– Можно вообще в лыжах спать.

– Или просто не ложиться.

Повисла тишина. Димыч не торопился отвечать. Но не потому, что невнимательно слушал. Наоборот, он тщательно обдумывал володин вопрос. Что-то в нем было странное. Чего-то не хватало. Ага, вот что! После шутки руководителя обязательно должен был вступить его верный паж Петя – развить тему, или на худой конец просто хихикнуть. Но сейчас шутил Данила, а Петя промолчал. Почему же? Да потому что... его в шатре нет!

– Народ, а где Петька?

Женя вздрогнула. Действительно, где Петька?

– Петька-то? – Володя лениво оглянулся на пустующее место своего подопечного. – А, так он до ветру пошел. Давно чё-то ходит. Наверное, решил сам лыжню протропить. Слышь, твои лавры ему покою не дают! Вот зачем ты задал манеру...

– Я схожу посмотрю. – Не дослушав, Димыч поднялся. Склонившись над входом, он принялся развязывать тесемку.

Женя уже топталась у него за спиной. Скорей, Димочка, скорей! – стучало у нее в голове. Боже, оказывается, Петька уже *давно* на улице! Как это мы не заметили? А ведь где-то рядом бродит этот... мираж! Вдруг Петя его увидит?

– Да блин, оставьте вы его в покое! – сипло, сквозь дремо-

ту, пробурчала Яна. – Большой уже мальчик, не потеряется.

– Димыч, ну реально! Человек облегчиться вышел. Может, он весь вечер терпел, ха-ха. А ты его обломать хочешь!

– В своем желании спасти ближнего Димон готов идти по трупам, – слышалось из спальника Генки. В ответ раздались жидкие смешки.

Димыч наконец развязал кулиску, которая, как на беду, запуталась. Он попытался сразу распахнуть вход во всю ширь, но складки ткани подмерзли и не давались. Температура за бортом успела упасть на несколько градусов. Тогда он выставил в образовавшееся окошко сначала одну ногу, потом другую, а потом повернулся спиной и стянул с себя ворот шатра, как снимают футболку. Капрон, как занавес, с легким шорохом опустился на прежнее место. Димыч остался снаружи, а Женя – внутри. Она ждала, что Димыч освободит ей дорогу, чтобы вылезти вслед за ним. Но он почему-то не уходил: пятно костра, заслоненное его телом, не вспыхивало вновь. И скрипа снега под ногами тоже не было слышно.

– Димка, ты что там стоишь? Отойди, я тоже выберусь, – попросила Женя.

Ответа не последовало.

– Дим,пусти меня... – Она села на корточки, приподняла вход и увидела перед собой димычевы бахилы. В щелке между ними плясало пламя костра. – Можно я тоже вылезу? Дима, ну что же ты...

Чувствуя, что происходит что-то странное, но еще не зная,

как следует к этому относиться – со страхом или удивлением – она стала вылезать. Неподвижная фигура Димыча, перегородившая проход, мешала ей. Не раздумывая, она ухватилась за него, как за опору, и одну за другой выставила наружу ноги. Димыч не шевелился. Кряхтя и путаясь в ткани, которую никак не удавалось сбросить с себя, Женя начала выпрямляться. «Ну что ты встал, как этот... Ну подвинься же», – бормотала она, цепляясь за его одежду. И вдруг, высунувшись из-за димычева плеча, она застыла.

Перед костром на бревнах сидела *вторая* группа. Все были в сборе. Данила, вооружась шилом, ковырялся в снятом ботинке. Генка отхлебывал чай, вытянув ноги к огню. Володя, склонившись над грифом гитары, подтягивал струну, и при этом что-то наставительно сообщал Пете. Сидевшая напротив них Яна, загадочно округлив глаза, шептала на ушко Кате какую-то тайну. А на дальней стороне кострового круга, скрытые языками пламени, сидели еще двое – те самые, на кого нельзя было смотреть и о ком нельзя было думать. Нельзя, ни в коем случае, не поднимай головы, не смотри!.. И снова никто из группы не обращал внимания на вылезших. Как будто между ними и костром была стена, прозрачная для одних и глухая для других. Женя медленно, боясь, что движение могут заметить, повернула голову и посмотрела на Димыча. Его лицо, освещенное бликами костра, было покрыто капельками пота. Он осторожно переводил дух.

– Димыч! – Женя с трудом удержалась, чтобы не заорать

во весь голос.

В ответ он сильно сжал ее руку, призывая молчать.

– Они вернулись! – прошептала Женя насколько можно тише. – Они теперь у нас... у самого шатра... Что нам делать?!

– Бежать... Надо бежать отсюда!

Однако сам он не двигался. Сколько бы он не уверял себя, что двойники не могут их видеть, ноги отказывались повиноваться. Да и куда бежать? Проход в лес был перекрыт самым костром. Проползти вдоль стенок шатра, сгибаясь под оттяжками? Можно, но окажешься в паре метров от спин призраков. Нет, это будет невыносимо. Залезть назад в шатер? Ждать, пока они снова исчезнут? Но если...

– Димка, а если они подвинутся еще ближе?.. А если они окажутся внутри шатра? Что тогда будет?

Словно в ответ за спиной послышался шорох: кто-то собирался вылезти наружу.

– Народ, вы чего там шебуршитесь... Блин, да чё вы встали, как вкопанные? Пустите!

Володя полежал-полежал и решил, что ему, как руководителю, тоже надлежит озаботиться долгим отсутствием Пети. Он высунул голову и был весьма раздосадован, уткнувшись взглядом в женин зад.

– Места, что ли, другого не нашли, как тут целоваться? Женька, а ну уберись в сторону. Да уйди же, я сказал!

– Нет!! Не ходи! Туда нельзя! Женька, закрой ему... За-

крой проход, чтоб не было видно... Володя, сейчас сюда нельзя! – шепотом закричал Димыч. – Погоди немножко... Пять минут, и будет можно... Они скоро исчезнут... Нет, нет, не вылезай!!

Володя, сбитый с толку, на секунду замер, держа полог над головой. Женя переступала с ноги на ногу, боясь посмотреть на костер – они уже заметили нас или еще нет? – и неловко пыталась загородить руководителю обзор. Димыч, расставив ноги как можно шире, помогал ей.

– Димон, ты охренел? – тихо и спокойно, но, как показалось Димычу, невозможно громко произнес Володя. – Дай мне выйти!

– Тише, тише! – захрипел Димыч, махая руками. – Они услышат!

– Мы уже слышали, – сонно и недовольно сказал голос Яны из шатра. – А нельзя как-нибудь поспать дать, а?

– Ребятки, пожалуйста, потише... Ян, Володь, помолчите! – умолял Димыч, схватив Володю за плечи и пытаясь вдавить его обратно в шатер. – Они вас услышат! Они здесь! А-а-а... Жень, они нас заметили?

– Еще нет... – Быстро оглянувшись на призраков, Женя тоже навалилась на Володю.

– Эй, чё у вас там происходит? Чё за хрень такая? – раздалось из спальников.

– Бл...ь, вы заколебали! Играйте в ваши игры в другом месте! Пошли вон с дороги!

Володя, в гневе оттолкнув от себя препятствия – Димыч и Женя сразу отскочили, боясь сопротивлением добавить шума – вывалился из шатра сначала на колени, а затем, ругаясь, стал медленно подниматься. Его взгляд упал на костровой круг, и желавшее вырваться грубое слово замерло на языке. Он остановился в неуклюжей позе – правая нога поднята для шага, левая присогнута. На лице изобразилось детское изумление. Поняв, что неизбежное произошло, Димыч и Женя покорно расступились в разные стороны.

– Володь, Володь, ты молчи, не говори ничего, – шептал Димыч в последней надежде. – Они призраки, но если молчать, они, может быть, нас и не увидят...

Но руководитель уже ничего не слышал. Его разум прилагал нечеловеческие усилия, чтобы уложить в границы понимания то, что предстало взору. Он покосился на шатер, потом перевел глаза на костер, потом снова на шатер и снова на костер. Ему не нужно было говорить: Димыч и так дословно знал, что он думал. «Это... наши? А те тогда кто?» – читалось в его выпученных глазах. У призраков тем временем ничего не изменилось. Второй Данила был все так же погружен в свой ремонт. Второй Генка задремал, полузакрыв глаза, а девушки продолжали неслышно шептаться, игриво поглядывая на Петю... второго? Или первого? Показалось ли Жене или она додумала это позже, но второго Володи у костра уже не было. Прошло мгновение – для Жени оно тянулось мучительно долго – и рот первого Володи, так и не ска-

завший того, что хотел, наконец, захлопнулся. Лицо обрело прежнее благодушное выражение. Нога, зависшая в воздухе, плавно опустилась на снег. Поднялась другая – для следующего шага.

– Володь, не надо! Не ходи к ним!! – молил Димыч. – Они не настоящие, Володь! Они тебя... Это опасно!

Он схватил руководителя за рукав, но тот, не глядя, отбросил его руку и уверенно зашагал к костру. Димыч и Женя, не дыша, следили за каждым его движением. Шаг, еще один – и призраки заметили его. Зазвучали приветствия, хотя и не очень бурные, будто руководитель покинул группу не более чем полчаса назад. Второй Генка, проснувшись, сказал какую-то шутку – Женя не расслышала, какую – и вокруг засмеялись. Второй Данила привстал, отыскал позади себя гитару и протянул Володе. Тот протестующе замахал руками – мол, я устал, сами играйте – но его друзья радостно загудели («просим, просим!»), и Володя, славшись («ладно, но только одну!») принял инструмент. Он стал обходить костер, ища свободное место, и в этот момент Димыч и Женя увидели его лицо. Это было самое страшное из всего, что им довелось видеть в последние дни. На нем не отражалось ни малейшего удивления. Как будто он перешел в иной мир и напрочь забыл этот. В том мире были его *настоящие* товарищи, он знал их сто лет, а Димыча и Жени – не тех, что сидели у костра, радостно хлопая в ладоши, а тех, что в ужасе на это смотрели – их просто не существовало. На их ме-

сте была ночь. Руководитель выбрал удобное местечко – Яна и Петя тут же подвинулись – и стал комично втискиваться между ними, пересыпая процесс прибаутками. Все наперебой заговорили, предлагая варианты песен. Володя провел рукой по струнам, наморщил лоб, набрал воздуха и начал: «Я сердце оставил в Фанских горах». Группа радостно подхватила: «Теперь бессердечный хожу по равнинам». Полилась, возносясь к небу, мелодия.

...Димыч и Женя секунду постояли, глядя друг на друга – и вдруг, не сговариваясь, рванулись к шатру. Димыч поднял полог – Женя кувырнулась внутрь – и прыгнул следом, сразу плотно затянув за собой ткань.

– Ребята! – произнес он изменившимся голосом. – Ребята, вставайте! Вы слышите? Слышите песню?

В теплой, пахучей темноте шатра раздался шорох. Спящие зашевелились.

– А... Чего?

– Какую песню?..

– Ребята! – тише, но четче сказал Димыч. Голос его дрожал, но он пытался овладеть собой. – Пожалуйста... Проснитесь и прислушайтесь. Вы слышите песню на улице? Слышите, как Володя поет? Про Фанские горы?

– Только не говорите громко, а то *они* нас услышат! – вторила Женя.

– Кто «они»?

– Что, блин, происходит?!

– Тише, тише!! – стонал Димыч.

– Ребята, там снаружи... там Володя поет. А вокруг сидит группа... Наша группа! – пыталась объяснить Женя.

– ...двойники, призраки, понимаете?

– ...там ты, Яна, Катя. И ты, Генка. Ваши призраки сидят и поют!

– ...только молчите, а то *они* услышат...

– ...и фонарь погаси, а то увидят!

Недовольные голоса разбуженных туристов один за другим смолкли. Если не считать песню, доносившуюся из другого мира, то в шатре воцарилась абсолютная тишина. Только огонь слабо шуршал в печке, да где-то далеко наверху ветер шумел кронами сосен. Лица четверых товарищей, усевшихся в спальниках, были плохо видны, но Женя догадывалась, что за выражение написано на них. Первым пришел себя Генка. Он строго кашлянул.

– Димон... Прости пожалуйста, но я правильно тебя понял, что ты сейчас разбудил нас потому, что там, снаружи – по твоему мнению – собрались наши двойники? И что они там поют какую-то песню?

– Да, мы только что их видели! Они...

– погоди. Ты хочешь сказать, – в голосе Генки мелькнула усмешка, – что вот сейчас мы откроем вход, высунемся, и увидим компанию из меня, из Данилыча, из тебя, и далее по списку?

– Да! Там и Володя с ними. Он не знал. Он подошел и сел

к ним...

– То-то я думаю – кто это мне спать не дает? Я думала – ты. А оказывается, это рядом песни орут. Слышите, ребята? – хмыкнула Яна.

Катя хотела засмеяться, но перебил Данила – он придумал шутку посмешнее.

– Извини, Дим, а Володя – это призрак или настоящий? Вроде как в шатре-то его нет.

– И Петьки нет.

– Володя – настоящий. По-крайней мере, был, пока... – Димыч понимал, что неубедителен. Это было ужасно, но он не знал, как объяснить лучше.

– Они давно преследуют нас, почти с самого начала похода! – попробовала Женя. – Их костер все время был поблизости, на каждой стоянке. А потом исчезал.

– И все ближе, ближе к нам подходил!

– Мы вам говорили, но вы все время забыва... – Женя оглянулась на Димыча и осеклась. По выражению его лица она поняла, что про амнезию лучше пока не упоминать. – В общем, *они* приближаются. И скоро наползут на наш шатер! И тогда... я не знаю, что будет тогда!

– Гм, правда преследуют?

– С самого начала?

– Наползут на шатер?

– Призраки?

Слушатели переглядывались; слышался шепот, потом

смешок Кати.

– Ну что ж. Димон, мы видим, что все очень серьезно. – Смех усилился. – Ладно – давай, покажи нам этих демонов в человеческом облике. Или призраков, или как их там.

– Я думаю, это даже не призраки, а что-то вроде нашего отражения в зеркале, – заторопилась Женя, не расслышав иронии в голосе Генки. – Только отражение это не совсем верное. Они как бы лучше, чем на самом деле!

– Вот оно как! Лучше? Тем более стоит посмотреть.

– Это неважно, неважно! – затряс руками Димыч. – На самом деле они все равно опасны! Мы не знаем, чего они хотят, зачем подбираются все ближе. Нам нужно бежать отсюда!

– Димон, послушай...

– Погодите! – перебил Данила, подняв руку. – Чего-то я не понял. Давай-ка с самого начала. Ты сказал, что Володька там для призраков песни поет. Но прости – я что-то ничего не слышу.

Все затихли, прислушиваясь. Через секунду тишина прорвалась дружным хохотом.

– Ребята, умоляю, не надо шуметь! – В голосе Димыча были слезы. – Они же могут услышать...

– Хорошо, хорошо, Димон! – Генка знаками успокоил общество, давая понять, что при известном терпении будет еще веселей. Глаза уже привыкли к темноте, и походники видели друг друга. – Мы тебе верим. Ну да, призраки и все такое. А можно посмотреть-то на них? Ты все обещаешь, а не по-

казываешь. Развяжи вход, пли-из! Мы честное слово будем молчать, только посмотрим. А потом – сразу бежать!

– Ага, можно нам посмотреть? – зашептала Катя, сдерживая хихиканье.

– Тем более, что мы все равно их увидим, когда вылезать-то будем. Мы же убегаем, да? Спасаемся?

Димыч понимал, что над ним смеются. Он знал, что может прекратить это одним махом – просто открыв вход – но медлил. Предвидя, какой ужас отобразится на этих довольных лицах, когда ткань поднимется и они увидят у костра самих себя, ему становилось жутко. Это было еще хуже, чем самому смотреть на призраков. Но делать было нечего. Он медленно, путаясь, начал развязывать кулиску. Зрители подбадривали его восторженными вздохами. Женя молчала, стараясь не глядеть на его руки – точнее, на то, что должно было вот-вот показаться между ними. Публика постепенно замолчала: напряжение передалось и ей. Вдруг снаружи заскрипел снег; кто-то приближался к шатру. Катя ойкнула – на сей раз совершенно искренне.

– О нет, нет, не открывай! – запищала Женя.

Димыч убрал дрожащие руки, но ткань продолжала трястись. Кто-то пытался развязать вход снаружи. Все затаили дыхание. И тут послышался голос Володи.

– Народ, вы чего там забаррикадировались? Откройте дверь!

– Нет, нет, не открывай! Может, это уже не Володя! –

вскрикнула Женя.

Катя еще раз ойкнула, но уже в шутку.

Димыч не мог решиться. Он то брался за веревку, то опускал руки.

– Димон,пусти Володю, а? Шутки-шутками, а человек там мерзнет.

– Реально, давай вход развязывай!

– Пожалуйста, не надо, – жалобно повторял Димыч, но уже разматывал веревку.

В появившуюся щель сразу просунулись нетерпеливые володины руки – он спешил к теплу.

– Чего это вы, а? Решили без нас обойтись? Двоих больше – двоих меньше, да? – в окошке показалось лицо руководителя, а следом в шатер ступил его тяжелый ботинок. – Ну ничего ж себе! Только выйдешь пописать – а тебя уж и на сушу списали. Петька, смотри, они нас чуть не вычеркнули! – Володя обернулся к своему протеже, который тоже лез в шатер. – Вот так-так, хе-хе. А если бы мы на час ушли, вы бы нас и вовсе забыли, как звать?

– Привет призракам! – хохотнул Данила. – А я думал, что они прозрачные будут.

– А чё это вы только вдвоем? Димыч говорит, что там вас целая толпа сидит.

Группа заржала. Володя, ничего не понимая, завертел головой.

– Какие... какая еще толпа?

– Щас покажу. Петюнь, отойди чуток в сторонку, – попросил Генка. – Димон, а ты вход-то приподними... Вот так. Мы на остальных призраков хотим посмотреть.

– Да о чем вообще речь-то?.. – недоумевал Володя.

– А пусть Дима вам все расскажет. И покажет. Димон, твой выход!

Димыч, который отполз в сторону, чтобы пропустить Володю с Петей, вернулся на место. Печально вздохнув, он как можно шире раздвинул вход и приподнял повыше полог, чтобы все видели костровую поляну. На мгновение шум и смех стихли. Возможно, в глубине души каждый из присутствовавших готов был увидеть что-то необыкновенное. Но в окошке, обрамленном грязной тряпкой, трепыхался только умирающий костер. Никого и ничего вокруг не было. Все облегченно выдохнули. Снова послышался смех.

– Э-гм, Димыч... Я понимаю, тебе с нами скучно. Но ты в следующий раз все-таки шути более остроумно. И не надо для этого народ будить. Нам как бы завтра рано вставать, понимаешь?

– Нет, нет, это неправда! Они там были, я видел! – вдруг закричал Димыч. Вскочив на ноги, он полез наружу. – Они вот тут сидели, вокруг костра! Клянусь вам!

Женя выползла за ним на четвереньках. Вслед ей неслись крики и хохот; товарищи наперебой рассказывали Володе и Пете версию про димычевых призраков.

– Прикинь, он говорил, будто ты...

– ...а костер все ближе и ближе, а-ха-ха!

– ...и все они – наши двойники...

– Не, он говорил что-то про зеркало!

– Димон, а Димон! В следующий раз ты их сразу тащи сюда. А то обидно – сам насмотрелся, а нам не показываешь...

Димыч и Женя старались не слушать. Они встали у костра и молча глядели на угли.

– Как ты думаешь?.. – начала Женя, но не стала доканчивать.

Это могло означать и «как ты думаешь, куда *они* делись?», и «как ты думаешь, что нам с тобой теперь делать?». Оба вопроса были без ответов. Оставалось только ждать. Они сели на бревна. Димыч бросил в угли клочок тонкого хвороста. Костер сначала вроде задумался, а потом шумно вспыхнул, озарив оранжевым светом его лицо. Прошло некоторое время. В шатре уже говорили тише: сказывалась усталость. Лишь Генка продолжал рассказывать, выразительно передразнивая Димыча. Ему отвечали короткими усмешками. Ветер в ветвях деревьев стих, а мороз усилился. То там, то здесь потрескивали сучья.

– Пойдем в шатер, а? Попробуем уснуть. Ну, хоть полежим, – предложила Женя, когда в шатре совсем замолчали.

– Если хочешь, иди. А я здесь посижу.

Непонятно было, открыты или закрыты глаза Димыча: отблески пламени на стеклах очков заслоняли их. Женя сделала робкое движение, как бы прося разрешения подвинуться

к нему поближе. Словно ожидая этого, Димыч тут же приподнял руку и, когда Женя притиснулась, обнял ее за плечо. Она и не заметила, как сильно устала. Стоило телу ощутить мягкую опору, как веки сами собой смежились, и она заснула. При этом она прекрасно осознавала, что спит и даже видит сон. В этом сне все было почти так, как наяву по вечерам, когда группа, поужинав, делала последние приготовления к ночевке. Все были чем-то заняты: Данила колол дрова, Петя чистил лыжи, Яна терла снегом котел, Катя чинила молнию на спальнике. И только они с Димычем, против обыкновения, бездельничали. Однако товарищи почему-то не обращали внимания на такой беспорядок. Да и вообще, кажется, никто не замечал их присутствия. Володя, пройдя мимо по своим надобностям, даже не посмотрел в их сторону. Данила и Генка, возившиеся на «пилораме», не жаловались, что никто им помогает, и не требовали Димыча к себе. Петя, взяв лыжу наперевес, как копье, понес ее к костру: он хотел растопить застрявший в креплении лед, чтобы подкрутить винты. Он деловито шагал прямо на них, словно тут было пустое место, и наверняка задел бы Женю лыжей, если бы Димыч, быстро вскочив, не дернул ее на себя. Яна что-то заговорила, глядя Жене прямо в глаза; она переспросила, и с удивлением услышала из-за спины голос Кати. Оказывается, девушки разговаривали между собой, не замечая ни Жени, ни Димыча. И вскоре стало ясно, почему: в дальней части лагеря показался *настоящий* Димыч. Он о чем-то перешучивался

с Володей. А неподалеку рылась в рюкзаке Женья. Она тоже была *настоящей*, в отличие от тех двоих, что стояли, не дыша, прижавшись друг к другу, и осознавая, что...

– Это не сон! – шепотом прокричала Женья.

– Бежим, – вымолвил Димыч.

Но бежать было некуда. Всюду стояли, ходили, говорили призраки. Поляна принадлежала им. Нужно было уворачиваться, чтобы не столкнуться с кем-то. Сколько ни уверял себя Димыч, что они бесплотны и ощутить их невозможно, он зорко следил за их перемещениями и загодя уходил с дороги, утягивая Женью. Единственным местом, пока не занятым пришельцами, был шатер. Улучив секунду, когда путь к нему расчистился – *второй* Володя миновал его и пошел дальше, а *второй* Димыч, наоборот, еще не дошел – Димыч потащил Женью ко входу.

– Только не смотри на *них*, не смотри! – шептал он ей в ухо.

«Они» – это были их собственные двойники. Самым страшным Димычу казалось поймать взгляд кого-то из них. Если удастся этого избежать, значит – спасены, решил он. Сгорбившись, они прошмыгнули между призрачными телами и ввалились в темный зев шатра, чуть не сбив с ног дежурившую Катю. Димыч, не удержав равновесия, упал на ноги Даниле; тот застонал сквозь сон.

– Ребята, проснитесь!!

Голос Димыча на сей раз был тихим и глухим, однако его

услышали все – и успевшие уснуть, и еще бодрствующие.

– Чего тебе еще?

– Димон, бл. . . , тебе не надоело?!

– Ребята!.. Нам надо сейчас всем... быстро собраться и уходить отсюда... – Димыч задыхался. – Там... на улице, ходят наши двойники. Они вернулись! Они уже почти у входа. Но если постараться, можно пробежать мимо них. Вдоль самой стенки шатра... И – в лес.

– Скорее, они сейчас войдут сюда! – вскрикнула Женя.

– Димыч, я тебя очень уважаю... точнее, раньше уважал. Но, если ты немедленно не заткнешься и не дашь нам поспать, я тебе в морду дам! – огрызнулся Володя.

– А я добавлю, несмотря на все мое бывшее уважение! – просипел Генка.

– Так, смотрите все! – Димыч рванулся ко входу и растянул руками ткань. – Женя, помоги, раскрой!

Димыч держал вход справа, Женя – слева. Получилось квадратное окошко в темноту. Посреди его, как и прежде, мерцал костер. Но рядом с ним теперь четко вырисовывался силуэт... Володи. Вот рядом качнулась еще тень: это Петя водил лыжей над пламенем, нагревая свежерастертую мазь. Костер стал больше и мощнее. Как будто до этого он спал, а теперь проснулся. И, проснувшись вместе с ним, в шатер устремились звуки лагеря двойников.

– Слышите, слышите? – зашептала Женя.

От костра неслись болтовня и смешки. Второй Володя

что-то доказывал второму Пете, тот уважительно мычал. Издалека, с «пилорамы», звучали голоса Генки и Данилы. Правее входа, через ткань шатра, блеснул голубой луч фонаря: там ходили девушки. Группа жила своей обычной жизнью, даже не зная, что рядом, в шатре, находится ее точная копия!

– Вы видите? Вы слышите?!

Они с Димычем победили. Призраки не исчезли в последний момент, как прежде, и наконец-то показали себя неверующим товарищам. Но теперь они многое дали бы, чтобы этой победы не было. Что толку, что сейчас в шатре обезумеют от страха? Куда бежать, если призраки – уже у входа?!

Однако реакция группы была неожиданной.

– Димон, окно закрой, а? Холодно, – нарочито-ласково попросил первый Генка.

– Димыч, это понятно, что мы в последний раз с тобой вместе в походе, – устало сказал первый Володя. – Больше я такой глупости не сделаю. Но давай хоть сейчас закончим нормально! Закрой вход и дай группе поспать!

– Володя, ты что, не видишь?! Не видишь, *кто* на улице?!

Показывая всем видом, что чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало, руководитель подтянулся в спальнике ко входу и еще раз посмотрел наружу. Отсюда ему были хорошо видны (точнее, были бы видны, если бы он был способен видеть) три фигуры: его собственный двойник, второй Генка и второй Петя. Как раз в этот момент Петя рассказывал какой-то анекдот. Слушатели у костра разразились доб-

родушным смехом. Димыча затрясло, как в лихорадке. Но обитатели шатра даже бровью не повели.

– Володь, ну скажи честно, что ты все видишь! Ведь ты обманываешь, да?! – Димыч был в отчаянии.

– Бл...ь, я ничего не вижу и не слышу! – взорвался Володя. – Я вижу только, твою мать, что у тебя конкретно поехала крыша, и что на этом твоя походная карьера закончена! Нав-сег-да, понимаешь? Но если ты сейчас же не замотаешь вход и не дашь нам поспать, твой последний поход закончится прямо сейчас! Или ложись спать, или собирай манатки и вали, куда хочешь. Давай, убегай от своих призраков! И чтобы я тебя больше никогда не видел!

Он закончил и тут же улегся, сердито накрывшись спальником с головой. В шатре затихли; у костра тоже вроде бы перестали смеяться. Боже, неужели услышали? – затрепетала Женя. Но вскоре беседа снаружи продолжилась. А здешние Данила, Генка и Петя вполголоса обсуждали, не стоит ли связать Димыча.

– Димка, дай мне. – Женя осторожно потянула полог из его рук.

Ткань упала, вход закрылся.

– И замотай потуже, пожалуйста, – сказал Генка, одобрительно кивнув. – А с твоим другом завтра разговаривать будем.

К Димычу он уже не обращался; тот окончательно потерял свое место среди нормальных людей. От него подчеркну-

то отворачивались. Лишь Женя не сводила с него глаз. «Что нам делать, что делать?» – стучало ее сердце. Димыч посидел немного, прислушиваясь к разговорам на улице, и пополз в свой угол.

– Решил-таки поспать? Ну и умничка, – с надеждой про-
бормотал Генка, следя за ним.

Но Димыч задумал другое. В темноте он быстро зашур-
шал тряпками, как мышь.

– Женька, иди помоги ему. А то устал чувак. Как бы чего
не... – начал было Володя, но прервался.

С димычевой стороны ко входу один за другим выкати-
лись два набитых рюкзака – его и женин.

– Уб-бежать? Это мысль. – Димыч безуспешно пытался
придать голосу спокойствие. – Я хотел вас спасти, но раз вы
против... Значит, уйдем только мы с Женей.

Володя открыл рот, но Димыч перебил.

– Не волнуйся, я взял нам только один перекус, который
запасной был. Ну и свои заначки. Всю остальную еду вам
оставил. Из снаряги тоже ничего не взял. Если что, моя со-
весть чиста. Женька, выползай скорее! Будем прорываться,
пока еще можно...

Они выбирались из шатра в гробовом молчании. В первую
минуту никто не нашелся, что сказать. Лишь когда Димыч
вытянул рюкзаки и отпустил полог, внутри зашелестели оза-
боченные голоса. Группа обсуждала, что следует делать – за-
держать ли беглецов, или пусть валят, куда хотят? Димыча

уже занимало другое: он примеривался, как им с Женей прошмыгнуть мимо призраков. Те успели передвинуться ближе к шатру. Вторые Яна и Катя что-то доставали из рюкзаков; второй Генка шел прямо на Димыча, глядя на него невидящими глазами, и волочил за углы коврики. Боже, они ведь идут укладываться спать! Сейчас они залезут в наш шатер...

– ...Димон, эт, конечно, ты хорошо придумал, но только вот если ты ночью в лесу коньки отбросишь, это как будет? Мне за тебя садиться в тюрьму неохота...

– Дим, включай остатки разума, а? Ночь, мороз, лес, горы, а ты без шатра и без печки. Себя не жалеешь, так хоть девчонку-то пожалей!

– Нет, это совсем как-то не смешно. Пацаны, вылазим и затаскиваем его назад!

Послышалась возня: пацаны решили привести план в исполнение. Тем временем Димыч успел оттолкнуть Женю с ее рюкзаком в сторону, чтобы дать дорогу второму Генке. Тот, к счастью, не полез в шатер сразу, а только бросил у входа принесенные пенки и пошел назад за чем-то еще. Вторым Володя пока не двигался, Петя ходил далеко от шатра. Так, так, хорошо... Сердце бешено колотилось, но нужно было успокоиться и решить, по какой траектории бежать. Справа от входа образовалось свободное пространство: призраков там в данный момент не было, Генка еще не вернулся. Скорее туда! Но... где же лыжи с палками? Ага, они воткнуты в снег в двух метрах слева. И как раз на пути к ним Катя и Яна

роются в своих рюкзаках. Что делать? Задрожала ткань шатра: оттуда вот-вот должна была показаться погоня. И Димыч решился.

– Переходи с рюкзаками во-он туда, – он показал Жене путь направо. – Я возьму лыжи и сейчас приду.

– Ты пойдешь... сквозь *них*? – беззвучно произнесла Женья, глядя на Катю и Яну.

Но Димыч не пошел сквозь призраков. Согнувшись, вжав голову в плечи, он начал обтекать девушек каким-то невероятным змеевидным извивом. Яна внезапно выпрямилась, и ее корпус почти соприкоснулся с Димычем. Он изогнулся назад, как гимнаст, качнулся, как канатоходец, но удержался на ногах. Прыжок – и вот он уже добрался до лыж, схватил их в охапку вместе с палками и замахал Жене свободной рукой: обходи, мол, шатер сзади! Как раз в этот момент второй Данила направился напрямиком ту точку, где стояла Женья. А навстречу ему вылезали из шатра *первые* Данила с Генкой: полог приподнялся, появилась нога, за ней другая. Две группы, два мира вот-вот должны были встретиться. Нет, нет, нельзя это видеть! Женья попятилась задом туда, куда указал Димыч, волоча за собой два рюкзака. Но на полпути она остановилась: словно что-то сзади ожгло ее. Повинуясь чутью, она шагнула в сторону, и тут же мимо нее плеча прошла девушка, одетая точно, как она... Это же я! – стукнулось сердце. Не дыша, Женья развернулась и зашагала прочь почти бегом. Каким-то чудом она не выронила рюкзаков. Обогнув шатер,

она столкнулась с Димычем.

– Ди...

– Тише!! Наши-то точно услышат! – прошептал он, надевая ей на плечи рюкзак.

– ...Куда они подевались? Ты их видел? – донеслось от входа. Это были *настоящие* Данила с Генкой. Хотя теперь уже было почти все равно, кто настоящий, а кто нет.

– Они за шатер забежали! Я слышал, снег скрипел! – кричал изнутри Володя.

Димыч хотел одеть лыжи, но передумал.

– Быстро уходим. Вот наша лыжня!

Они заковыляли по колее, проваливаясь по колено. Из-за шатра выплыли два фонаря; их тонкие лучи прощупывали истоптанный снег.

– Они тут шли! Вот следы! – крикнул голос Данилы.

– Быстрее, они близко! – застонала Женя.

– Стой. Ногу держи. Я лыжи тебе одену. – Димыч опустился на колени у ее ног.

– Димочка, они сейчас нас увидят!! Побежали так!

– Пешком нам не уйти. А на лыжах убежим. Они-то без лыж.

Димычем внезапно овладело хладнокровие. Даже пальцы перестали дрожать. А лучи фонарей все приближались.

– Да нет, вот куда они полезли, – говорил голос Генки. – Вон тут какие провалы.

– Димочка, Димочка... – иступленно повторяла Женя,

страшась посмотреть назад.

– В крайнем случае, хоть ты сбежишь. А я их задержу.

Он уже застегивал свои крепления.

– Мужики, вы лыжи-то оденьте! Выдерните из шатра, – советовал издали Володя.

К первым фонарям присоединились еще два.

– Погоди, они где-то близко спрячутся. Далеко уйти не могли.

– Только что я их видел. То ли в этих кустах, то ли за той елкой... Да вот они! Сто-ой!!

Фонарь Данилы, покачиваясь, пошел прямо на Женю. За ним двигались три других. Димыч подтолкнул ее вперед.

– Беги!

Сзади на несколько голосов донеслось:

– Вот они! Я их слышу!

– Догоняй! Вали их!

Женя побежала, не чувствуя под собой ног. Она не загля фонаря, но сейчас даже не вспомнила о нем: инстинкт вел надежнее, чем зрение. Она безошибочно огибала стволы деревьев, и почти не сходила с лыжни. Димычу пришлось сложнее. Онемевшие пальцы никак не могли затянуть пружину крепления. Когда, наконец, ему это удалось, снег вокруг засверкал отблесками догоняющего фонаря. Димыч вскочил, и тут же чуть не упал назад: рюкзак его запутался в ветвях. Пока он отцеплялся, подбежавший сзади Данила схватил его за плечо. Димыч принял решение мгновенно: за-

махнувшись посильней, он ткнул назад острием палки. Вероятно, удар попал в цель, потому что Данила с матерным криком отскочил. А Димыч, освободившись, полетел вперед, как реактивный снаряд. Так, по крайней мере, ему казалось. Он перегнал Женю и побежал дальше, поминутно оглядываясь и шипя: «быстрее, быстрее!». Сзади звали и грозили; но постепенно крики затихали. Однако беглецы не сбавляли хода. Полчаса, час – они не знали, сколько прошло времени. Сначала они бежали, потом шли, потом еле брели, но не останавливались. Женя встала только тогда, когда тело перестало повиноваться. Тяжело дыша, она боком прислонилась к стволу сосны.

– Они... Ты их слышишь?

Димыч прислушался.

– Вроде нет. Отстали. Уфф... Ну они ж без лыж были, понятно.

– А если оденут? Тогда догонят?

– Гм... Уфф... Вряд ли они среди ночи за нами бегать станут. Наверное, вернуться к себе. Точнее, к *этим*...

Даже к темноте Димыч увидел, как блеснули ее глаза.

– Боже, там же призраки! А вдруг *они* их... а если *они* что-то с ними сделают?

Димыч посмотрел назад. Там не было ни огоньков, ни звуков. Чернота и пустота.

– Женя, мы сделали все, что могли. Наши *их* не видели. ...Знаешь, пойдём-ка потихоньку. А то как бы не...

– Но Володя их видел! В первый момент, когда вышел из шатра, помнишь?

Они немного отдышались и снова пошли шагом.

– Помню. А когда он подошел и сел рядом, он перестал понимать, что это призраки.

– Он стал одним из них? – Женя все еще говорила шепотом, боясь собственных слов.

– Выходит, так. И Петька тоже. А потом – все, снова слепота и амнезия. ... Вот тут обходи, там ветки.

– Все верно, все как мы и думали! Тот, кто подошел к их костру, перестает *их* видеть! Хотя погоди... А почему мы продолжали видеть, хотя сидели среди них?

Димыч задумался.

– Наверное, потому, что мы подошли к ним не по собственной воле. Мы этого не хотели, вот что.

– Выходит, призраки забирают только того, кто сам этого хочет?

Димыч поморщился при слове «забирают».

– Видимо, да. Только непонятно, как наши ребята могли этого хотеть. Они же прежде не видели ни костра, ни двойников. Замечали, удивлялись, подходили – и после уже не видели и не помнили ничего.

– Наверное, они думали, что это наш костер.

– Наверное.

Они уже давно сошли с лыжни, и сейчас карабкались в гору среди частого молодого леса. Димыч решил не идти ни-

зом – туда могли направиться и преследователи – и полез вверх, обратно на плато. Вскоре деревья раздвинулись, и открылось темно-серое небо. Но его фоне вдали стали видны черные покатые увалы хребта. Днем они были белыми, их обдувало метелью. Сейчас, судя по шуму ветра – он сразу усилился, стоило выйти из леса – метель наверху по-прежнему бушевала. Ее отголоски ощущались и здесь, на склоне: снежная пыль шуршала по одежде, острые летучие льдинки покалывали лицо. И чем дальше уходила назад спасительная стена леса, тем злее становился ветер. Убедившись, что одинокие путники теперь полностью в его власти, он схватил их в объятия и принялся бомбардировать снежными порывами со всех сторон. Должно быть, люди редко посещали его владения в такой поздний час, и он спешил показать все, на что был способен. Сразу стали замерзать руки, но не было возможности остановиться и потерять их – холод и страх гнали вперед. Давно пора было зажечь фонари, но Димыч боялся, что неведомый враг увидит маленькие звездочки на фоне гор и бросится в погоню. К счастью, под открытым небом снег казался светлее, чем в лесу, и, если держаться вместе, можно было кое-как идти. Путь указывала одинокая звезда на горизонте – почему-то ее никак не могли закрыть полотнища туч, невидимо летящих по небу – да черная полоса леса внизу. Димыч изредка посматривал на них, проверяя направление, но по большей части шел, низко опустив голову, чтобы защититься от ветра. Женя шла за ним след в след, и

не видела ничего, кроме силуэта его рюкзака.

– Ты когда-нибудь ходил ночью? – спросила она, когда Димыч остановился передохнуть и повернулся к ней лицом.

– Никогда.

– Говорят, это опасно...

Димыч усмехнулся. Женя живо представила все, что они оставили внизу – костер, призраков, собственных товарищей, которые вдруг стали страшней призраков – и тоже грустно улыбнулась. Да уж, вряд ли здесь было опаснее, чем там. Правда, здесь опасности были настоящими, а не мистическими – замерзнуть, упасть, не суметь встать и остаться навсегда под слоем снега. Димычу, должно быть, тоже пришла в голову эта мысль, и он снова заторопился.

– Пойдем, пойдем. Там в трех километрах спуск долину Каменки начинается. Доберемся до леса, сделаем шалашик, кое-как отдохнем. Оттуда вниз по Каменке, потом по Белой – и завтра к вечеру должны уже на дорогу выйти, по которой «бураны» ездят. Кто-нибудь да подберет.

Этот план появился у него только сейчас. Еще полчаса назад он не думал далее следующей минуты. Лишь сейчас, оказавшись посреди бескрайней ночной равнины, он понял, что их положение не из легких, и не мешало бы придумать маршрут. В голове сразу возникла карта, которую он прежде изучал много раз на дню. словно фломастером, он мысленно прорисовал на ней линию предполагаемого пути. План был хорош, но неисполним: так быстро выйти к дороге можно

было только при условии дневного света и большого количества тропильщиков. А их было только двое, света не было, зато была растущая усталость. Благотворный прилив адреналина, который сопровождал их в начале побега, успел рассеяться. Впереди было еще хуже: бессонная ночь, мороз и ветер обещали отобрать последние остатки сил. Димыч всмотрелся в лицо Жени. Оно было скрыто тьмой, но Димыч понял, что она все знает. Знает, но делает вид, что верит его ободряющим словам.

– Не отставай, – коротко сказал он и снова встал навстречу метели.

Они снова шли, шли, шли. Чувство времени притуплялось однообразным завыванием ветра, да болью в замерзающих руках и ногах. Когда Димыч переставал слышать шорох полозьев за спиной, он оборачивался и поджидал свою спутницу. Загородив ее от ветра своим рюкзаком, он ждал, пока она разотрет озябшие пальцы – действие почти бессмысленное, ибо в первую же секунду эффект пропадал – однако дарующее надежду.

– Смотри! – Женя слабо подняла руку в рукавице, показывая на темное пятно внизу. Это был лес.

– Что?

– Мне показалось, я огонек видела...

Димыч пригляделся – точнее, сделал вид, что пригляделся, потому что налипавшие к очкам снежинки не давали возможность видеть даже вблизи, а протирать их было лень –

но ничего похожего не заметил.

– Вроде как раз там, где шатер...

– Отсюда все равно не видно. Там ведь совсем слабый костерок был, помнишь?..

Он уже говорил о покинутом лагере «там». Отныне и на всегда это был не их лагерь, не их группа.

– ...если, конечно, это не тот, *другой* костер.

Женя хотела испуганно охнуть, но холод и усталость подавили звуки в горле, и она промолчала.

– Мы сделали все, что могли, – повторил Димыч, неловко поправляя Жене капюшон с меховой опушкой.

Ее шапка налезла почти на глаза, но она не пыталась ее поднять, дорожа каждым сантиметром утепляющего покрова. Капюшон скрывал подбородок, и от лица оставался только маленький треугольник – глаза, нос и губы. Ресницы опустились и побелели от изморози. Мех, шапка, воротник – все было обметано снегом.

– Пошли скорее! – поторопил Димыч.

Однако мысль об огоньке не оставила его. Стоило пелене поземки ненадолго прорваться и открыть долину, как Димыч украдкой начинал всматриваться туда, разыскивая глазами невидимый костер. Но такое случалось все реже. Ветер крепчал, метель уплотнялась. Они шли в нескончаемом снежном мире, где снег был повсюду – внизу, вверху, справа, слева. Снег, снег, снег. И ветер. И уже не было никаких чувств, кроме морозной боли в конечностях, да шершавых ударов по

лицу ледяной пылью. Чтобы убедиться, что настоящий мир не исчез, Димыч пытался говорить про себя. Сначала он считал шаги. Потом стал рассуждать: «Если наша скорость – два километра в час... ну, надеюсь, что все-таки два – то справа скоро должна показаться долина Каменки... Она глубокая, поэтому лес там должен быть темнее». Раз я говорю себе это – значит, я жив и у меня все в порядке, думал он в перерывах между расчетами. Потом он вспоминал, что в этой бело-ветряной пустоте есть еще один человек – Женя, и что ей, наверное, еще хуже. Прислушавшись и убедившись, что ее шагов за спиной не слышно, он нехотя останавливался и разворачивался. Стоять было холоднее, чем идти, хотя это и давало возможность растереть руки и пошевелить пальцами ног в ботинках. Один раз он не на шутку испугался: ему показалось, что Жени нет. В следующую секунду она появилась из метельного тумана, но Димыч больше не стал рисковать: он снял рюкзак, достал из клапана кусок тонкой веревки и связал ею поясные ремни – свой и женин. Пока он, кряхтя, просовывал веревку ей под пояс, Женя стояла молча и слегка качивалась. От холода у нее не было сил ни то, что помочь ему, но даже осознать, что и зачем он делает. «Плохо дело», – мелькнула у него мысль. Они поползли дальше. Вереvoчный поводок за спиной Димыча то и дело натягивался и не давал идти. Он послушно останавливался и ждал, пока веревка ослабнет, и снова шел. Он понимал, что скоро войдет в то же состояние, что и Женя. О том, что последует за этим, думать

не хотелось. Когда же, когда же Каменка? – мысленно взывал он, пытаясь что-то рассмотреть в пурге. Вдруг, словно ото-звавшись на его мольбу, ветер немного стих. По правую руку возник протяженный склон, вдалеке забиравший вверх. Никакого леса и в помине не было. Димыч растерянно остано-вился. Через некоторое время в его рюкзак уперлась Женя. «Боже мой, что это? Почему там подъем? Должен же быть спуск. Не может же быть, что мы повернули на девяносто градусов, и теперь пересекаем хребет... Потому что ведь это смерть!» Димыч судорожно перебирал в уме всевозможные объяснения увиденному. За это время окно в метели затяну-лось, и загадочный подъем пропал. «А может, там какой-то сложный рельеф, и на карте не нарисован? Может, там пе-ред спуском где-то был подъем», – уговаривал он себя, но в глубине души понимал, сколь нелепы эти надежды. «Но ес-ли мы повернули не туда, то что нам делать дальше, куда ид-ти? Вперед или назад? А если мы снова пойдем не туда, то где окажемся? На вершине, ночью?!» Впервые в его сердце забралась паника. Но долго она там не задержалась: Женя, перебирая руками по его рюкзаку, подобралась поближе.

– А нам еще долго? – еле слышно спросила она.

– Скоро, скоро!

Димыч знал, что врет, но отчего-то сразу приободрился.

– Потерпи немножко, – заговорил он, обняв ее одной ру-кой, а другой пытаясь потереть ей плечо. Что именно рас-тирать, сейчас было неважно – все части ее тела одинаково

мерзли, как и его собственные. – Осталось чуть-чуть.

И, хотя за этим «чуть-чуть» – даже если бы они и вправду добрались до истока Каменки, что было явно не так – следовал бы еще долгий спуск вниз, Женя, которая уже мало что соображала, взглянула на него с благодарностью.

– Пойдем тогда, – первая сказала она.

«Пойдем... Но куда? Вперед – это значит вверх. Может, назад?» Так и не ответив себе, Димыч повернул в компромиссную сторону – вправо. Теперь уже смысла в их движении не было – разве только, чтобы не останавливаться. «Пока идем, будем живы, – твердил он. – Упадем – так упадем, но уж тогда в последний момент, когда сознание потеряем. Тогда не страшно будет». Неизвестно, откуда пришли ему эти мысли – может, он вычитал их где-то, и теперь вспомнил. Но инстинкт предписывал идти вперед, пусть даже в конце пути – тупик.

Время тянулось бесконечно, как снеговой туман вокруг. Димыч вздрогнул, когда однородный мир вдруг сгустился и превратился в твердое препятствие перед глазами. Нечто большое, покрытое снегом. Что такое? С трудом подняв палку, Димыч потыкал перед собой. Это был не камень и не стена: палка ушла в глубину и спружинила обо что-то податливое. «Ветки! Заснеженная ель! – догадался он. И сразу лучик надежды озарил мглу. – Значит, мы рядом с лесом? Значит, мы шли правильно?» Он немного отошел назад – для этого пришлось толкнуть Женю, которая безвольно уперлась в его

рюкзак – и напряг зрение, пытаясь разглядеть что-то похожее на другие деревья. Но вокруг ничего не было, кроме мириад белых пылинок, несущихся в воздухе. Даже сама ель, стоило ему отодвинуться, скрылась в этом потоке. «Нет-нет, не уходи!» – испугался он и поскорей вернулся на прежнее место. Ель снова выплыла навстречу. Веревка позади натянулась, но тут же ослабла. Димыч услышал хруст, как будто какой-то великан ступил в снег своим ботинком. Обернувшись, Димыч увидел Женю, лежавшую боком у его ног. Лыжи не дали ей упасть на живот, но лицо погрузилось в снег. Рюкзак сразу начало заносить метелью. Охнув, Димыч бросился поднимать ее.

– Женя, Женечка, вставай! Ну что ты, что ты...

Он кое-как поставил ее на колени и принялся шлепать по лицу рукавицами. Женя застонала и открыла глаза. Димыч взял ее за пояс, поднял и привалил к своему плечу – стоять она уже не могла.

– Мы пришли, да? – услышал он у своего уха.

Счастливая мысль мгновенно озарила его. Он посмотрел туда, где то исчезала, то появлялась в просветах метели заснеженная ель.

– Да, пришли!

...

Сознание вернулось к ней не сразу, словно боясь замерзнуть вместе с телом. Сквозь туман мелькнул огонек, душа потянулась к нему, ища тепла, и Женя очнулась. Она лежала,

свернувшись калачиком, закутанная в пуховку и спальники; над головой плясали отблески костра. Поверхность, где они отражались, была весьма странной: это было переплетение из веток и хвои, скрепленное снегом. Женя тяжело приподнялась на локте, попробовала сесть и – сразу ударилась головой обо что-то твердое. Веточный свод востепенулся и задрожал. Сверху посыпался снег.

– Бл...ь, тише! Не шевелись лучше, а то костер завалит, – услышала она голос Димыча.

И тут же увидела его самого. Оказывается, он был совсем рядом, сидя почти у нее на ногах. Низко склонившись, он раздувал огонь. Ни разогнуться, ни подвинуться он не мог: пространство, где они находились, было маленьким и узким, как нора. Где мы? – только успела подумать Женя, и тут же все поняла. Ель! Они забрались в снеговую яму под кроной огромной ели. Вход, который Димыч раскопал, был прикрыт изнутри его отощавшим рюкзаком. Все, что подходило для укутывания, было извлечено и намотано на Женю, а остатки – на Димыча. Неровный, вогнутый пол устлала пенки. Над костром, в дальнем конце норы – которая и вся-та была длиной метра полтора, да еще и изгибалась вокруг елового ствола – Димыч проковырял маленькое отверстие для дыма. Правда, выходил дым не очень хорошо: то ли ветер снаружи загонял его обратно, то ли Димыч сделал что-то не так, но пещерка уже наполнилась удушливым чадом. Женя, кое-как усевшись, сразу закашлялась: внизу, где она лежала, воздух

был чище.

– Ты ляг лучше. А еще можешь ямку себе прокопать наружу, чтоб дышать, – просипел Димыч, занятый костром. Он осторожно подкладывал в чахлый огонь тонкие веточки, добываемые из ели прямо над головой. – Только о-очень осторожно, чтобы нас не завалило. А то и норы не будет, и негде прятаться.

Женя почувствовала жгучую благодарность Димычу. Он выкопал пещеру, уложил ее внутрь, укутал! Если бы не он, она бы, наверное, умерла от холода. Но благодарить было некогда. Надо было срочно копать воздуховод – в горле предательски першило.

– Кхе-кхе! – кашлял Димыч, не в силах больше сдерживаться.

Он еще ниже нагнулся, чтобы отдышаться, и принялся рыть вентиляцию для себя. Руковицы еще не добрались до поверхности, а из ямки уже потянуло свежим воздухом. Димыч приник к стенке, жадно всасывая его. Снеговая шуба ели, хоть и очень толстая, изнутри оказалась рыхлой. Но у этого был и недостаток: при малейшем неосторожном движении вниз падали комья снега, и нужно было поминутно отряхиваться. Димыч, невзирая на дым, склонялся над огнем, чтобы защитить его своим телом. Наконец, доступ к воздуху был отлажен. Оба выкопали удобные дырочки, каждый напротив своего рта. То и дело, надышавшись дымом, они прикладывались к ним и пили свежий мороз; потом сно-

ва поворачивались к душному и слабому, но все же тепло. Женя почувствовала успокоение: она поняла, что не умрет. Во всяком случае, не сейчас.

– А как ты ее нашел? – через некоторое время спросила она.

То ли ей показалось, то ли пещера действительно немного прогрелась. Появились силы разговаривать.

– Да как... Увидел ель. Понадеялся, что под ней пространство есть. Так часто бывает. Копнул – точно. – Димыч протягивал дрожащие руки к огню. – А ты тем временем и загнула. Я уж испугался. Думал – все, конец.

– Спасибо тебе...

– Да чего спасибо-то? Ты и сама оттаяла, как внутри очутилась. Я тебя только закутал. А костер как разгорелся, так и воздух нагрел. ...Как ноги-то? Отмерзли, небось?

Женя попробовала пошевелить пальцами ног. Скованные ботинками, они не слушались.

– Не чувствую их...

– Э, плохо. Давай-ка, снимай ботинки.

Это было непросто. Женя стонала, тщетно пытаясь добраться руками до тесемок бахил. Димыч, неудобно изогнувшись, помогал ей, и параллельно прикрывал от снега огонь. Не сразу, но ноги были освобождены. Димычу в первый момент показалось, что они сделаны из дерева: такими твердыми и холодными они были на ощупь. Испугавшись, он принялся тереть их рукавицами.

– Вот так три, пока не вернется чувствительность. Ну как, лучше?

– Ой, больно!

– Это хорошо, что больно. Значит, оживают.

– А твои?

– Да что мои. Не знаю. Забыл о них.

– Давай я тебе тоже ботинки сниму.

Убедившись, что ноги ее не отвалятся от обморожения, Женя теперь могла думать и о других. Извернувшись так, чтобы не вылезти из-под теплых покровов и одновременно не своротить драгоценный костер, она подобралась к ногам Димыча и стала разувать его.

– Ох ты черт...

– Больно?

– Д-да... То есть нет, нормально.

– Давай их сюда, мне под спальники.

Они представляли собой странную объемную фигуру. Женя лежала закорючкой, сбоку у ее ног горел костер. Димыч, опираясь на одну руку, второй старался прикрыть пламя. Ноги он просунул к животу Жени, а она грела и растирала их. Дыма вроде стало меньше: после очередного падения снега он нашел себе отверстие и теперь выходил исправнее. Стало почти уютно.

– Как же хорошо, Димочка! Если бы не ты, я бы...

Димыч замычал, протестующее замахав рукой: над головой у Жени упал еще комок снега.

– Знаешь, тут так тепло! Как в шатре.

Это, конечно, было не так. Но в сравнении со страхом замерзнуть это было блаженство.

Прошло немного времени.

– А ветер-то не ослабевает, – заметил Димыч.

К нему опять вернулся холод: он стал дрожать.

– Ты залезь ко мне в спальники, и с-согреешься. – От неподвижности Женя тоже стала зябнуть.

Димыч с завистью посмотрел на нее. Как, должно быть, у нее там тепло! Но он боялся за костер, стоивший такого труда. Отблески пламени уже обозначили на своде пещеры крошечные льдинки: несмотря на холод, огонь подтапливал снег.

– Б-боюсь, как бы снег не подтаял и не обвалился. Что тогда делать будем?

– Его же ветки д-держат.

– Растает, так не удержат.

– А ты это... привяжи там какую-нибудь т-тряпку. Чтобы, если снег упадет, то на нее, а не в костер.

Димыч оглядел, а точнее, мысленно перебрал свои скудные пожитки. Все тряпичное, что могло хоть как-то греть, уже было намотано на тело (в основном женино). Однако он вспомнил. Поежившись, он дотянулся до клапана своего рюкзака, открыл его и извлек большой полиэтиленовый пакет. Привязав его уголками к веткам, он устроил над костром некое подобие балдахина, и лишь тогда стал укладываться.

Сначала он хотел залезть в свой спальник, но Женя, понимая, что так они оба потеряют в тепле, предложила вдвоем втиснуться в один, а сверху закутаться другим. Довольно долго они вертелись и сопели, пытаясь исполнить этот план. Самое сложное было ликвидировать щели, которые коварно возникали то здесь, то там. Женя лежала в полном облачении – ее мешочек с теплыми вещами опустел – да еще и в пуховке. Димыч тоже одел на себя все, что у него было, но так как было немного, он рядом с Женей походил на худенького червячка, прижавшегося к толстой куколке насекомого. Женя расстегнула пуховку и, как могла, обняла его полами и руками.

– Повернись ко мне спиной. Буду тебя греть.

Димыч послушался, и они замерли, вкушая чудом добытое – и, может быть, недолгое – тепло.

– Н-ничего, скоро надышим, станет теплее, – повторял он, боясь подвинуться, чтобы не нарушить целостность сложного кокона.

– А что ты такой тонкий спальник берешь? – задала Женя давно интересовавший ее вопрос. – Неужели ты в нем не мерзнешь?

– Мерзну.

– Зачем же тогда?

– Н-не знаю...

Они замолчали. Оттого ли, что им действительно удалось согреть друг друга, или от неподвижности, но оба незамет-

но впади в забвенье. Им приснилась их собственная снеговая пещера, только во сне она была больше, а они – меньше. Со стен ее медленно осыпался снег, будто это были склоны гор. Снег все время норовил засыпать холмик из тряпок и спальников, укрывавший их тела; приходилось то и дело выпрастывать из тепла руки и стряхивать его. Но вскоре стряхивать стало некуда, потому что лежбище превратилось в яму, со всех сторон окруженную снежными склонами. Жена и Димыч убирали снег, и он тут же ссыпался обратно. Становилось все холодней, и тело соседа уже не могло согреть. Тогда они оба одновременно открыли глаза. В пещере было темно: огонь не горел. Ледяная стужа сковала воздух. Димыч с трудом поднялся и пошарил затекшей от холода рукой в том месте, где прежде был костер. Он все понял. Под его рукавицей зашуршал пакет, который он давеча привязал. Распластаный, он был придавлен кучей снега, упавшей вместе с ним с потолка. Димыч поднял глаза и увидел звезду: она равнодушно и холодно мигала сквозь большую дыру меж ветвей ели. То, чего он опасался, случилось: снег растаял, и кусок пещеры обвалился.

– Костер засыпало? – услышал он рядом шепот Жени.

Он знал, что сейчас нужно встать, наломать онемевшими руками новых веток и развести огонь. Не только ради самого костра, но ради того, чтобы двигаться и жить. Однако он не смог заставить себя. Краткий сон в морозной яме забрал последние силы, которые требовались для борьбы. Смерть в

дружеских объятиях, из которых уходило тепло, уже не казалась страшной. Женя не шевелилась: она была на все согласна. Димыч снова лег, крепче обхватил ее и замер. Они опять начали засыпать. Но прежде, чем сон сковал бы их навеки, до слуха Димыча донесся звук, который заставил его душу встрепенуться. Это была гитара. Уверенный, что это во сне, он открыл глаза. Сквозь щели в заснеженных ветвях – теперь было видно, как их много – поблескивали оранжевых пятнышки. «Костер? Не может быть. Ведь он же погас», – медленно сообразил Димыч. Огромным усилием он сдвинул с места одеревеневшие члены и приподнялся. Да, это были не просто отблески, это был огонь! Он весело играл в щелях пещеры, и даже просвечивал кое-где через тонкие стенки. Костер горел снаружи! Напрягшись, Димыч вспомнил, что они лежат в яме под кроной ели, что они одни и что снаружи никого нет. Но как же нет, когда он видит огонь, слышит гитарный перебор и чьи-то голоса?

Он растолкал Женю. Оранжевые огоньки заплясали в ее широко раскрытых от изумления глазах.

– Костер! Там костер! Там тепло... – жалобно произнесла она.

Димыч помог ей встать на четвереньки. Забыв о том, что кругом снег и надо одеть ботинки, они принялись выбирать-ся прямо в носках. Димыч отвалил в сторону свой опустелый рюкзак, прикрывавший вход, и высунулся наружу. Ветра больше не было: стояла ясная звездная ночь. На мягком,

похожем на толстое одеяло снегу горел большой костер. Вокруг на рюкзаках сидела группа. Их группа! Володя брэнчал по струнам, остальные тихонько подпевали. Никто не замечал двух человек, со стонами выползавших из-под ели. Да им было и не важно, видят их или нет. Нужно было одно – добраться до костра и согреться. Ползти было невозможно – снег оказался слишком глубок, и Жене пришлось встать на ноги. Усилия, которые понадобилось для этого сделать, прояснили разум. Она все поняла.

– Дима... Это ведь *тот самый* костер! Второй, призрачный. Мы же от него убегали...

Пошатываясь на замерзших ногах, Димыч несколько секунд неподвижно смотрел перед собой. Костер. Володя. Гитара. Ага!

– Ну да, тот, – наконец вымолвил он. – Да какая разница? Там тепло. Пойдем.

И они заковыляли к костру, как пара изможденных бродяг.

«Я ж еще не стар, я не перестал Северу быть другом. Рано связи рвать, рано отставать от своих ребят», – пела хором группа [3]. Вдруг песня оборвалась на полуслове: Володя увидал гостей. Приглушив струны, он широко улыбнулся.

– Привет, Димон! Что, змерз совсем?

Голос у него был, как всегда – веселый и добродушный. Димыч и Женя, не отвечая, встали в паре метров от костра и протянули руки к пламени. Даже отсюда доходило к ним

густое и ласковое тепло.

– Вы ж нас боялись! Убежали все. А теперь вот сами пришли. Что так? – продолжал Володя.

– Нам холодно, – выдавил Димыч.

Он не подходил ближе и старался не смотреть на лица. Хотя у самого огня, наверное, было божественно хорошо. Женя встала рядом и привалилась к его плечу, чтобы не упасть. Сладостный жар проникал под одежду, бежал по жилам, оживляя тело и ум. Но по мере того, как расслаблялись оттаивающие руки и ноги, съезживалось страхом сердце. «Бежать? – думал про себя Димыч. – Так ведь все равно некуда. Они нас увидели. А главное – незачем». С минуту все молчали – и хозяева, и гости. Димыч нарушил тишину первым.

– Что будет теперь? Вы с нами сделаете то же, что с друзьями?

Ему было, в общем-то, все равно. Но ответа не последовало, и Димыч рискнул поднять глаза. Все смотрели на него, улыбаясь – Генка, Данила, Петя, Яна, Катя. И кто-то еще, похожий на него, кого он не в силах был видеть. Нет-нет, туда не смотреть! Он сразу опустил голову.

– Что же, по-твоему, мы с ними сделали? – спросил второй Генка.

Он говорил в точности, как настоящий Генка – с его насмешливыми интонациями утонченного интеллектуала. И все же что-то было в его речи новым, чего не было у прежнего Генки. Может, больше сердечности?

Димыч нахмурился.

– А то, что они вас как увидели, так и забыли... – Димыч загнулся, почувствовав, что обвинение звучит странно. – А потом стали какими-то не такими...

– Так какими же?

– Ну... – Он задумался. «Как странно, я стою и придумываю фразы, чтобы объясниться с призраками, – вертелась мысль. – А хотя – какая теперь разница?». Он откашлялся. – Сухими, что ли.

– Они стали превращаться в городских людей, в цивилизных, – вдруг подала голос Женя. Димыч с удивлением посмотрел на нее. – В таких, как все. Которые работают, зарабатывают деньги. А потом едут отдыхать на Байкал или на Камчатку... Или в платное восхождение на Эльбрус.

– Гм... А что плохого в Камчатке? – усмехнулась вторая Яна.

– Да и в Байкале ничего страшного не вижу. Особенно в Эльбрусе, – подхватила вторая Катя.

Димыч насупился, подыскивая слова.

– Дело не в этом. Просто таким людям... им Камчатка нужна, чтобы потратить деньги, а не наоборот. Вот так!

– А как же наоборот? – заинтересованно спросил второй Генка.

– Наоборот – это когда работа и город нужны, чтобы поехать на Камчатку. Или еще куда угодно. Когда походы – это единственная настоящая цель жизни. Когда только это и есть

жизнь.

– А город – это просто вынужденный перерыв между походами. Как сон, – добавила Женя.

– И они все такими раньше были! А как побывали у вас, превратились... ну, просто в устройства, которые работают и тратят деньги. У них словно... словно бы сердце уменьшилось.

Димыч слушал себя и не верил, что это говорит он: так плавно и ладно лилась его речь. Раньше он только чувствовал все это, а теперь смог выразить. Он снова несмело поднял глаза. Призраки одобрительно переглядывались.

– Ну что ж, предположим. Но почему ты думаешь, что в этом виноваты мы? – Димыч не нашелся, что ответить, и Генка продолжил. – Тысячи людей в молодости живут с большим сердцем. Им поначалу всего мало – походов, борьбы, любви. А потом сердце усыхает, и хватает его только на то, чтобы радоваться повышению зарплаты и новой машине. Ну или поездке для дайвинга на Мальдивы, чтобы убедить себя, что деньги он зарабатывает не зря, и живет тоже не напрасно. И ты что, думаешь, что все они растеряли свои сердца, потому что встретили в лесу наш костер?

Это было так разумно, что Димыч и Женя забыли, что вроде бы должны бояться. Они посмотрели на призраков с любопытством.

– Но, если вы не хотите зла... им и нам, то зачем же тогда... – Димыч запутался.

– Зачем вы нас преследовали? – подхватила Женя.

Володя и Генка переглянулись, теперь уже с серьезными лицами: они будто тоже искали правильные слова.

– Ну а что если мы хотели спасти их сердца?

– От кого?

– От них самих.

Вновь повисло молчание.

– Кто вы такие? – спросил Димыч, поглядев на Володю в упор.

– Кто? Разве ты не видишь? – Володя улыбнулся, показав белые зубы. – Я – Володя, твой руководитель. А вот – Генка, Данила, Петька. Девчонки – Яна и Катя.

Он не назвал еще двоих, что сидели в дальнем углу и на кого Димыч с Женей по-прежнему старались не глядеть.

– Но... а как же тогда *другие*? Настоящие? Они что – исчезли?

– Никуда они не исчезли, – сказала Яна. – Они вернутся домой, будут спокойно себе жить-поживать и добра наживать.

– А вы? – Димыч непонимающе уставился на нее.

– А мы будем здесь. Всегда.

На сей раз молчание длилось дольше. Прервал его Данила.

– Как бы тебе это объяснить, Димон... Понимаешь, мы – это лучшее, что в них есть. Потому-то мы и остаемся здесь, чтобы им было, что вспомнить через много лет.

– Мы – их сердце, – добавил Петя. – Если бы мы не оста-

лись, то ссохлись бы вместе с ними. А так – они смогут потом вспоминать, какими классными были когда-то. И как вспомнят, на душе у каждого станет светлее.

Володя стал тихонько перебирать струны и напевать. «Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце», вспомнил Димыч строчку [4]. Внезапно пришедшая мысль заставила его вздрогнуть.

– Значит, теперь вы заберете и наши сердца?

Володя перестал играть. Все удивленно замолчали.

– Как же их у вас заберешь, когда вы не отдаете?

Группа рассмеялась.

– Мы ничего ни у кого не забираем. Люди сами оставляют свое сердце, когда чувствуют, что оно – такое большое, горячее – им уже не нужно, – сказал Володя. – Тяготит, хлопот с ним много. Вот они и говорят себе: мне хватит и воспоминаний. И тогда мы приходим и помогаем им. А тебе, да ей – он кивнул на Женю – вам сердца нужны!

Димыч с Женей слушали, ничего не понимая.

– Вы пока еще живете «километрами, а не квадратными метрами», – продекламировал Володя. – Вам не нужно ни квартир, ни машин, ни так называемой приличной работы и приличного отпуска. Да и вряд ли это у вас когда-нибудь будет. Сдается мне, вы оба будете всю жизнь еле-еле сводить концы с концами, зато целыми месяцами будете таскаться по стране с кучей грязных сопливых детей, по ходу залезая на все доступные горы и купаясь во всех озерах...

– У вас не будет ни хорошей одежды, ни снаряжения. Все латанное и с чужого плеча, – подхватил Данила. – Будете вечно трястись в плацкартных вагонах и междугородних автобусах, а ночевать в лесу в старых палатках, потому что ни на что другое у твоего мужа, который будет изредка наниматься в какой-нибудь временный «проект», чтобы сбежать сразу по его завершении, денег не будет...

– И вы будете уходить все дальше от городов и популярных маршрутов, в глушь и даль, куда пока еще не модно ездить глянцевым туристам с большими зарплатами, – добавила Яна. – Таких мест будет все меньше, но вы все же будете их находить, а потом и вовсе там останетесь.

– Вы ничего за всю жизнь не скопите, и детям своим оставите в наследство только память о чудачках-родителях, – сказала Катя. – Но и вы, и они будете счастливы.

– Короче, такие сердца, как ваши, никому не забрать, – ухмыльнулся Володя.

«Почему они говорят про нас «вы»? – подумала Женя. – И про детей наших... И почему сопливых... Как будто бы мы с Димой... Но ведь это не так!» Она покосилась на Димыча, желая узнать, уловил ли он эту странность. Но он, похоже, не уловил – его интересовало другое.

– А те люди, которые не только сердце... Те, которые совсем, целиком в горах остались? Которые здесь погибли? Они что, тоже этого хотели? – спросил он.

Володя удивился.

– Почему ты нас об этом спрашиваешь? Вот у них бы и спросил. А впрочем... – Он почесал за ухом, сдвинув шапку на лоб. – Думаю, отчасти да. Они ведь специально в горы пошли, в надежде – ну, может, хотя бы на сотую долю – что не вернутся. Значит, привычные жизнь и смерть им были не по душе. Может, чувствовали, что доживи они до дряхлой старости, будут жалеть, что не ушли вовремя, а? В горах – это ж то же самое, что в бою умереть. То есть вечно живым остаться. А дожить до старости – это, наоборот, значит умереть при жизни. Что тебе больше нравится?

Димыч не ответил, но по его лицу было понятно, что ему предпочтительней.

– В том-то и дело. Сдается мне, что и тебе мертвым жить не захочется. Вот когда почувствуешь, что пора, что еще немного – и большое сердце начнет гаснуть, уменьшаться – вот тогда приходи сюда. И будешь вечно живой. Но пока – рано. Ишь ты, он думал, что мы его заберем! – Володя весело подмигнул товарищам. – Вам надо еще детей родить – таких же сумасшедших, как вы сами.

– Но мы не... – Женя то ли хотела сказать «мы не сумасшедшие», то ли запротестовать, что их считают парой, но запнулась. На фоне всего, что они увидели и услышали, это было мелочью.

– Да не бойтесь вы, подойдите поближе. Сядьте к огню, – позвал Генка. – Ноги, небось, уже от мороза отваливаются.

– Батюшки, они в носках вылезли!

– А мы правда будем помнить, что видели вас? – спросила Женя, но с места не двинулась.

– Если будете там стоять, то точно не вспомните, потому что скоро околеете. Да идите же сюда, тут тепло!

Женя и Димыч робко, шагок за шагом, подошли к костру. Хозяева зашевелились, уступая им место. Женю усадили между Димычем и Данилой. И странно – стоило ей усесться, как страх сразу исчез. Данила был не прежний, а новый, добрый и теплый. Он даже поддержал ее сзади рукой, чтобы она могла расслабить спину. Вскоре все забыли о гостях и принялись беседовать, как ни в чем не бывало. Время от времени Володя брал гитару, и тогда все дружно пели – и Женя с Димычем тоже. А потом они болтали, и жарко спорили, и смеялись, и теперь это не казалось Жене странным. Ей стало хорошо. Ноги, протянутые к огню, согрелись, тело наполнилось дремотой и отяжелело. Она поежилась, чтобы удобнее устроиться на димычевом плече, и незаметно уснула. «Где полярная длинная дуга служит изголо-овьем» [5] – было последнее, что она услышала, прежде чем провалиться в небытие.

...

– Женька, Женька, вставай! – было первое, что она услышала, когда из него выбралась.

Сквозь ресницы пробивался свет. С трудом разлепив веки, она увидела дырявый, потемневший от копоти снежно-веточный свод пещеры. У самого лица, тряся ее за плечо,

склонился Димыч. А над его головой через большую дыру к ним заглядывало ослепительно-золотое солнце!

Восторженно охая, они выползли встречать сияющую гостью. Повсюду, где хватало глаз, расстился гладкий снежный ковер, искривший алмазами. Лишь внизу, у горизонта, он уступал место серо-зеленому морю леса. Небо было лазурным, но вблизи солнечного диска выбеливалась, не в силах с ним соперничать. Солнце не только светило – оно грело. И на всем свете стояла сладостная, священная тишина. Ночь, ветер, страхи – все было изгнано глубоко под землю. «Вставай и иди, я помогу!» – будто говорило солнце. Нетвердо встав на ноги, Димыч огляделся. Это было невероятно, но они ночевали точно в створе Каменки: внизу в морозной дымке было видно, как она уходит в долину широкими извивами. Всего в полусотне метрах начинался спуск. Как же они вчера этого не заметили? Они, как по команде, переглянулись, и тут же вспомнили давешнюю ночь. Вот здесь, точно здесь, был костер... Но от него не осталось и следа. Только ровный свежий снег.

Женя хотела что-то сказать, но Димыч перебил:

– Пошли скорей собираться! Не надо ни о чем думать.

Эпилог

Прошло полтора года. Был июль. Солнце стояло высоко в небе, и не жарило только потому, что его остужали убеленные снегами хребты. Между ними, как в колыбели, покоилась изумрудно-зеленая долина. Если бы не усталость, которая есть безошибочный признак реальности, можно было бы принять это за красивую картинку из интернета. Но участники группы, расположившиеся перекусить на тропе, точно знали, что это не так. Хотя и соглашались с тем, что место – волшебное. Привычные руки дежурных успели извлечь из рюкзаков и разжечь газовые горелки. Сейчас на них уже грелись котелки, наполненные водой из ручья. Те, кто не был занят на приготовлении обеда, тратили драгоценные минуты отдыха по своему усмотрению: кто-то заклеивал натруженные ноги пластырем, кто-то переодевался, кто-то фотографировал уже десятки раз запечатленные горные пейзажи. А кто-то принимался болтать, стремясь восполнить недостаток культурной пищи, который на третий день похода уже начинал ощущаться. Темы для разговоров, не связанные с маршрутом, потихоньку исчерпывались, и для поддержания светской беседы приходилось заглядывать в самые дальние круги знакомых.

– Слышь, Димка, а Володя Стариков в этом году куда-нибудь ходил? Что-то не слышно про него, – вспомнил руково-

дитель еще ни разу не помянутого персонажа.

– Да, чет он и тем летом никуда не пошел, и этим. Завязал, что ли, с походами? – подхватил штурман – высокий рыжий Коля.

Оба выжидательно посмотрели на Димыча, полагая его экспертом по Володе Старикову. Все помнили, что он был в последнем володином походе, лыжном, еще в марте прошлого года. Так как он, по обыкновению своему, не сразу ответил, а принялся задумчиво дышать на очки и протирать стекла, предварительное обсуждение продолжилось.

– Ага, причем как-то резко, как отрубил, – добавил плотный круглолицый Макс. Отросшая черная щетина забавно смотрелась на его младенчески-двойном подбородке. – А ведь раньше прямо жил горами! Зимой по два раза ходил, да и летом обязательно. А тут по весне встречаю его в автобусе – весь в таком цивильном, чистенький, одеколоном пахнет. Куда-нибудь собираешься? – спрашиваю. Он так улыбается, мнетя: мол, пока не знаю, да трудно сказать, то да се. Вроде как новую работу нашел, и не вырваться. Эх, вот так и пропадают люди для туризма! – шутливо закончил он.

– Ну что вы пристали к человеку, – благодушно сказал Ромыч, руководитель. – Может, он уже устал от этой неустроенности. Зарплата маленькая, перспектив – никаких. Понятно, пока был мальчишкой, все нормально – романтика. Но ведь ему за тридцать уже. Надо и жизнь устраивать.

– Говорят, они с Ленкой квартиру в ипотеку взяли, – вста-

вила завхоз Надя, более осведомленная в жизни Володи через свои женские связи.

– А, ну тогда все, привет. С такими кандалами он лет десять еще не вынырнет. А там и забудет, как крепления лыжные одевать.

– И как ледоруб в руках держать, ха-ха!

– Да они как-то всей группой разом соскочили, – продолжил Макс. – Генка-то знаете теперь что? Типа исторический блогер, видосы у него по сто тыщ просмотров...

Все заулыбались, вспомнив некогда походного товарища, а ныне молодую звезду интеллектуальной блогосферы – Генку Ефимова.

– Ага, у него даже где-то на центральном тэ-вэ интервью брали. Трактовал что-то про швейцарских ландскнехтов шестнадцатого века. Или семнадцатого, уж не помню.

– Молодец, оседлал тему! Вроде как его даже в кино консультантом приглашали.

– Ну так какие ему теперь походы! Уже не до того.

– А Данила Швец, я слышал, за границу подался, – вспомнил Коля.

– Так это не он сам, а его фирма.

– Но они же там далеко не всех брали, а только самых перспективных.

– Данилыч-то, понятно, перспективный. Он еще, когда мы с ним общались, такую себе зарплату вытребовал – ого! Говорят, отпуск теперь то в Африке, то в Полинезии проводит.

Снимает бунгало на частном острове! – передал Коля услышанную сплетню.

– И бабу себе завел под стать бунгалу – формы, как в «плейбое», ресницы приклеенные, как у куклы, и губы надутые! – захохотал Макс.

– Максик, что ты имеешь против красивых женщин? – кокетливо пропела Маша – походный доктор.

– Да я против-то ничего не имею, но мне ботоксные губы не нравятся! Я – за естественность.

– Максик, не завидуй. Ибо каждому – свое, – наставительно изрек Ромыч, хотя тоже с трудом удерживался от смеха.

Беседа перетекла в другое русло, и о Димыче временно забыли. Пользуясь этим, он пристально посмотрел на Женю – она молча возилась у котлов, помешивая суп. Почувствовав его взгляд, она подняла глаза, и тут же снова опустила.

– И все-таки, удивительна эта синхронность смены интересов, – решил Коля вернуться к прежнему сюжету, когда ботоксных женщин обсудили. – Я понимаю, когда кто-то один из компании походы бросает. Ну ладно – двое. Но ведь все поголовно! Говорят, и Петя Гладкий больше не ходит, и девчонки – Яна Затеева и Катя Гершевень. Тоже, говорят, в карьеру с головой ушли...

– Ну погоди, почему все? Димыч вот и Женька – еще как ходят. Кое-кто даже почти что на сносях – а тоже проводить мужа до перевала пошел!

Димыч встрепенулся. Женя вспыхнула и еще ниже скло-

нила голову. «На сносях» – это Макс, конечно, перебрал: у нее только-только показался животик. Но Димыч все равно разрешил ей подниматься не выше зоны лугов – хоть и налегке, без рюкзака. После этого она должна повернуть назад, в базовый лагерь, и там ждать возвращения товарищей с очередного кольца перевалов. Благо, маршрут был не линейный, а радиальный, с возвратом на ту же точку. Опять же Димыч постарался – уговорил Рому. Потому-то сейчас Женя изо всех сил старалась участвовать в жизни группы – помогать дежурному, готовить обед, мыть котел. Впереди уже виднелся край осыпи, где было намечено расставание. Группа уйдет вверх, а она, с своим крошечным рюкзачком – вниз. Ну да ладно, утешала она себя – Димыч обещал, что на следующий год он сам будет оставаться с *маленьким*, пока она ходит по вершинам. Представления о будущем материнстве были радужными и, откровенно говоря, не слишком реалистичными. Но она верила, что каким-то образом все именно так и получится. Димыч ведь знает, как она любит горы! Конечно же, он поможет ей. Как и всегда помогал.

– Димка! – Ромыч вновь обратился к специалисту по Володе. – Ты же был с ними в последнем походе, верно? И Женька вроде тоже. Только вы знаете, что их такое угораздило. Почему вдруг все разом туризм забросили? Что у вас там страшного произошло, а?

Ромыч шутил, а у Димыча сжалось сердце. Он мельком взглянул на жену – каково ей? Женя, наивно думая отвлечь

собеседников, напомнила, что чай уже заварился – можно наливать.

– Я бы прежде супчика похлебал, – за всех решил Ромыч. – Как там, еще не готово?

– Еще пару минут, и все будет!

Пытаясь помочь мужу заглушить мысль, которая свербила в ней самой, Женя зачерпнула чая и, поднявшись, подала Димычу. Он принял кружку и благодарно кивнул. Но тема на беду оказалась слишком занимательной, и участники не хотели так просто о ней забывать.

– Может, у вас там лавина сошла, а вы нам не рассказали, а? А ну-ка признавайтесь!

– Или вы снежного человека встретили, хе-хе?

– Да нет, не сошла и не встретили, – вздохнул Димыч, отпивая горячий чай.

– Слушай, а почему, кстати, вы в походе разделились? – припомнила Маша кем-то рассказанную историю.

Димыч с Женей снова тревожно переглянулись, и он сделал ей знак рукой – иди, мол, на место, сам справлюсь. Женя покорно вернулась к котлам, но продолжала незаметно поглядывать на мужа.

– Дык я ж рассказывал – Женька пальцы на ноге сильно поморозила, решили не рисковать. – Димыч пытался как можно непринужденнее изложить тщательно продуманную и много раз озвученную легенду. Но голос все равно подрагивал от волнения. Впрочем, те, кто знал его не так хорошо,

как Женя, ничего не заметили. – Гм, думали, через соседнюю долину срежем, и быстрее в цивилизацию выйдем. А оказалось – ничего и не выгадали. В итоге в Ершуково с нашими и пересеклись, и вместе в поезд сели. И чего, казалось бы, спешили?

Он не сказал, что в Ершуково они специально меняли билеты в другой вагон, чтобы не ехать вместе с группой, и встретились только на пересадке в Москве. Тут уж разминуться не удалось: вся володина компания расположилась на перроне в ожидании посадки, и Петька, самый глазастый, издали их заметил. Димыч, побледнев от неожиданности, готов был чуть ли не бежать назад, но дружелюбный окрик руководителя его остановил.

– Димон, эй! Не видишь нас, что ли? Ну, как ваши дела? Как нога Женькина?

Беглецы замерли, не зная, что думать и что делать. Какая нога?! Почему Володя, вместо того, чтобы ругаться – или на худой конец гневно промолчать – участливо спрашивается о здоровье?

– А мы-то боялись – как вы там, с ногой-то помороженной? – продолжал Володя, уже спеша к ним навстречу. Лениво, но поднялись и Генка с Данилой. – Я уж десять раз себя казнил – зачем, мол, вас отпустил? Ничего себе – по Каменке задумали срезать! Вдвоем! И как это ты меня уговорил, ума не приложу. Наверное, соображал я тогда плохо.

– Да ладно, все нормально с ними. Смотри, как ловко ко-

выляет! – сказал Данила. – Я с самого начала был уверен, что это все симуляция. Они просто хотели вместе побыть, да? – Он подмигнул Димычу.

– Никакая не симуляция, я сама видела, что нога больная, – строго перебила Яна. – Я тоже была против, чтоб они одни уходили. Да кто ж меня послушает? Все ка-ак переполошились...

– Все верно, я один виноват, – хихикнул Володя. – Но главное, все обошлось, да?

– К врачу-то в Ершуково попали?

Димыч и Женя посмотрели друг на друга и разом неуверенно кивнули.

– Я же говорил, что тут важна оперативность обращения, – добавил Генка. – Правда, по-хорошему надо было всем сниматься с маршрута, да вести ее, ну да вы так все быстро решили... Раз-раз – и ускакали!

– Ладно, что было, то прошло! Главное, что все живы и все вместе. ...Э, кажись, уже посадка началась. Готовьте паспорта!

– Они снова ничего не помнят, – шепнула Димычу Женя, топчась у входа в вагон в хвосте группы. – Забыли все. Даже про то, как за нами гнались!

– Похоже, они уверены, что сами нас отпустили. Типа ты ногу поморозила, а я тебя эвакуировал. Надо и нам этой версии придерживаться, – тихо сказал Димыч.

В плацкартном вагоне у группы был целый отсек на ше-

стерых – купейная часть и боковушки – и еще два боковых места отдельно, ближе к выходу. По билетам этот анклав принадлежал Яне и Кате, но его сразу, как само собой разумеющееся, уступили Димычу и Жене. «Семейное уединение», усмехнулся Данила. И как-то так вышло, что в общую «гостиную» уединившиеся почти не заглядывали. А товарищи их не особенно и звали. Проходя мимо в туалет, Димыч слышал совсем не походные разговоры: обсуждали работу, зарплаты и виды на покупку квартир. Группа сердцем была уже в городе. В Москве, на пересадке, Данила и Генка закупили дорожкой еды – ветчину с маслинами, семгу, красную икру, сыров разных видов, какой-то особенный ручной работы хлеб в бумажных пакетиках, и вдобавок к этому бутылку элитного коньяка. Его разливали по кружкам под столом, посмеиваясь и прячась от проводницы. Димыч по привычке ожидал от Володи какого-нибудь пафосного выступления – мол, что это такое за буржуйство, мы же типа суровые походники, должны жрать простой хлеб с килькой в томате – но ничего такого не услышал. Может, конечно, он именно эти моменты пропустил, но всякий раз, пробираясь мимо «штабного» купе, он видел Володю, с аппетитом жуящего бутерброды с семгой и нахваливающего коньяк.

– Димон, присоединяйся! – вежливо приглашали его. – Чего вы там от коллектива отделяетесь? Еще намилуетесь в городе!

Но Димыч чувствовал, что ребята будут рады, если он от-

кажется: едоков и так хватало, а деликатесы не бесконечны. А главное, они с Женей явно выпали из общей атмосферы, и это уже чувствовали все. Никто не смог бы сказать, в какой момент это началось. Это знал только Димыч.

– Да нет, ребят, у нас с Женькой что-то с животом... Наелись пирожков ершуковских, до сих пор не отойдем.

– Вот я всегда говорил, что из походной диеты надо выходить с осторожностью! – изрек Володя, довольный тем, что обошлось без лишних конкурентов на семгу. – Нельзя сразу наваливать много жиров. Организм может не справиться.

– Сам-то ты ничего, жирами не брезгуешь! – засмеялась Яна.

– Так я же постепенно. Я еще в Ершуково начал, – оправдывался он, доедая бутерброд.

Про Димыча забыли, и он потихоньку прошел мимо – к себе и Жене. Постепенно его замечали все меньше, и когда дома, у вокзала, группа традиционно встала кружком для прощания, некоторые в первую минуту даже удивились, что в их компании образовались еще два участника.

– Народ, я с такси договорился! С каждого по стошке – и домой с комфортом! – радостно объявил Данила, бегом возвращаясь от автостоянки.

– Правильно. Считаю, мы это вполне заслужили! – воодушевился Володя.

– Э-э... Только я две машины попросил, по три человека в каждую. Забыл, что нас восьмеро, – растерянно сказал Да-

нила, оглядев группу. – Получается, двое лишних.

Все почему-то сразу посмотрели на Димыча и Женю. Было понятно, что лишние – именно они.

– Да ничего, все нормально! Мы как раз с Женькой прогуляемся, ноги разомнем, – заторопился Димыч. – Я и не привык с вокзала на такси ездить.

– Да, да! – закивала Женя, держась за его локоть.

– Ну, Димон, ты прям настоящий, оловый турист! Суровка – так до конца, до входной двери, – одобрил Данила. Ему не хотелось тратить время на поиск третьей машины.

Таксисты-азербайджанцы уже махали руками, стоя у своих обшарпанных «лад». Надо было спешить. Все наскоро, неуклюже попрощались и побежали рассаживаться. А Димыч с Женей смотрели им вслед. Больше они ни с кем из группы не виделись. Впоследствии, когда у Димыча спрашивали, почему Володя (а также Гена, Данила, Петя etc) бросили походы, он всякий раз терялся. Он-то знал, почему, но объяснить не мог.

...

Группа вернулась в лагерь ровно к шести вечера, как и было уговорено. Женя только-только начала волноваться (без причины, просто потому, что всегда волновалась), как на повороте тропы, идущей с ледника, появились маленькие фигурки. Она сразу кинулась разжигать горелки. Гречневая крупа давно была засыпана в котел и залита водой, оставалось поставить на огонь. Прошло еще полчаса, и лагерь на-

полнился гомоном голосов и лязгом железа: усталые и гордые восходители с подчеркнутой небрежностью отстегивали и сбрасывали на землю тяжелые гроздья карабинов. Женя суетилась между ними, встречая, помогая и подавая, но украдкой не сводила глаз с Димыча. Душой он еще был там, на горе; она терпеливо ждала, когда он вернется к ней. Еще через полчаса, утолив голод, все с удобством расселись в кружок и, попивая чай, хвастались впечатлениями (Женя слушала, стараясь подавить зависть). И только в сумерках, когда все разошлись по своим делам, она получила мужа в безраздельное пользование. Димыч устроился на камне, разложив карту, и в сотый раз рассматривал завтрашний маршрут. Женя уселась на земле, обняв его колено, и рассеянно слушала.

– Все-таки эта перемычка мне непонятна, – говорил он сам себе, тыкая грязным ногтем в густо заштрихованный участок. – Показания народа разнятся. Кто-то говорит, что там камни падают и вообще ужас-ужас. А в том году Костик Яснец нормально прошел, и не заметил даже. Вот и думай теперь, что там на самом деле...

– Знаешь, Димка? – Женя вдруг подняла голову. – А ведь я знаю, что ты вовсе не такой страшный сухарь, как думают некоторые.

Димыч, погруженный в раздумья, не сразу уловил смысл слов.

– Я? Не сухарь? Гм... А почему сухарь? То есть, а почему

не сухарь? – Сообразив, о чем речь, он чуть улыбнулся, но глаз от карты оторвал. – Вообще-то я сухарь. Так что *некоторые* правильно думают.

– А я знаю, что нет. – Женя потерлась щекой о его руку. – Ты добрый.

– Нет, я не добрый.

– И ласковый.

– Нет, не ласковый.

– И ты меня очень любишь.

– Нет, не люб... Уфф. Женька, ну перестань! – комично взмолился он.

Он еще делал вид, что смотрит в карту, но голос стал теплее, и рука как бы невзначай легла Жене на плечо.

– Димка!

– Угу?

– А я смогу в следующем году сходить в поход?

Она знала ответ, но хотела еще раз услышать.

– Ну я ж говорил. Сможешь. В крайнем случае, если с *мелким* совсем тяжело будет – через пару лет сходишь. Времени-то впереди много.

Стало темнеть, пришлось включить фонарь.

– Нет, не много, – серьезно сказала Женя. – Через два года я, может быть, снова буду... – Она потрогала свою округлившуюся талию.

Димыч приподнял край карты и посмотрел на жену поверх очков.

– А откуда ты знаешь?

– Ну, как же. Помнишь, нам обещали, э-э... кучу сопливых ребятишек?

Димыч сначала не понял, о чем она, но постепенно его взгляд прояснился. Память, заглянув в потаенный уголок, куда обычно смотреть запрещалось, вытащила картинку. Там была зима, ночь, костер и группа. И огромная заснеженная ель. Димыч поглядел на картинку, усмехнулся и убрал обратно. А потом бережно сложил на коленях карту.

– Ладно, все. Спать пора. Завтра вставать рано. А тебе вообще вредно на холоде сидеть.

...

Конец

Примечания

- [1] – Песня Владимира Ланцберга.
- [2] – Песня Юрия Визбора.
- [3] – Песня Арика Круппа.
- [4] – Песня Владимира Высоцкого.
- [5] – Песня Арика Круппа.